

63.3(2-2018)
С 51

Альманах

СМОЛЯНОЙ ПУТЬ

Выпуск 3

Железнодорожный вокзал в Койвисто

Кинотеатр «Прожектор»

63.3(2-2СП8)

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ АЛЬМАНАХ

С51

СМОЛЯНОЙ ПУТЬ

Выпуск 3

АБОНЕМЕНТ

177613/3

ГБУК «ЦБС Курортного района»
Санкт-Петербурга

ЦЕНТРАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА
им. М. Зощенко
ГБУК «ЦБС Курортного района» Санкт-Петербурга
197701, г. Сестрорецк,
ул. Токарева, 7 тел. 434-7157

Санкт-Петербург
2016

Смоляной путь.

Альманах. Выпуск 3 - СПб: Межрегиональный общественный культурный фонд им. Валерия Сулова, 2016. - 164 с.

В третьем выпуске альманаха «Смоляной путь» собраны статьи историков и краеведов - участников историко-культурного фестиваля «Смоляной путь», состоявшегося в августе 2016г. в Курортном районе Санкт-Петербурга в г. Зеленогорске, г. Сестрорецке, пос. Комарово, пос. Репино. Фестиваль творчески сплотил научно-практическую конференцию историков, краеведов, музееведов, специалистов в области исторического туризма с пленэрами художников и показами документальных фильмов, посвященных местам, событиям, людям Курортного района Санкт-Петербурга, творческому диалогу культур стран Скандинавии и России.

На обложке:

«Утро, васильки», холст-масло, 40х60 см, 2016 г..

Художник Мария Доронина. Холст-масло, 40х60 см, 2016 г.

ISBN 978-5-9908492-2-8

Отпечатано в типографии ООО «Росбалт» © Авторы, 2016

*КУЩАК Александр Иванович,
депутат Законодательного Собрания
Санкт-Петербурга*

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Историко-культурный фестиваль «Смоляной Путь» уже третий раз проходит в Санкт-Петербурге. Он стал открытой площадкой для выступлений петербургских краеведов, историков, учёных самых разных направлений – исследователей одного из самых живописных уголков Северо-Запада России – побережья Финского залива Карельского перешейка.

Стараниями людей неравнодушных, как выражались раньше, «ревнителей старины», мы вновь обретаем те жемчужинки отечественной культуры, которые засверкали в бурных водах российской и мировой истории на рубеже веков.

Задача фестиваля «Смоляной Путь» была будто бы предугадана прозорливостью устроителей. Выявить и представить петербуржцам незаслуженно забытые имена, точно определить «гений места» в непосредственной его исторической подлинности, сформулировать и опубликовать семейные познавательные маршруты выходного дня – все эти задачи оказались чрезвычайно актуальными в условиях оживления интереса к объектам внутреннего туризма.

Петербургское побережье Финского залива Карельского перешейка – это целая энциклопедия, состоящая из многих глав. Это и Петровская эпоха с её индустриальным размахом, и эпоха имперской унификации, увенчанная оборонительными сооружениями, и бодрящий дух Александровских правовых и экономических реформ, и меланхолия Серебряного века в предчувствии революционных бурь, и войны, и ударный труд века двадцатого, и новая философия сотрудничества, народной дипломатии двадцать первого века.

Чтобы прочитать эту энциклопедию, разобраться в хитросплетениях, вникнуть в детали – одних «уик-энд» не хватит. Темпы и стрессы современной жизни диктуют необходимость формирования новой формы непрерывного постижения культурно-исторического феномена Санкт-Петербург.

Зачастую, стремясь увидеть и изучить дальние страны, их необычные памятники культуры, мы упускаем из вида очень важные историко-культурные объекты, события и факты, которые находятся в непосредственной близости от нашего дома, нашей улицы, нашего района.

Одно из важных предназначений этого альманаха, напомнить, что неизведанное, родное, присутствующее всем петербуржцам и россиянам, совсем рядом. Как говорится, в пределах «шаговой доступности», в пределах маршрутов общественного транспорта Санкт-Петербурга.

Выражаю свою признательность и благодарность организаторам историко-культурного фестиваля «Смоляной Путь», краеведам, издателям и авторам альманаха.

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Вы держите в руках третий выпуск историко-культурного альманаха «Смоляной Путь». Его издание – это, прежде всего, предоставляемая городом Санкт-Петербургом возможность опубликовать результаты своих исследований для целого ряда краеведов, историков, исследователей разных аспектов того богатого культурного наследия, которое накоплено в Курортном районе Санкт-Петербурга со времён императора и реформатора Петра Великого. Мы чтим его память, и каждый год 9 июня собираемся у его бюста, в сквере его имени в Сестрорецке, вспомнить эпоху его славных дел, во многом обусловивших современное величие России.

«Смоляной Путь» - это название историко-культурного фестиваля, которое призвано напоминать нам об индустриальных связях России со странами Скандинавии, об обширных периодах конструктивного сотрудничества с Финляндией и об уроках истории, которые учат нас стремлению к миру.

Но «Смоляной Путь» сегодня воспринимается уже и как трибуна, с которой выступают исследователи путей духовных исканий наших предков.

На конференции, проходящей в рамках фестиваля, ежегодно затрагивается тема изучения и восстановления православных храмов на территории современного Курортного района Санкт-Петербурга.

Подчеркну, что сегодня мы не только восстанавливаем утраченные в богоборческое время старинные церкви, но и обретаем новые.

Петербуржцы, сестроречане, жители и гости Курортного района Санкт-Петербурга уже могут посещать церковь Святой Блаженной Ксении Петербургской на территории больницы № 40 в Сестрорецке. 6 февраля 2016г., в День памяти Блаженной Ксении Петербургской, состоялся великий чин её освящения. Службу возглавлял митрополит Петербургский и Ладужский Варсонофий. Храм построен по проекту заслуженного художника, лауреата Государственной премии Российской Федерации в области архитектуры Ивана Уралова. Проектирование и строительство храма осуществлялось на народные пожертвования.

Предметом особенной заботы для нас сегодня является и строительство церкви Покрова Пресвятой Богородицы в Зеленогорске на территории психоневрологического диспансера (ПНИ 1). Храм также строится на народные пожертвования. Его освящение также намечено на 2016-й год. И я выражаю признательность как всем жертвователям на строительство этой церкви, так и организаторам фестиваля, сделавшим его изображение символом «Смоляного Пути 2016». Давайте построим этот храм вместе.

Мне представляется хорошей традицией изготовление новой редакции карты достопримечательностей Курортного района Санкт-Петербурга к очередному фестивалю. Очень важно, чтобы эта карта начала публиковаться с маршрутами. И, конечно же, одним из первых хотелось бы увидеть православный маршрут. От храма к храму.

С пожеланиями мира и добра,

глава администрации Курортного района Санкт-Петербурга

А.В. Куимов

**Каталог историко-культурного
фестиваля «Смоляной путь»**

СМОЛЯНОЙ ПУТЬ

The logo consists of a 3D-rendered sphere with a gradient from light to dark, positioned above a thick, black, curved line that resembles a smile or a path. The text 'СМОЛЯНОЙ ПУТЬ' is written in a bold, sans-serif font, with the sphere and line integrated into the word 'ПУТЬ'.

Выпуск 3

Группа издательских проектов «Остров Слов»
www.gennin.ru

ШКАРОВСКИЙ Михаил Витальевич
доктор исторических наук, главный архивист
Центрального государственного архива Санкт-Петербурга

СВЯТО-ТРОИЦКИЙ ЛИНТУЛЬСКИЙ МОНАСТЫРЬ — ОБЩАЯ СВЯТЫНЯ РОССИИ И ФИНЛЯНДИИ

Одним из важных духовных центров Финляндии в XX веке был православный Свято-Троицкий Линтульский монастырь. Первая женская обитель в Великом княжестве Финляндском была основана в 1890-е гг. при активном участии святого о. Иоанна Кронштадтского и тайного советника Ф.П. Неронова на мызе Линтула Эурьяпяского уезда Выборгской губернии (ныне пос. Огоньки Выборгского района Ленинградской области). 11 сентября 1905 г. обители был присвоен статус монастыря. И сразу она начала активную благотворительную деятельность. Так во время русско-японской войны сестры Линтульской общины передали в 1905 г. здание усадьбы «Мир», пожертвованной им будущим схимонахом Иннокентием (Сибиряковым), для устройства военного госпиталя и санатория, который содержался за счет вдовствующей императрицы Марии Федоровны (матери Николая II). В результате вся монастырская усадьба получила новое название «Здравница». От этого русского слова произошло и ее финское название – «Рауница» (Raunitsa). В усадьбе размещался военный санаторий до революционных событий 1917 г.

К 1917 г. Линтульский монастырь уже представлял собой сформировавшуюся в духовном и материальном плане обитель. Число его насельниц доходило до 70, ежегодно не менее 100 верующих прибывали сюда на богомолье. Имелось довольно развитое монастырское хозяйство. В Линтуле существовал детский приют для русских и финских детей, в котором обучали русскому языку, арифметике, географии, истории и Закону Божию.

Революция 1917 г. и последовавшие за ней события сказались на положении монастыря. В декабре 1917 г. Финляндия стала независимой, и монастырь оказался в особой пограничной зоне со строгим контролем. Пожертвования, поступавшие из России, полностью прекратились, перестали приезжать паломники. Экономическое положение резко ухудшилось, чтобы избежать голодной смерти все сестры постоянно занимались сельскохозяйственными работами. За короткий срок их число сократилось с 70 до 40.

После получения Финляндией независимости положение Православной Церкви в ней существенно изменилось. 6 июня 1923 г. Финляндская Православная Церковь была принята с правами широкой автономии в Константинопольский Патриархат. В середине 1920-х гг. сестры Линтульской обители, вслед за всей Финляндской Православной Церковью, были вынуждены перейти на григорианский богослужебный календарь, хотя пытались оказать в этом вопросе сопротивление государственным и церковным властям. Тесную связь сестры Линтульского монастыря поддерживали с общиной русского Казанского храма в Терийоках, настоятелем которого в первые послереволюционные годы служил протоиерей Григорий Светловский, высланный в конце 1925 г. по распоряжению губернатора из Терийок в Выборг за проведение Пасхального богослужения по юлианскому календарю. В дальнейшем в Казанской церкви служили протоиерей Михаил Орфинский и диакон Антоний Быстриевский, постоянно бывавшие в Линтуле.

С 1924 г. в монастырских храмах богослужения и все требы в Линтульской обители совершали иеромонахи Спасо-Преображенского Валаамского или Рождество-Богородицкого Коневско-го монастырей. Одна из сестер Линтульской обители – будущая игуменья Антонина (Боллведж) разделяла убеждения большинства иноков Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, несколько десятилетий борющихся за чистоту Православия и старый календарь. Являясь духовной дочерью валаамского старца Тимона (Питкевича), она всей душой поддерживала дух истинного монашества.

После 1917 г. в приграничной Линтуле нередко находили временный или постоянный приют беженцы из Советской России. В 1922 г. подала прошение стать насельницей монастыря известная бывшая фрейлина и близкая подруга российской императрицы Александры Федоровны Анна Александровна Танеева (в замужестве Вырубова), чудом избежавшая расстрела в Советской России. Проживая с 1921 г. в Терийоках, Анна Александровна совершала частые поездки в Линтульский и Валаамский монастыри. Однако в обитель ее не взяли, как инвалида, нетрудоспособную и не привыкшую к тяжелым сельскохозяйственным работам. Тогда 14 ноября 1923 г. Анна Александровна тайно приняла монашеский постриг с именем Мария (скончалась она в 1964 г. в Хельсинки).

Помимо А.А. Танеевой со Свято-Троицким монастырем были связаны и многие другие беженцы из СССР. Утратив связь с Россией, обитель стала островком православного благочестия на территории иноязычной и инославной страны. Некоторые вынужденные эмигрантки поступили сестрами в Линтульскую обитель. При монастыре существовало кладбище, где, помимо сестер обители, были захоронены некоторые русские эмигранты, например, жена художника Юрия Репина, сына знаменитого живописца Ильи Репина, Прасковья Андреевна (урожденная Андреева), скончавшаяся в 1929 г. Юрий Репин с детьми до советско-финской войны постоянно посещал могилу жены. Сам Илья Ефимович, несомненно, тоже бывал в монастыре на могиле невестки.

Жизнь сестер в новых условиях постепенно наладилась, хотя приняла существенно более скромные, чем до революции, формы. Однако постепенно в монастырь летом стали приезжать многочисленные гости, для которых устроили кафетерий, в здании детского приюта – летнюю гостиницу и лавку, где продавали свечи, иконы, четки; одна из монахинь выполняла роль экскурсовода, показывая приезжим обитель. Паломничество стало приносить определенный доход, помимо поступлений от сельского и лесного хозяйства. Монастырю по-прежнему принадлежали участки леса, довольно обширные сельскохозяйственные угодья, пасака, конюшни, ферма молочного скота, сапожная мастерская, мельница и лесопилка, которые действовали на близлежащей реке Линтуловке все 1920-е – 1930-е гг. На собственные средства обитель содержала приходскую школу. Существовал известный замечательным пением монастырский хор, в котором в 1934 г. пели 10 сестер.

В 1929 г. в Сердоболе (Сортавале) вышла небольшая книга «Линтульский Свято-Троицкий женский монастырь», которая продавалась в обители и дарилась почетным гостям. На обложке одного из сохранившихся экземпляров книги имеется автограф игуменьи Ларисы от 17 июля 1929 г.: «На молитвенную память отцу игумену Павлину настоятелю [Спасо-Преображенского Валаамского монастыря]». Сестры обители также участвовали в издании в 1921-1940 гг. периодического издания «Пробуждение. Ежемесячный русский свободный христианский орган в Финляндии» с приложением «Детский уголок». В 1920-х гг. в монастыре насчитывалось около 40 насельниц, а к 1939 г. – 44 сестры. Хотя Линтульской общине статус монастыря был предоставлен еще в 1906 г., финляндские государственные власти юридически признали его только в 1932 г.

На своем первоначальном месте Линтульский монастырь просуществовал всего 44 года. В ноябре 1939 г. вспыхнула советско-финская война, и еще 11 октября, перед началом боевых действий, началась эвакуация обители. Прекратились богослужения в Свято-Троицкой церкви, все 40 сестер уехали в Центральную Финляндию. С собой им удалось взять лишь почитаемую в обители икону Божией Матери Иерусалимскую, духовную реликвию – часть облачения святого отца Ио-

анна Кронштадского, облачения священников и несколько предметов церковной утвари (сосуды для причащения).

В марте 1940 г. территория Линтульского монастыря отошла к СССР, но в конце лета 1941 г. ее вновь заняли финские войска. Однако сестры в свою обитель уже не вернулись. В 1943-1944 гг. в здании, где они ранее проживали, размещалась народная школа, в частности занятия проходили в помещении монастырской трапезной. Летом 1944 г. советские войска окончательно отвоевали Карельский перешеек.

Первое время после эвакуации из родного монастыря линтульские сестры пребывали в различных местах временного размещения: только в период войны 1939-1940 гг. они трижды меняли место проживания в Финляндии. После долгих поисков сестры осенью 1944 г. нашли подходящую по цене усадьбу в местечке Палокки (Palokki) в муниципалитете Хейнявеси (Heinävesi), куда и переселились. В обители остались только верные своему призванию монахини средних лет и старицы, всего 34 сестры. Монастырь сохранил свое прежнее название – Линтульский (Lintulan luostari).

С надеждой встретили сестры известие о том, что в 18 километрах от выбранного места – в усадьбе Папинниemi обосновались эвакуированные монахи из оказавшегося на территории СССР Валаамского монастыря, которые устроили Ново-Валаамскую обитель. Они очень помогли инокиням обустроиться, как выполнением тяжелых физических работ, так и духовным окормлением; именно эти иеромонахи совершали ежедневные богослужения для сестер. Из этого монастыря были получены многие иконы, три колокола и различные предметы церковного обихода.

Для продолжения монастырской жизни согласно прежним традициям необходимо было построить новую церковь и различные монастырские строения, в частности вместительный келейный корпус. С целью сбора средств и содействия возрождению монастыря было учреждено общество «Lintulan luostarin ystävät» («Друзья Линтульского монастыря») под председательством отца Льва (Лео) Макконена, позднее архиепископа Карельского и Финляндского. В 1966 г., несмотря на нехватку средств, удалось завершить строительство нескольких зданий.

Вплоть до конца 1960-х гг. Линтульский монастырь был полностью аграрным, и сестры долгое время жили только за счет земледелия и скотоводства. Однако на рубеже 1960-х – 1970-х гг. они взяли на себя обязанность изготовления свечей из пчелиного воска для нужд всех православных церквей Финляндии, и в 1967 г. при монастыре начал действовать вновь построенный свой небольшой свечной завод. Впоследствии, с ростом паломничества и туризма, в монастырском хозяйстве стали доминировать две основные статьи дохода: производство свечей и туризм.

Осенью 1972 г. было закончено возведение каменной церкви, по традиции во имя Пресвятой Троицы. Верхнюю часть иконостаса представляет собой Тайная вечеря, работы иконописца Александра Викстрема. Все остальные иконы в иконостасе, некоторые настенные иконы и большой за престольный образ Божией Матери «Знамение» написал известный финский художник японского происхождения Петрос (Петр) Ивао Сасаки (Petros Sasaki). В дальнейшем иконописец расписал в Финляндии несколько новопостроенных православных церквей. Он неоднократно приезжал и подолгу жил в Линтульском монастыре. Скончался Петрос Сасаки в 1999 г. и согласно завещанию был похоронен на кладбище Линтульского монастыря.

В связи со смертью почти всех прежних линтульских сестер, к 1980 г. число насельниц сократилось до 9: семи монахинь и двух послушниц, но затем оно вновь стало постепенно расти за счет прихода в обитель православных финок. В Хейнявеси монастырь начал постепенно превращаться в финскоязычный. С начала 1980-х гг. богослужения стали регулярно проводиться только на финском языке. В 1988 г. была построена гостиница для паломников, а в 1995 г. – в русском стиле бревенчатая кладбищенская часовня Иерусалимской иконы Божией Матери. В 2003-2004 гг. был реконструирован 150-летний старинный усадебный дом с устройством в нем кафе и сувенирной лавки.

В начале 1990-х гг. обитель посетил Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий

Ц, оставивший запись в книге почетных гостей. В дальнейшем он еще не раз приезжал в обитель. Когда в 1995 г. Линтульский монастырь праздновал свое столетие, то на праздник съехались многие сотни людей. Настоятельницу игумению Антонину (Боллведж) поздравляли архиепископ Йоханнус (Иоанн), митрополит Карельский и Финляндский Лео (Лев), представители русской и греческой православных церквей. Пели православные хоры из Йоенсуу и Хельсинки.

В 1998 г. скончалась игумения Антонина, и новой настоятельницей впервые была избрана финка, не бывшая насельницей старой Линтулы, – игумения Марина (Илтола). До поступления в обитель она несколько лет служила православным миссионером в Кении. Свойственное матери Марине умение находить общий язык с разными людьми, сохраняя при этом внутреннюю неизменность своих убеждений, принесло несомненную пользу Линтульскому монастырю. Небольшая по количеству сестер обитель установила широкие международные связи с общинами и монастырями многих Поместных Православных Церквей. Линтульские сестры также существенно активизировали свою миссионерскую деятельность, выступая с лекциями о Православии, переводя духовную литературу на финский язык, принимая посетителей обители других конфессий, и, готовя желающих принять крещение или перейти из лютеранства в Православие.

70 последних лет жизни Линтульской обители прошло в Хейнявеси. За это время монастырь врос в окружающую среду. И сегодня его влияние широко распространяется как на Финляндскую Православную Церковь, так и на все финское общество. В настоящее время в единственном во всей Скандинавии православном женском монастыре – Линтульской Свято-Троицкой обители окормляются 12 монахинь и четыре послушницы, все они этнические финки. В частности, насельницей монастыря является писательница монахиня Христодула (Kristoduli). Некоторые сестры окончили действующую с 1988 года кафедру православного богословия при теологическом факультете университета Йоэнсуу или Православную народную академию при Ново-Валаамском монастыре. Линтульская обитель поддерживает постоянные связи с российскими женскими монастырями, особенно с Константино-Еленинским монастырем в пос. Ленинское, Иоанновским и Воскресенским Новодевичьим монастырями в Санкт-Петербурге.

Ежегодно Линтульскую обитель посещают до 25 тысяч паломников и туристов, которые приезжают главным образом в летнее время, посещая одновременно близлежащий Ново-Валаамский монастырь. Значительная часть паломников прибывает из России. Они знакомятся с монастырской жизнью, покупают в специальной лавке сувениры, иконы, духовно-нравственные книги, церковные свечи, монастырские травяные чаи, вязаные изделия и другие произведения ручной работы. Сестры знакомят паломников с историей и современной жизнью Линтульского монастыря.

Кроме изготовления свечей и приема паломников, усилия сестер сконцентрированы на новых направлениях работы. Главным из них является духовное просвещение, которое осуществляется путем написания и перевода духовной литературы с греческого и русского. Сестры также занимаются золотошвейным рукоделием и пишут иконы для продажи. Богослужения проводятся на финском языке, ежедневно утром и вечером. Эти богослужения составляют основу духовной жизни монастыря и доступны для верующих в течение всего года. Храм Пресвятой Троицы постоянно открыт для посещения, в нем пребывают главные святыни обители: чтимая Иерусалимская икона Божией Матери и епитрахиль святого отца Иоанна Кронштадтского.

В начале 2010-х гг. историческая обитель в пос. Огоньки на Карельском перешейке была возрождена в качестве подворья женского Константино-Еленинского монастыря. Таким образом, Свято-Троицкий Линтульский монастырь был и остается общей святыней России и Финляндии.

*КОЛОСКОВ Евгений Андреевич,
кандидат исторических наук,
старший преподаватель кафедры теории
и истории международных отношений СПбГУ*

ФЕСТИВАЛИ ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ НА КАРЕЛЬСКОМ ПЕРЕШЕЙКЕ КАК ЭЛЕМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ¹

Представления человечества о своем прошлом на современном этапе традиционно разделяют на два больших элемента. В первую очередь, это историческая наука с ее сложным научным аппаратом и выверенной методологией на основе жесткой доказательной системы по принципу: доказать, что было. И второе - представление широких слоев населения, которые с историей сталкивались разве что в школе, но, тем не менее, имеет свои представления о путях развития нашей Родины и вполне реалистичные образы исторических событий и личностей, основанные, как правило, на художественной литературе и кинематографе. Традиционно под исторической памятью понимается информация в виде сохраняемых в обществе исторических представлений, мифов о событиях прошлого². Как правило, изучение принципов формирования исторической памяти связывают с проблемами не только исторической науки, но также психологии и педагогики³.

Как гласит известное изречение, ставшее названием исследовательского проекта «HistoriaNationemGignit», посвященного изучению национализма в институте истории Санкт-Петербургского государственного университета «История создает нацию», и поэтому безусловной задачей государства является деятельное участие в формировании исторической памяти, учитывая, что в современных условиях переписывания учебников по истории явно не достаточно. Пожалуй, самым ярким и эффективным способом формирования исторической памяти является историческая реконструкция (Historicalreenactment)⁴, являющаяся достаточно древним явлением, датируемым рядом исследователей временами императорского Рима и эллинистической эпохой⁵. В России данного рода популяризация исторического прошлого широкого распространения и популярности добилась лишь в конце 1990-х - начале 2000-х гг. и в основном в Северо-Западном ФО, а главным событием движения военно-исторической реконструкции России стал карельский город Выборг,

1. Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда, проект № 16-18-10080.

2. Репина Л.П. Культурная память и проблемы историописания (историографические заметки). М.: ГУ-ВШЭ, 2003. С. 10.

3. См. например: Schönemann В. Geschichtskulturals Wiederholungsstruktur? // Geschichte, Politikund ihre Didaktik. 34, 2006. S. 182-191. S. 182.

4. Anstruther I. The Knight and the Umbrella: An Account of the Eglinton Tournament, 1839. London: Geoffrey Bles Ltd, 1963. P. 12.

5. Giles H. A Brief History of Re-enactment // EventPlan

<http://www.eventplan.co.uk/page29.html> (Дата обращения: 31.07.2016)

где во дворе замка проходили показательные бои сотен представителей различных клубов военно-исторической реконструкции Средневековья со всей страны. Вторым по популярности долгое время оставался фестиваль проходящей на территории музея-заповедника крепости Корелы, г. Приозерск.

Отметим, что Карелия, и в целом Северо-запад России, является важным элементом формирования исторической памяти именно средневековой истории совершенно не случайно. Именно здесь согласно традиционным (и как следствие вошедшим в учебники по истории и народную память) представлениям начинается формироваться Древнерусское государство. Александр Невский одерживает здесь победы над «псами-рыцарями» и «шведскими захватчиками». И, самое важное, именно в Карелии сохраняется наибольшее количество крепостей и замков, способных стать прекрасным фоном для реконструкции сражений эпохи высокого средневековья.

Отметим так же, что в настоящее время в Карелии регулярно проводятся мероприятия посвященные Великой Отечественной, Финской и Гражданской войнам - так же очень успешным у зрителей сюжетам отечественной истории. По понятным причинам другая очень популярная эпоха - эпоха Наполеона и набирающая популярность реконструкция Первой мировой войны в Карелии проводятся эпизодически, в силу отсутствия привязанности к конкретным историческим локациям - местам памяти. Очевидно, что на очереди популярность эпохи Петра Великого и Смутного времени и русско-шведских войн первой половины XVII века, видимо, как своеобразный ответ на крайне популярную среди движения военно-исторической реконструкции и зрителей в Европе и Северной Америки эпохи Тридцатилетней войны и истории Английской революции.

Сейчас фестивали военно-исторической реконструкции проводятся достаточно регулярно и систематически привлекают большое количество зрителей и участников. Вполне очевидно, что особая атмосфера и интерактивность подобного рода времяпрепровождения, воспринимаемая к тому же как праздник, представляется крайне эффективным способом воздействия на историческую память достаточно широких масс населения, особенно подрастающего поколения. Показательным стало появление уже в первой половине 2000-х гг. целых туристических групп целенаправленно посещающих именно военно-исторические фестивали.

Значительная часть участников и, как следствие, зрелищность подобного рода мероприятий переместилась на восток: в Москву и в Тулу (серия фестивалей, посвященных Куликовской битве), и на юг (Крым). Тем не менее, именно Северо-западный регион, в особенности Карельский перешеек, остается наиболее интересным для проведения фестивалей в силу того, что данная часть нашей страны традиционно являлась местом культурного соприкосновения со Скандинавскими странами, которые, по крайней мере, до второй половины XIX века, играли важную роль во внешней политике Руси и позднее России.

Литература

1. Репина Л.П. Культурная память и проблемы историописания (историографические заметки). М.: ГУ-ВШЭ, 2003. С. 10.
2. Schönemann B. *Geschichtskulturals Wiederholungsstruktur? // Geschichte, Politik und ihre Didaktik.* 34, 2006. S. 182–191. S. 182.
3. Anstruther I. *The Knight and the Umbrella: An Account of the Eglinton Tournament, 1839.* London: Geoffrey Bles Ltd, 1963. P. 12.
4. Giles H. *A Brief History of Re-enactment // EventPlan*
<http://www.eventplan.co.uk/page29.html> (Дата обращения: 31.07.2016)

*ПОДОЙНИКОВ Станислав Иванович,
кандидат технических наук, старший научный сотрудник*

ПАМЯТНИКИ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ, НАХОДЯЩИЕСЯ ПОД ОХРАНОЙ ГОСУДАРСТВА И ИХ СОСТОЯНИЕ НА ТЕРРИТОРИИ КУРОРТНОГО РАЙОНА ГОРОДА САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

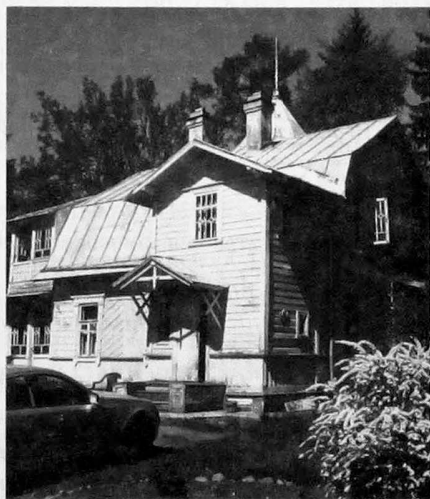
Культурное наследие — это часть материальной и духовной культуры, созданная прошлыми поколениями, выдержавшая испытание временем и передающаяся поколениям как нечто ценное и почитаемое. Объект культурного наследия — это место, сооружение, творение, комплекс, ансамбль, их части, связанные с ними территории, естественно антропогенные или созданные человеком объекты независимо от состояния сохранности, которые донесли до нашего времени ценность с археологической, архитектурной, эстетической, этнографической, исторической, научной или художественной точки зрения и сохранили свою подлинность. Сохранение и популяризация культурного наследия вызывает национальную гордость, патриотизм народов в его самосознании. Напротив небрежное отношение к этой части культуры, морально расценивается как предательство и измена Родине.

В Курортном районе в частности, а в Санкт-Петербурге в целом ведётся работа, как по сохранению, так и по постоянному выявлению и увеличению объектов культурного наследия. Однако объём того, что ещё предстоит сделать, — огромен.

В данной статье автор оценивает состояние объектов, уже стоящих на учёте КГИОП и внесённых в реестр охраняемых государством.

1. Комплекс усадьбы академика Бехтерева «Тихий берег», Приморское шоссе 690, конец XIX века, региональный уровень охраны. Первоначальные объекты охраны: 1.1. Большая дача. 1.2. Маленькая дача. 1.3. Сад 10,3 га. 1.4. Ограда с воротами и надписью «Тихий берег». 1.5. Дом управляющего. 1.6. Баня. 1.7. Фотолаборатория. 1.8. Каретный сарай. 1.9. Ледник. 1.10. Дровяной лыжный сарай. 1.11. Электростанция.

По состоянию на 2016 год сохранилась только маленькая дача, восстановленная после войны институтом им. Бехтерева и эксплуатируемая частным собственником, появился новый неучтённый объект «памятник-бюст Бехтереву», остальные объекты считаются утраченными, последний объект «Ворота с надписью» разобран в 2010 году. Объект для осмо-

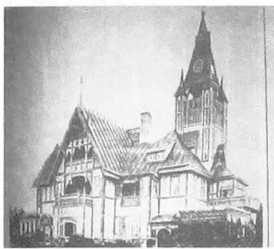
Тихий берег Малая дача

тра недоступен.

2. Дача Воронина, Приморское шоссе 648, 1910 год, региональный уровень охраны. Объект утрачен в 90-е годы XX века – сгорел, сохранился каменный подвал, как часть цокольного этажа. Объект находится на территории санатория «Чёрная речка». Для осмотра доступен.

3. Парк «Марьиная гора» (Усадьба «Мариоки»), между Средневыборгским и Приморским шоссе, региональный уровень охраны с 2014 года. В 2015 году частично восстановлен 3.1.памятник Марии Крестовской. В перспективе объектами могут стать 3.2.дом, 3.3. лестница к морю, 3.4.парк, 3.5.церковь, 3.6.ограда церкви, 3.7.фонтан. Для осмотра доступен.

4. Имения Акционерного общества «Каунис и Тойвола», пос. Ушково, две дачи с территорией по улице Пляжевая 10: 4.1.корпус 2. 4.2.корпус 3. 1910-е годы, региональный уровень охраны. Объекты в хорошем состоянии, эксплуатируются детским противотуберкулёзным

Дача Воронина

Мариоки

Дачи Каунис и Тойвола

санаторием «Жемчужина». Для осмотра доступны.

5. Нагорный бульвар «Корниш», пос. Ушково, вдоль южной границы детского санатория

Бульвар Корниш

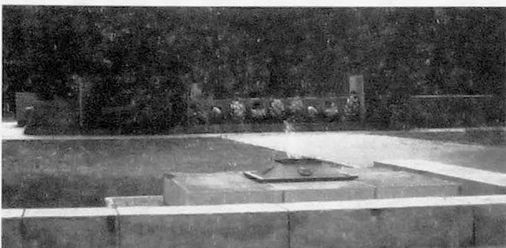

Дача Зеленогорска

по Пляжевой ул.10, конец XIX века, региональный уровень охраны. Доступен.

6. Дача, Приморское шоссе 570, 1900-е годы, региональный уровень охраны, находится на территории пансионата «Северная ривьера», эксплуатируется, доступен для осмотра.

7. Братская могила воинов Советской Армии, погибших в годы Великой Отечественной

Зеленогоский Мемориал 59-й км.

Дача Мюзера

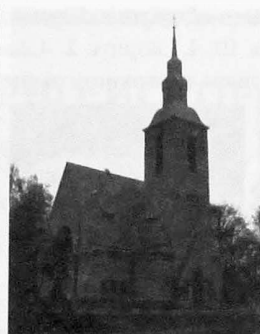
войны 1939-1945 гг, Приморское шоссе, 59-й км., 1985 (мемориал), региональный уровень охраны. Объект в отличном состоянии.

8. Гостиница «Бель-Вю», ул. Театральная д. 7, 8, 9 (дача Мюзера), 1900-е, региональный уровень охраны. 8.1. Парк с гидросистемой. 8.2. дом 7 пансион – не сохранился. 8.3. дом 8 пансион – не сохранился. 8.4. дом 9 дача Мюзера с художественными каминами – на реставрации, даже для внешнего осмотра недоступна.

9. Дача Новикова, Исполкомовская ул., 6, начало XX века, федеральный уровень охраны в составе: 9.1. Беседка с гранитным бассейном. 9.2. Ворота чугунные. 9.3. Дом жилой. 9.4. Лед-

Дача Новикова

Кирха Зеленогорска

Церковь Казанская

ник. 9.5. Оранжерея. 9.6. Корпус служебный. 9.7. Парк. Все объекты частично или полностью разрушены, находятся на реставрации, доступны для осмотра.

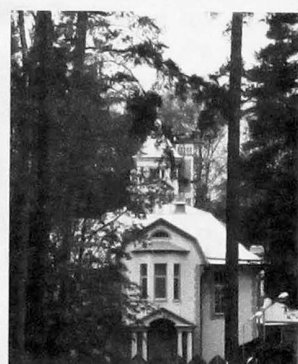
10. Кирха, проспект Ленина, 13, 1910-1913, 1980, региональный уровень охраны. Объект в отличном состоянии, эксплуатируется, общедоступен.

Комарово Б. проспект 15

Мемориал в Комарово

Комарово Морская 14

11. Церковь Казанская, Приморское шоссе 547, начало XX века, 1990-е, федеральный уровень охраны. Объект в отличном состоянии, эксплуатируется, общедоступен.

12. Дача (Канегиссера), Большой проспект 15, 1900-е, региональный уровень охраны. Состояние неудовлетворительное, объект законсервирован, доступен для внешнего осмотра.

Парк Виллы Рено

*Комаровский некрополь**Дача Сандина**Дача Юхневич*

13. Братская могила советских воинов, погибших в Великую Отечественную войну, ул. Ленинградская, региональный уровень охраны. Объект в отличном состоянии.

14. Дача Ж.Бормана, Морская ул. 14 (дача губернатора), начало XX века, федеральный уровень охраны в составе: 14.1.Колодец. 14.2.Ледник. 14.3.Жилой дом. 14.4.Парк. 14.5.Корпус служебный. 14.6.Фонтн. В 2014 году построены: 14.7.Баня. 14.8.Бассейн. В парке коттедж по отдельному адресу Морская 14а. Объект под охраной, недоступен для осмотра.

15. Дача (Вилла «Рено»), Морская ул. 8, начало XX века, федеральный уровень охраны, все здания на территории дачи сожжены за строительным забором и не доступны для осмотра, но в составе ООПТ «Комаровский берег», восстановлен доступный парк с прудами и прогулочными дорожками Виллы «Рено».

*Пенаты**ДОТ Миллионер**Церковь в Дибунях*

16. Комаровское поселковое кладбище (некрополь), Озёрная ул. 52а, начало XX века, федеральный уровень охраны: 16.1. Могила Ахматовой А.А. 16.2. Могила Петрова Н.Н. 16.3. Могила Сомова М.М. 16.4. Могила Баранникова А.П. 16.5. Могила Алексеева М.П. 16.6. Могила Альтмана Н.И. 16.7. Могила Ефремова И.А. 16.8. Могила Жирмудского В.М. 16.9. Могила Пановой В.Ф. 16.10. Могила Равдоникаса В.И. 16.11. Могила Самохвалова А.Н. 16.12. Могила Сочавы В.Б. 16.13. Могила Шишмарёва В.Ф. Всего более 300-т памятников деятелям искусства, науки и техники. Объекты доступны для осмотра.

17. Дача Сандина Г.И., ул. Лейтенантов 17, начало XX века, региональный уровень охраны. Участок приобретён в 1906 году Григорием Ивановичем Сандиным, здание было возведено к 1913 году, архитектор неизвестен. КГИОП установлен режим использования и осмотра объекта.

18. Дача Юхневич, ул. Морская 5, начало XX века, включена в реестр 30.07.2015 г №10-239 - региональный уровень охраны.

*Воинский мемориал
в п.Песочный*

Дача Песочный Школьная 6

Дача Исаева в п.Песочный

Дача Колоколова в Дибунах

Частная собственность на реставрации, ограждена строительным забором, для осмотра недоступна.

19. Усадьба Репина И.Е. «Пенаты», Приморское шоссе 411, 1900-й год, федеральный уровень охраны: 19.1. Дом жилой (музей воссоздан 1954,) 19.2. Могила Репина Ильи Ефимовича (1844-1930), художника. 19.3. Парк общедоступен. Объект относится к Академии художеств им. Репина. Состояние отличное.

20. ДОТ «Миллионер», Тупиковая ул., 1930-е годы, включён в реестр 24.07.2014 №10-414 – региональный уровень охраны, общедоступен, состояние хорошее. Место митингов жителей п.Белоостров.

21. Церковь Святых Петра и Павла, Дибуны, Ключевая ул.1, 1910-е, региональный уровень охраны с 2014 года, общедоступен, состояние хорошее.

22. Кладбище в посёлке Песочный, ул. Краснофлотская, 1 лит.А, 9,2га, начало XX века, региональный уровень охраны: 22.1. Братское захоронение воинов Советской Армии, погибших в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. 22.2. Могила Васильева Ивана Васильевича (1906-1962) – Героя Советского Союза. 22.3. Могила Комарова И.М. (1909-1975) – Героя Советского Союза.

23. Дача (деревянная), п. Песочный, ул. Школьная, 6, первая половина XX века, первый владелец Кочкин Феодосий Иванович с 1920-го года, региональный уровень охраны с 2016 года, состояние хорошее, частная собственность. Доступен для осмотра.

24. Дача К.С. Исаева, Первомайская ул. 8, 1911 год по проекту техника Котенкова Григория Ивановича для члена Пожарного общества Константина Сергеевича Исаева. После 1917 года муниципальная собственность, с 1933 г. разделён на две квартиры. Во время Великой Отечественной здесь размещался штаб 291-й дивизии, с 1943 — детский сад. Региональный уровень охраны 2016 года, с утверждённым режимом использования. Дом нуждается в ремонте, частная собственность, доступна для внешнего осмотра.

25. Дача Колоколова, Дибуны, ул. Карла Маркса, 61 лит. А., 1900-1910-е гг., региональный уровень охраны 2016 года с утверждённым режимом использования. Дом нуждается в ремонте, частная собственность, доступна для внешнего осмотра.

Несколько десятков вновь выявленных объектов ждут своей очереди для включения в реестр памятников.

В этой статье рассмотрены все муниципальные образования Курортного района за исключением города Сестрорецка. Анализ памятников под охраной государства в Сестрорецке сделан в статье Альманаха «Смоляной Путь» выпуск 2 на стр.147-152.

Представим объём сделанной КГИОП работы за все годы только по Сестрорецку в динамике утверждения памятников наследия:

1957год (3 объекта по 3 адресам)

1960год (4объекта за год/всего 7 объектов по 4 адресам), аналогично:

1974год (3/10 объектов по 5 адресам)

1975год (4/14 объектов по 6 адресам)

- 1976год (10/24 объекта по 8 адресам)
1988год (36/60 объектов по 18 адресам)
1995год (2/62 объекта по 20 адресам)
2010год (3/65 объектов по 23 адресам)
2015год (7/72 объектов по 30 адресам)
2016год (4/76 объектов по 34 адресам).

177613/3

ЦЕНТРАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА
им. М. Зощенко
ГУК "ЦБС Курортного района" Санкт-Петербурга
197701, г. Сестрорецк,
ул. Токарева, 7 тел. 434-7157

*УШАКОВА Ольга Борисовна,
архитектор, член СА и СХ России,
доцент кафедры архитектурно-строительных конструкций СПбГАСУ*

МЕЖВУЗОВСКИЙ ИНИЦИАТИВНЫЙ ПРОЕКТ «УХОДЯЩАЯ НАТУРА» — ВКЛАД В ИЗУЧЕНИЕ И СОХРАНЕНИЕ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ КУРОРТНОГО РАЙОНА

LOST DOCUMENTATION — INTER-UNIVERSITY INITIATIVE PROJECT ON CONSERVATION OF ARCHITECTURAL HERITAGE

Аннотация: в статье проанализированы примеры виртуальной реконструкции зданий в условиях ограниченной документальной базы, рассмотрены специфические проблемы, связанные с виртуальной реконструкцией утраченных архитектурных объектов, показаны пути использования виртуальной реконструкции в образовательном процессе; акцентируется специфический подход к виртуальной реконструкции как средству популяризации архитектурных знаний и осознания необходимости сохранения архитектурного наследия; сравниваются особенности подхода к виртуальной реконструкции в разных высших учебных заведениях, рассматриваются первостепенные задачи виртуальной реконструкции как способа сохранения, исследования и этапа воссоздания утраченных архитектурных памятников.

Ключевые слова: виртуальная реконструкция, архитектурное наследие, архитектура стран Балтии, модерн, региональная специфика, дачные поселки, градостроительные аспекты, архитектурный декор.

Abstract: the article analyzes the examples of virtual reconstruction of buildings in the conditions of limited documentary base, examines the specific problems associated with the virtual reconstruction of lost architectural features shown ways of using virtual reconstruction in the educational process; emphasizes a specific approach to the virtual reconstruction as a means of popularizing architectural knowledge and awareness of the need to preserve architectural heritage; compares the features of the virtual approach to reconstruction in different institutions of higher education, discusses the primary objectives of the virtual reconstruction as a means of conservation, research and restoration of lost architectural monuments

Keywords: virtual reconstruction, architectural heritage, architecture, Baltic States, modern, regional specificity, holiday villages, urban aspects, architectural decoration.

В настоящее время одним из наиболее перспективных прикладных направлений в архитектуроведении является виртуальная реконструкция, которая помогает в процессе моделиро-

вания и демонстрации памятников архитектуры. Фактически, это направление продолжает традиции «бумажной архитектуры» - концептуального направления в архитектуре 80-х годов. Термин «виртуальная реконструкция» имеет множество определений, но в рамках данного направления оно включает в себе смысл нематериальности и это является неотъемлемой чертой любого объекта созданного в виде 3D-модели. «Реконструкция» – это воссоздание внешнего вида объекта по имеющимся данным (архитектурным обмерам, текстам, фотографиям и др.), а также пространственной среды, в которой он существовал.

Сейчас виртуальная реконструкция исторических памятников архитектуры является наиболее востребованным направлением. Результаты виртуальной архитектурной реконструкции находят свое применение в научных и популярных фильмах, при моделировании элементов архитектурной среды для демонстрации в музеях, самостоятельных культурных проектах. Такие проекты создаются и за рубежом коллективами организаций и университетов: Knauf (Германия), Digital Design Research Group (США) и др.

К сожалению, из-за недостаточного финансирования в деле изучения и сохранности объектов архитектурного наследия, разработка таких задач в России ограничена, но, несмотря на это, существуют проекты частных российских компаний. Так, например, 3DreamTeam, а также коллективы высших учебных заведений: МГУ, СПбГУАП, Тамбовского университета и др.

В СПбГАСУ на кафедре теории и истории архитектуры разрабатываются 3D модели античных зданий.

В 2104 году состоялся научно-практический семинар «Уходящая натура. Проблемы сохранения русско-финской дачной архитектуры Карельского перешейка», организованный Санкт-Петербургским филиалом НИИ теории и истории архитектуры и градостроительства Российской академии архитектуры и строительных наук (НИИТИАГ РААСН), на котором были представлены результаты летней архитектурной практики межвузовского проекта «Старые дачи Финского залива 2014». В проекте участвовали студенты и преподаватели Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербургского государственного архитектурно-строительного университета, Российского государственного педагогического университета им. Герцена, Художественно-Промышленной академии им. Штиглица. Результаты проекта были представлены на выставке, организованной под кураторством С.С. Лешоко, заместителя директора Санкт-Петербургского филиала НИИТИАГ. На выставке экспонировались акварели, фотографии, архитектурные обмеры, плакаты и историческая справка по собственному дому художника В.Ф. Леви в Зеленогорске, кроме того были представлены компьютерные модели этого здания, выполненные двумя группами студентов – из Художественно-Промышленной академии им. Штиглица и Санкт-Петербургского государственного архитектурно-строительного университета.

Разные студенческие группы продемонстрировали различный подход к созданию виртуальной модели. Если студенты СПбГХПА фиксировались на внешнем облике здания и создали модель при помощи программы 3D-MAX, то студенты специальности «Проектирование зданий» СПбГАСУ Вишня Е., Петров А., Филипов П., работающие в BIM-программах, представили полноценную виртуальную модель, позволяющую выводить необходимые для реконструкции чертежи – планы, фасады, разрезы. Их работа была выполнена при помощи программного комплекса ArchiCAD. И именно такой профессиональный подход позволит воссоздать утраченное в результате пожара здание – вновь выявленный объект архитектурного наследия собственный дом В.Ф. Леви, опираясь на существующие архитектурные обмеры, фотофиксации и виртуальную модель, для использования в качестве центра художественной культуры в г. Зеленогорске.

В 2014 году студентами специальности «Проектирование зданий» СПбГАСУ М. Меньшиковой, О. Захарченко и М. Лебедевой, под руководством автора статьи, в формате курсовой работы по компьютерному проектированию при помощи программного комплекса AutoCAD

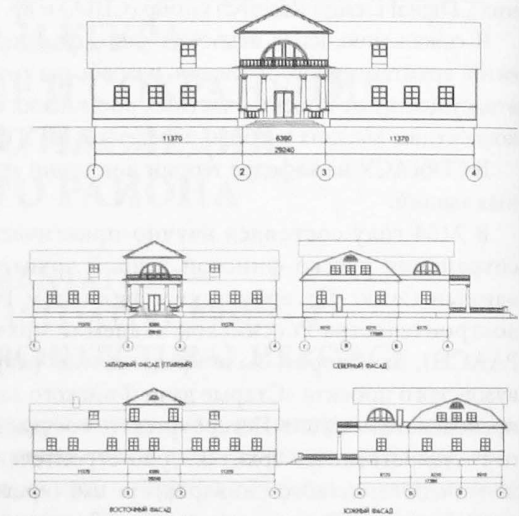
– 3D, в рамках проекта «Документация утраченного», была предпринята попытка на основе архивных материалов – фотографий, воспоминаний современников и аналогов воссоздать архитектурный образ виллы «Арфа», дачного дома архитектора Г.В. Барановского, построенного по его проекту на территории Финляндии (нынешнего поселка Комарово). Виртуальная реконструкция основывалась и на материальных данных – размерах сохранившегося фундамента.

Предложенный вариант реконструкции виллы был представлен в Русском центре науки и культуры в Хельсинки на конференции «Русские и финские дачники и домовладельцы на Карельском перешейке. История добрососедских отношений. 1900-1939», где собрались как специалисты, так и жители Келломяки (Комарово), еще помнящие здание не разрушенным.

В 2015 году в рамках дипломного проектирования в СПбНИУ ИТМО, под руководством автора статьи, студенткой А. Афанасьевой была выполнена выпускная квалификационная работа «Виртуальная реконструкция виллы «Арфа» архитектора Барановского». Базируясь на выполненной студентами специальности «Проектирование зданий» СПбГАСУ при помощи программного комплекса ArchiCAD виртуальной модели, А. Афанасьева сделала фотореалистичное изображение виллы в программе 3D MAX, воссоздала части окружающего ландшафта и сделала анимационный ролик, который был представлен в РГО на круглом столе, посвященном 155-летию со дня рождения архитектора Гавриила Васильевича Барановского, и включен в документальный фильм финского режиссера Арво Туоминана «Вокруг Карельского перешейка», представленного 19 января 2016 года в Институте Финляндии.

В 2016 году инициативная работа по исследованию деревянной архитектуры Карельского перешейка была продолжена. В межвузовском проекте «Документация утраченного - 2016» участвовали студенты и преподаватели Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербургского государственного архитектурно-строительного университета, Художественно-Промышленной академии им. Штиглица.

Впервые были не только выполнены натурные обследования, фотофиксации, натурные пленэрные зарисовки и архитектурные обмеры, но и сделаны проектные предложения по использованию разрушающихся деревянных дач. Эта работа проводилась под руководством ар-

тывая, что Зеленогорск (Терийоки) является «дачной столицей» и в летний период его население значительно возрастает. Особую дачную культуру позволяет сохранить и само это здание – памятник модерна. Учитывая неформальное отношение жителей Зеленогорска

В этом проекте принимали участие студенты СПбГАСУ Андриянова А, Сумкина А, Цыганова О. Помимо архитектурных обмеров, и натуральных зарисовок, было выполнено функциональное зонирование плана будущего музея, размещены выставочные и лекционные залы, гардероб с сувенирным киоском, музейный гостиничный номер. Здание предполагается оснастить современным инженерным оборудованием, позволяющим производить мультимедийные показы, в том числе и созданных виртуальных 3-д моделей. Студентки выполнили также эскизы предлагаемых экспозиций.

Проект «Виллы Айнола» был выполнен по предложению главного редактора сайта <http://terijoki.spb.ru> Александра Браво, лауреата Анциферовой премии и неутомимого исследователя. Над проектом работали студентки СПбГАСУ Абрамян Ф., Фролова А., Фомичева Д.. В составе проекта были выполнены архитектурные обмеры, натурные зарисовки и фотофиксации, создана пространственная модель здания. Проектом предполагается использование здания виллы «Айнола» под городской культурно-информационный центр, с краеведческим музеем, выставочным залом, сувенирной лавкой.

Вокруг здания сохранился интересный ландшафт - пруд, плотина, небольшой водопад, парк. В парке раньше была беседка в стиле модерн, проектом предполагается ее воссоздание.

Созданные проекты имели целью еще раз продемонстрировать администрации Курортного района, что существуют архитектурные и инвестиционные проработки для разумного использования исторических памятников – деревянных дач начала XX века.

Литература

1. Александрова Е.Л., Фёдоров В.М. Дачи стиля модерн в Сестрорецке и его окрестностях //История Петербурга, №№1(41) - 3(43), 2008.
2. Амиханов Л.И. Из Райволя в Роцино //История Петербурга №1, 2010.
3. Балашов Е.А., Травина Е.М. Келломяки. Адреса и судьбы. СПб, 2011
4. Гараева Р.Н. Архитектура северного модерна на Карельском перешейке //Курортный район. Страницы истории. Вып. 3. СПб, 2007.
5. Кириков Б.М. Архитектура петербургского модерна. Особняки и дачи. СПб, 2003.
6. Кириков Б.М. Петербургские дачи начала XX века на Карельском перешейке //Краеведческие записки. СПб, 1996.
7. Мусаев В.И. Русские дачи на Карельском перешейке в конце XIX - начале XX века //История Петербурга, №4 (26), 2005. С. 43-47.
8. Симкина С.А. Дачи модерна на северном побережье Финского залива //Памятники истории и культуры. Вып. 4. СПб, 1997. С. 335-349.
9. Травина Е.М., Легошко С.С. Архитекторы Карельского перешейка. Книга первая. От Оллила до Метсъякля (от Солнечного до Молодежного).1880-1939. Биографический справочник. – СПб.: ООО «Издательский центр «ОСТРОВ», 2016. 208с., илл.
10. Травина Е. М., Ушакова О.Б.. Архитектор Гавриил Васильевич Барановский и его вилла «Арфа» в Келломяки //историко-культурный альманах «Смоляной путь», выпуск 1, Гангут, СПб., 2014, С. 38-42
11. Ушакова О.Б.. Вилла «Арфа» Г.В. Барановского. Опыт графической реконструкции //Фонтанка: культурно-исторический альманах/ЦГПБ им. Маяковского. – СПб., 2015, -№18, С.86-91

12. Ушакова О.Б.. Участие студентов специальности «Проектирование зданий» в межвузовском инициативном проекте «Документация утраченного»// Материалы Всероссийской научно-практической конференции по специальности «Проектирование зданий» г.Казань, 26-29 мая 2016 года. – Казань: Изд-во Казанск. гос. архитектур.-строит. Ун-та, 2016. – С. 83-88

13. Otto-I Meurman. Viipurin pitäjän historia, III (Хранитель Выборгской истории, том III - судьбы вокруг Выборга, на финском языке). Mäntän Kirjaino OY, Mäntä 1985.

14. Teuvo Termonen. Junalla Pietarista Kivennavalle. (Фотоальбом «На поезде от С.-Петербурга до Кивеннапы», на финском языке). Saarjärvinen Offset Oy, Saarjärvi 2008. ISBN 978-952-92-3927-6.

РАССАХАТСКАЯ Надежда Александровна,
ст.н.с. ГТАПМХ «Парк Монрепо»

«ОССИАНИЧЕСКИЙ» ПАРК МОНРЕПО

«Соединение разных национальных признаков в парке – это признак высокой культуры, потому что настоящая интеллигентность – в соединении разных культур, – писал о парке Монрепо Дмитрий Сергеевич Лихачев, – Культура принадлежит всему человечеству. Сейчас важно ощутить себя принадлежащим всему человечеству».

Величайшая заслуга академика Д.С.Лихачева не только в том, что благодаря его усилиям в 1988 году был организован музей-заповедник «Парк Монрепо», но и в том, что именно Лихачёв зажёг над Монрепо особый ореол, придав ему определение «оссианический парк». Можно сказать, что Лихачёв осуществил своеобразную мифологизацию Монрепо – и этим сделал для россиян великое дело. Цитата из книги Д.С.Лихачева «Сады и парки»: «На развитие садово-паркового искусства в конце XVIII и начале XIX в. значительное влияние оказал Макферсон с созданным им образом Оссиана. Впрочем, хотя влияние было и значительным, его трудно отделить от общеромантических тенденций в садово-парковом искусстве. В частности, столь характерное для Оссиана стремление уйти в меланхолию было типично для романтизма в целом. Тем более следует обратить внимание на те парки, оссианизм которых бесспорен. В Российской империи такими парками были парк Монрепо барона Николаи под Выборгом, Алупкинский парк Воронцовых в Крыму и парк Софиевка под Уманью, владение польского магната Станислава Потоцкого».

В конце XVIII века мировая культура и литература развивались под влиянием философии Жан-Жака Руссо и так называемой шотландской северной литературы, важное место в которой занимает Джеймс Макферсон и его поэтические баллады. Легендарный кельтский бард III века Ойсин обрёл вторую жизнь в «Песнях Оссиана», изданных в 1760г. На смену обыденным литературным произведениям из светской жизни приходят интимные переживания романтических героев, где основными качествами становятся чрезмерная чувствительность, стремление к меланхолии, прославление мистической природы. Простой шотландский учитель Джеймс Макферсон собрал устные предания, перевел отрывки старинных произведений и опубликовал их. Предания о певце Ойсине издавна бытовали в древних балладах Ирландии и Шотландии. Развивая фольклорные мотивы, Дж. Макферсон воссоздаёт на их основе целый эпос, который искренне считает творением народа. Что же это были за поэмы, взволновавшие лучшие умы Европы? Это лиро-эпические сказания, которые в основном ведутся от лица старого барда Оссиана, искусного певца, арфа которого услаждала слух богов, среди которых он провел 300 лет. Вернувшись к людям, он не узнал прежних обычаев и нравов, все казалось ему чуждым. Почти ослепший бард стал воспевать былых героев, их подвиги и битвы, любовь прекрасных дев.

Издание вызвало острую полемику: являются эти поэмы подлинными или это только умелая имитация старинных баллад, но истина так и не была установлена. Тем не менее книга имела огромный резонанс во всем культурном европейском пространстве того вре-

мени. Поэмы переводили, ими зачитывались, позднее образами Оссиана вдохновлялись Гёте и Байрон, Виктор Гюго, на сюжеты древнекельтских сказаний художники писали картины. «Песни Оссиана» оказали колоссальное влияние на европейскую литературу. В поле их притяжения творили великие русские поэты – Батюшков, Державин и Пушкин. «Велик ты, Оссиан, велик, неподражаем» – писал Николай Карамзин. Оссианизм – это целая эпоха. Во Франции пристрастие к Оссиану Наполеона Бонапарта сделало на время увлечение бардом официальной модой, и в то же время эта поэзия вдохновляла сторонников национальной независимости Шотландии. Поэмы Оссиана были, без преувеличения, самыми популярными книгами, например, в библиотеке имения Монрепо насчитывалось несколько изданий поэм Макферсона, датированных 1763, 1772, 1776 и 1806 годами.

Атмосфера песен Оссиана ощущается в Монрепо со всей непосредственностью, это своеобразная программа восприятия. В чем же заключается необычайное настроение оссианического парка? Лучше всего о ней сказал И.-В. Гёте в своём «Вертере»: «Оссиан вытеснил из моего сердца Гомера. В какой мир вводит меня этот великан! Блуждать по равнине, когда кругом бушует буря с клубами тумана, при тусклом свете луны, гонит души предков, слушать с гор сквозь рёв лесного потока приглушённые стоны духов из тёмных пещер и горестные сетования девушки над четырьмя замшелыми, поросшими травой камнями, под которыми покоится павший герой, её возлюбленный». Структура описанного поэтом ландшафта коррелирует с психологией или поэта-барда или же гения места. Для романтического миропонимания эти планы неразличимы. Типичный оссиановский пейзаж, повлиявший на устройство садов и парков конца XVIII – начала XIX вв. – представляла дикая Шотландия со скалами, водопадами, елями и соснами. В Российской империи роль северной дикой природы, аналогичной Шотландии, играла Финляндия. Создатель первого в России оссианического стихотворения «Любовь и дружество», офицер и поэт И.И. Дмитриев (1788 г.) писал, находясь в Финляндии «...природа дикая, но оссиановская, везде величавая и живописная: гранитные скалы, шумные водопады, высокие мрачные сосны...». Понятно, что парк Монрепо создавался в духе поэзии Оссиана, ведь он расположен на живописных берегах изрезанных шхер, со стороны материка отгорожен изгородью из крупных камней в духе шотландских хайков, с другой – спускается к шхере скалами и гигантскими валунами, поросшими соснами и елями. В живописной месте – ущелье св.Николауса – уже Паулем Николаи была установлена скульптура Вейнемёйнена – таким образом оссианические мотивы в природе Финляндии эстетически совпали с мотивами Калевалы.

Над равниной возвышаются горы – неистовствуют стихии – проносятся призраки – сияет луна. Замшелые валуны, означающие могилы – станут верными метами в поисках неповторимой сути Монрепо. Шотландия и Финляндия: общее между ними – в ледниковом характере местности. Монрепо абсолютно соответствует критериям оссианизма. В нём – тайна, в нём – поэзия. Это и покатые скалы – «бараньи лбы», и валунные хаосы. А где-то поблизости ещё и змеящиеся озы, и куполовидные камы. Творческая сила ледника не знает себе равных, почерк его вполне узнаваем, неповторимый стиль Монрепо создал именно ледник.

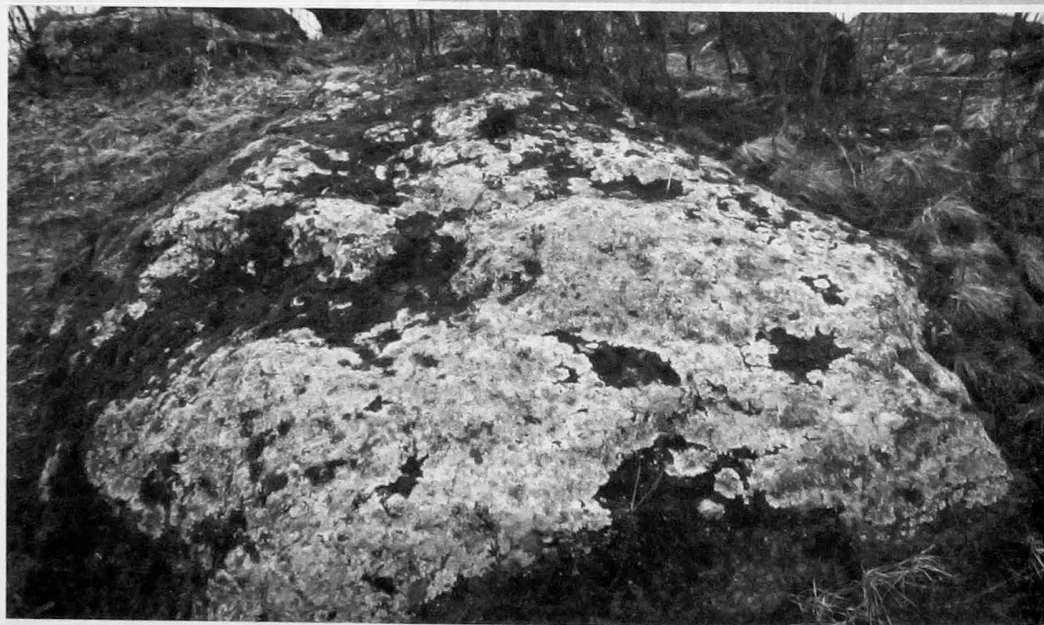
Вот цитата из монографии ученого, геолога Арчибалда Гейки (1905 г.): «В этой работе устанавливается связь «Поэм Оссиана» с природным ландшафтом и выявляются характерные признаки «оссианического ландшафта» (термин Гейки) по признаку геологического строения природного подиума». Именно прозрения Гейки дают нам ключ к сложнейшему коду – северному ландшафту. Независимо от другого ученого – Жоржа Агассиса, тоже создавшего подобную теорию, – шотландский геолог пришёл к идее материкового оледенения. Первая книга учёного посвящена столь характерным для нашей природы валунам: что за сила отторгла их от родных горных массивов – и чудодейственно перенесла на гигантские расстояния? Этот валун – и скала под ним: у них абсолютно разный минералогический

состав, их временное расстояние – более трех миллиардов лет. Как такое возможно? Ледник, перекативший на огромное расстояние громадные каменные массы, пропахавший весь Карельский перешеек строго в северо-западном направлении, в конце концов, утих и растаял кристально чистой водой, заполнившей эти впадины. Красота и необычность природных декораций до сих пор поражает посетителей музея-заповедника «Парк Монрепо».

Людвиг Генрих фон Николаи – владелец и создатель скального пейзажного парка – вовсе не был романтиком. Он внёс весомую лепту в насыщение русской усадебной культуры в первую очередь античными аллюзиями, это отвечало духу эпохи Просвещения. В оссиановскую природу он хотел вписать классический пейзажный парк. Тут завязывается очень интересная интрига и проявляются скрытые противоречия. Ведь он велел раскалывать и дробить жи-

Грот Медузы

Разноцветные камни

Скальная стена вдоль Елисейских полей

вописные валуны, ставя при этом цель скрасить и усмирить необузданную природу, а вместе с тем повелел выстроить гроты Медуза и Расщелина.

«Нам бы еще хотелось, чтобы был построен грот, и это нас сильно заботит», - это строка из письма Людвиг Генриха Николаи сыну, написанного в 1792 году, за шесть лет до того, как в Монрепо появился первый грот. Отчего же владельцу имения Монрепо так необходима была пещера в парке из дикого финского камня, что он готов был годами ждать осуществления своего замысла? И неужели

отполированные ледником граниты Монрепо недостаточно выразительны сами по себе, что их требовалось еще дополнительно украшать? В практике садово-паркового строительства первые искусственные пещеры, гроты (grotto - ит.), появились в Италии еще в XVI веке. В жаркий южный полдень они дарили желанную прохладу и тень. Идеи и традиции эпохи классицизма добавили к этой простой функции гротов необходимую теорию, сделав их (в восприятии посетителей) местом отдыха древних богов и героев. В английском пейзажном саду XVIII века представления о прекрасном выражались через имитацию естественного ландшафта, красота которого лишь слегка подчеркнута рукой садовода. Гроты, каскады и туннели стали в них обязательным элементом, и это неудивительно. Ведь они, как ничто другое, демонстрировали фантазию и причудливую игру самой природы. Садовые «капризы» конца XVIII столетия были немного театральны и создавались уже с неременным расчетом, какие именно чувства и эмоции вызовут они у зрителя. Затененный, вырубленный в скале грот с поросшими мхом стенами уже не был приютом богов, но должен был внушать «суеверный страх», ужасать мощью сил «оссианской» природы.

Скальные гряды Монрепо были идеальным местом для обустройства гротов. Сооруженный грот Медузы в баронском саду и впрямь вызвал восхищение Выборгской публики. Л.Г. Николаи в своей поэме «Имение Монрепо в Финляндии. 1804» так описывал грот: «Глубоко в толщу скал уходят своды. / Виднеются на сумрачной стене / Лишь хлопья белопенного прибоя / И замурованной Медузы лик». Другой грот - «Расщелина» - предварял вход в ущелье, за которым заканчивалась территория обустроенного сада. Этот грот совсем небольшой, но сложившие его огромные камни и впрямь вселяли в путешественников суеверный ужас, - как этого и хотел Л.Г. Николаи. Один из посетителей писал в 1830 году об этом гроте: «Дорога ваша сузилась; вы входите в пещеру, садитесь; над головою вашею выдался огромный гранит; он несколькими точками касается другой скалы, его поддерживающей; минута - и он рухнет: что спасет вас? его равновесие, и только». Два десятилетия спустя другой русский путешественник описывал «очень узенькое отверстие между двух больших и острых камней, на которых сверху лежал огромный, массивный гранит бурого цвета, готовый, кажется, сию минуту оборваться и накрыть пришельца, дерзнувшего быть свидетелем такой игры природы. По-видимому, он едва держится, но держится он уже целые века!». Работа садовника Монрепо Иоганна Бистерфельда была столь мастерской, что ее попросту не замечали, принимая грот за естественный. В конце позапрошлого столетия фантазия выборгцев наделила грот «Расщелина» чудесной силой - выполнять загаданные в нем желания. Важно лишь, чтобы помыслы загадавшего были чисты, иначе огромный камень обрушится на голову грешника. Верят в эту чудесную способность грота и нынешние посетители парка Монрепо. Да и как не верить, ведь гроты в Монрепо - самое настоящее

рукотворное чудо.

В абсолютно «оссиановском» стиле Людвиг Генрих Николаи намеревался построить на скале Эрихштайн (сейчас остров называется Людвигштайн, на нем впоследствии Пауль Николаи выстроил готическую капеллу-некрополь Людвигсбург) комплекс руин – башню, где по придуманной им легенде был заточен и умер шведский конунг Эрих XIV. Нужно отметить, что после того, как Пауль Николаи стал владельцем Монрепо и вложил много сил и средств в дальнейшее обустройство усадьбы и парка, он стал сознательно усиливать оссианизм окружающей обстановки. Мы вправе утверждать следующее: оссиановская природа Монрепо была преобразована в оссианический парк.

Попробуем спроецировать «Песни Оссиана», где скалы повсюду, на природу Монрепо. В самом начале сказано о герое Кухулине: «Ко мшистой скале прислонил он копьё». А далее – человеческое слито с природным: «Я зрел их вождя, – говорит Моран, – он высок, как скала ледяная. Копьё его, словно ель опалённая, щит, как луна восходящая». Дж. Макферсон любил контрастные сравнения: «тело твоё белее, чем пена бурлящего моря, когда мрачные ветры взметают её на гремучие скалы». Столь же существенное место в пейзаже «Песен Оссиана» занимают валуны ледникового происхождения. Вспомним: у кельтов они стали элементом художественного языка – использовались для создания композиций. Преобладают два типа таковых: 1 – расположение камней по кругу, 2 – мечение ими четырёх вершин прямоугольника. Кельтское и скандинавское порой образуют в «Песнях Оссиана» причудливую комбинацию. Литолатрия – поклонение камням – занимает в поэзии Дж. Макферсона важнейшее место. Ледниковая морена благоприятствует развитию и процветанию этого древнего поэтического культа. Человек смещает, группирует валуны, нерегулярное превращает в регулярное. Асимметричное становится симметричным. Валунми чётко означен четырёхугольник. Это место захоронения. Читаем в «Песнях Оссиана»: «Четыре камня, увенчанных мхом, – вот единый твой памятник». Непосредственно в Монрепо мы не найдём таких образований. Но Север – как европейский, так и русский – изобилует ими. Очень важна для понимания ландшафта, овеянного Оссианом, такая мысль Ф.В. Шеллинга: «хаос – основное созерцание возвышенного». Ледник проявил себя ещё и как сила хаоса, но это не знак распада. В окружении валунного хаоса ощущается космогоническая созидательная мощь природы.

Что ещё присуще оссиановской атмосфере? В ней много теневого, призрачного, субстанции иного мира! Вот что сказано о герое Тренморе, явившемся оттуда – из страны мёртвых: «Он ударял, казалось, в туманный щит на многоводной скале Сельмы». Манифестации духов описываются в «Песнях Оссиана» с потрясающей силой: «Тускло мерцали звёзды сквозь призрак его, и голос звучал, как далёкий поток. Это посланный смерти, водянисто-серые призраки мёртвых». Однако этот минорный сумрак постоянно озаряется в «Песнях Оссиана» небывало яркими вспышками: «Метеорами ты зажигаешь кудри свои и проплываешь сквозь ночь»; «Смотрите, кружатся метеоры над девой, и лунный луч возносит ввысь её...». Герои Оссиана отважны, их не страшит смерть: «Счастливы те, кто умирает в юности, когда звучит их слава. Песней почтят их память и юная дева слезы прольёт!»

Много в поэмах сказано о меланхолии Оссиана. Меланхолическое – и возвышенное: здесь тоже имеется прямая взаимосвязь. Ещё в XVII веке Роберт Бертон в своей «Анатомии меланхолии» показал, что чёрная желчь способна быть ферментом, вызывающим – в современных терминах – изменённые состояния сознания. Он писал о меланхоликах, впадающих в транс: «когда они приходят в себя, рассказывают диковинные вещи о небесах и преисподней». Эти каналы информации широко задействованы в «Песнях Оссиана», где грань между жизнью и смертью предельно размыта. Люди во плоти и зыбкие призраки имеют по сути одинаковый статус. В оссианических парках постоянно чувствуешь присутствие метафизических измерений. Эти парки оптимальны для мечтаний о чём-то нездешнем, за-

предельном. Прогуливаясь по тенистым дорожкам Монрепо, разглядывая гранитные глыбы причудливых форм, поросших мхами и лишайниками, невольно вспоминаешь строки «Шум твоих лесов, Гармаллар, ласкает мой слух; два камня, вросшие в землю, вздымают мшистые головы». При тусклом северном освещении возникает ощущение безвременья и нереальности происходящего, как в сумерках: ни свет, ни тьма, - грань миров.

Дмитрий Сергеевич Лихачев только Монрепо определял термином «оссианический парк позднего Романтизма». Про другие подобные парки он писал: «К числу парков, испытавших на себе влияние оссианических настроений, принадлежат Воронцовский парк в Алушке и парк Софиевка в Умани. Алушкинский парк строился в течение 15 лет с 1830 года, для него характерны гигантские нагромождения камней в районе Большого Хаоса и Малого Хаоса в результате эрозии, а также прибрежные скалы, о которые эффектно разбиваются морские волны. А на склонах много гигантских секвой, что также типично для оссиановских настроений, много ручьев и каскадов, искусственная готическая руина. Софиевка же использует для оссианических впечатлений гигантские камни, искусно расставленные по воле садовода. В нем также значительную роль играют бурные ручьи, каскады, водопады, гроты».

АМИРХАНОВ Леонид Ильясович,
исследователь, издатель

ИСТОРИЯ КУРОРТНОГО РАЙОНА В АРХИВАХ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

Любой историк, занимающийся историей нашего края, не может обойтись без материалов, которые хранятся в архивах Санкт-Петербурга. Архивов у нас много, документов в них еще больше, и задача данной публикации помочь начинающим историкам сориентироваться в этом изобилии.

Впервые я попал в архив – это был Центральный Государственный архив Военно-Морского флота (ныне вместо Центрального он стал Российским) – в конце 1980-х годов. Получив Дела, я был просто потрясен прикосновением к подлинным документам XIX века. С тех пор это стало не только необходимостью, но и потребностью. Однако работа в архивах требует необыкновенного терпения. Тогда в конце 1980-х я еще работал в отделе спецпроизводства Ленинградского Металлического завода. Рабочий день заканчивался в 16.40, и я, как ошпаренный, неся на Кондратьевский проспект и садился в автобус популярного тогда 100-го маршрута, первого скоростного. «Садился» – это мягко сказано. Автобус подходил уже набитый почти до отказа, и надо было, во что бы то ни стало, использовать это «почти». Почти всегда это удавалось, и через 25 минут я уже входил в старое здание архива на Миллионной улице, как раз напротив знаменитых атлантов Нового Эрмитажа. Читальный зал тогда работал до 20.00 и после восьмичасового рабочего дня около 18-ти часов наступал критический момент, когда глаза начинали закрываться сами собой. Это было очень неприятно и стеснительно, но как-то вырубившись на несколько секунд и вскинув голову, я увидел за соседним столиком человека, который сладко дремал, склонив голову почти до самого архивного дела. Я успокоился и подремал еще несколько минут.

Терпение необходимо в первую очередь, так как подчас приходится пересматривать огромные Дела, чтобы найти необходимый документ или просто необходимую фразу.

Это лирического вступления хочу закончить важным замечанием. Как правило, сотрудники архивов – это люди, всегда готовые помочь, подсказать, объяснить. Когда-то в архивы попасть было очень трудно – пускали далеко не каждого, да отношение к исследователям было не лучшее. Как сказал один из старых работников одного из архивов: «Ходят тут всякие с блокнотиками – работать мешают».

Сейчас такого вы не встретите, разве что в некоторых небольших ведомственных архивах. Сотрудники же обозначенных ниже архивов отличаются добрым и внимательным отношением к людям с блокнотиками и с ноутбуками.

Российский Государственный Архив Военно-Морского Флота

Основной пласт документов посвящен Сестрорецкому Оружейному заводу, который в первые годы своего существования находился в ведении Адмиралтейств-коллегии, а также

различным событиям, происходившим на реке Сестре. Документы разбросаны по нескольким фондам. Вот, например, некоторые документы:

Ф. 177. Приказ воинского морского флота.

Оп. 1. Д. 47. 20 мая 1706 года Олонецкий комендант – Крюйс

Письмо об отправке из Адмиралтейства в Кроншлот рабочих людей для строительных работ, рубщиков для заготовки леса, о рубке леса по р. Сестре

Ф. 234. Канцелярия адмирала К. Крюйса

Оп. 1. Д. 20.

18 июля 1710 г. Распоряжение о пропуске по указу Петра I чухонцев через реку Сестру и на Выборгскую сторону для уборки хлеба.

23 июля 1710 г. Указ о посылке офицеров для осмотра лесов на реке Сестре

Оп. 1. Д. 24.

26 мая 1710 г. Кикин – Крюйсу. Письмо с объявлением указа Петра I об отправке пороха, привезенного из Нарвы в Кроншлот и к р. Сестре

4 июня 1710 г. Об осмотре провиантских судов для определения возможности перевозки на них муки на р. Сестру.

Ф. 233. Канцелярия генерал-адмирала Ф.М. Ампраксина

Оп. 1. Д. 38. 19 июля 1712 г. Крюйс – Ампраксину... в том числе о заготовке сена у р. Сестры солдатами полка Толбухина.

Д. 224. Крюйс – Петру. 1718 год. Доклад о строительстве пороховых заводов на р. Сестре....

Д. 246. 13 июля 1721 г. Предписание Адмиралтейств-коллегии с объявлением указа Петра I о посылке полковника В.И. Генинга на р. Сестру для строительства флотилии и при ней оружейных заводов; отпуске для этих целей припасов с Олонецких, Петровских заводов

Но самый интересный документ находится в Фонде 19. (фонд А.С. Меншикова) Оп. 4. Д. 501. Л. 5. Это историческая справка о Сестрорецком заводе, составленная в середине 1860-х годов. В ней говорится о том, что в июне 1714 года для постройки сестрорецких заводов «приписано две кирки крестьян с лесами. Ныне (то есть в 1860-х гг. – Л.А.) одна стоит. Для рабочих людей построили казармы (выделено мной. – Л.А.). С того времени первое строение завелось...».

Таким образом, очевидно, что до официальной даты рождения Сестрорецка 20 сентября (кстати, по старому стилю) 1714 года на реке Сестре уже имелись строения. И уже были приписаны крестьяне «для постройки сестрорецких заводов». То есть, очевидно, что мысль о строительстве на реке Сестре завода пришла в голову Петра Великого значительно раньше.

Кроме того, следует отметить следующие фонды, в которых имеются документы, посвященные Сестрорецкому Оружейному заводу:

Ф.137. Экспедиция фабрик и заводов при адмиралтейств-коллегии (1732 – 1751). Переписка о состоянии сестрорецких заводов

Ф. 146. Воинская морская комиссия (1732 – 1752). Переписка о строительстве и состоянии сестрорецких заводов

Ф. 221. Контора фабрик и заводов при адми-

Окрестности СОЗ. План «Окрестностей Сестрорецкого завода с показанием построенных и предполагаемых батарей». Фрагмент. РГАВМФ

СЕСТРОРЕЦКИЙ МѢСТНЫЙ ЛАЗАРЕТЬ № 534
 Предъявитель сего мастерской *Александр Кошаров*
Олександр Кошаров мастерской Оружейного Завода
 не мог работать и пользовался
 булаторнымъ лечениемъ отъ *раны около правого глаза*
10 декабря по *13 декабря* 1912 года.
 Старший Врачъ Лазарета *Кречев*
13 декабря 1912 года.

Справка 8. Такие справки выдавались сестрорецким лазаретом своим пациентам. ЦГИА СПб

ралтейств-коллегии (1719 – 1751). Переписка о состоянии сестрорецких заводов

Ф. 223. Рукописи Петра. Указы, инструкции и письма о постройке Сестрорецкого порохового завода.

Как часто бывает, ищешь одно, а находишь совсем другое, но тоже очень нужное. Занимаясь историей Кронштадта, мне понадобилось просмотреть некоторые материалы по Кронштадтской крепости периода Первой мировой войны. И в Фонде 1430. Опись 1. Дело 547 нашлись донесения агентуры Крепостного района, куда входил и Сестрорецк.

Например, 2 марта 1916 года агент докладывал, что «Состоящий на Сестрорецком Оружейном заводе смотритель зданий чиновник ЛИБЕРМАН по словам рабочих не заслуживает доверия и мастеровые в большинстве сторонятся и избегают его в особенности когда говорят о чем-нибудь; они утверждают что он якобы германский шпион, ибо всюду старается проникнуть и все расспросить. В ведении Либермана состоят все здания и сооружения завода; он же заведует впуском и выпуском рабочих, каковой далеко не совершенен, ибо на завод может пройти без особых затруднений кто угодно; вообще же преждевременный выпуск рабочих с завода совершается без пропусков или увольнительных записок, а большей частью посредством подкупа сторожа, получающего за это с каждого лица по 20 копеек. Рабочие утверждают, что происходивший недавно пожар в кузнице произошел по вине Либермана».

Еще одно донесение за то же 2 марта: «На Сестрорецком Оружейном заводе в последнее время из инструментальной мастерской стали пропадать особо дорогие металлы необходимые на заводе при изготовлении ружей. Рабочие утверждают, что кражи эти совершает мастерской инструментальной мастерской Александр Григорьев. По словам рабочих, последние для частных заказов широко пользуются казенным металлом, и их в этом отношении никто не учитывает; изготавливаются главным образом зубила и сверла, которые продаются на сторону».

Все эти донесения отправлялись начальнику Сестрорецкого Оружейного завода, а вот

какие меры принимались – найти пока не удалось.

В фонде 1341 кроме всего прочего оказался план «Окрестностей Сестрорецкого завода с показанием построенных и предполагаемых батарей». Дата в описи не обозначена. При внимательном изучении этого чертежа стало понятно, что это период Крымской войны. Известно, что в Заповедной роще Петра Великого батарея стояла, остальные места – под вопросом. Тем не менее, сей чертеж уникален. Тем более что на нем виден Голландский сад!

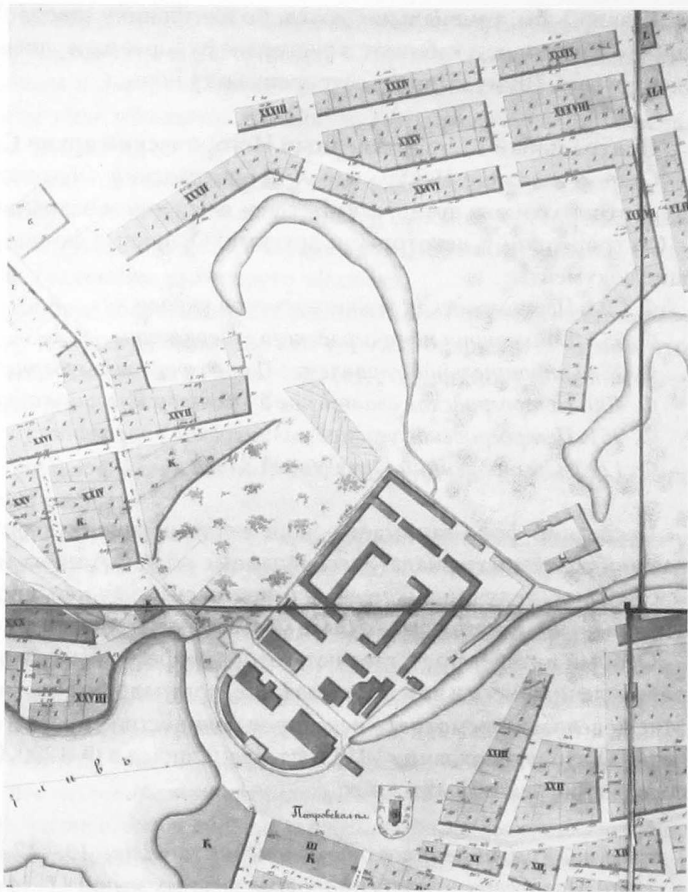
Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи

Очень интересный архив, обладающий большим количеством чертежей оружейных заводов и образцов оружия. Но, к сожалению, хранится все это далеко не должным образом. Например, мне принесли план Сестрорецкого

Оружейного завода первой половины XIX века. Однако сложенную в четыре раза очень толстую бумагу развернуть не удалось – она грозила разорваться на сгибах. Более того местами бумага была повреждена грибок и отслаивалась. На мое тихое возмущение был простой ответ – у Министерства обороны денег на реставрацию нет.

Помимо чертежей здесь немало интересных документов, рисующих жизнь Сестрорецка, подчас самыми неожиданными красками. Так, в ночь с 16 на 17 июля 1906 года произошел неприятный случай. «Член приемной комиссии Сестрорецкого Оружейного завода полковник Туношенко, пригласил после благотворительного концерта в пользу служащих Приморской железной дороги на ужин артистов Северского и Гвоздецкую, помощника Присяжного поверенного А.К. Григорьева, дворянина Вл. Григ. Духновича, губернского содержателя Липницкого.

Они заняли отдельный кабинет и заказали ужин, потребовав два графина водки и три бутылки шампанского. При расчете они остались недовольны счетом, требуя 30% сбавки, как это делается рестораном для артистов Курорта и исключение из счета платы за нетронутые закуски и невыпитый ликер. Туношенко и Григорьев пошли разбираться и попытались вернуть закуски и ликер, однако буфетчики отказались и тогда Григорьев ударил одного из них. На шум явился хозяин буфета Наумов, подвергшийся оскорблениям со стороны Северского и Григорьева, который ударил Наумова бутылкой».

План 1868. План Сестрорецка, снятый в 1868 году после пожара, уничтожившего большую часть селения. Фрагмент. ЦГИА СПб

Казалось бы, тривиальная драка, но начальнику завода Дмитриеву-Байцурову доложили, что в отдельном кабинете в ресторане Курорта заперлись два полковника и один застрелил другого. Шуму было в Сестрорецке в ту ночь...

Центральный Государственный Исторический архив Санкт-Петербурга

Старое название Центральный Ленинградский Областной архив. Населенные пункты Курортного района представлены здесь в основном находившимися в Петроградском уезде – Сестрорецком и некоторыми другими. Основные фонды, в которых есть соответствующие документы:

- Ф. 224. Петроградская уездная земская управа
- Ф. 253. Канцелярия петроградского губернатора
- Ф. 256. Строительное управление Петроградского губернского правления
- Ф. 400. Петроградское славянское благотворительное общество
- Ф. 961. Петроградское уездное полицейское управление
- Ф. 1290. Сестрорецкий Оружейный Завод

Последний фонд занимает особое место не только количеством дел (более 5000), но и разнообразием материала. Здесь и данные об испытаниях новых образцов оружия, и иски мастеровых, получивших увечья, и интереснейшая переписка с Главным Артиллерийским Управлением, и материалы о быте мастеровых, и многое другое.

Особый интерес представляют, говоря современным языком, больничные листы. Мастеровые, лечившиеся в казенном лазарете, получали по болезни половину «зарабочей платы». Мне довелось просмотреть некоторое количество справок «Сестрорецкого местного лазарета» за вторую половину 1912 года, хранящихся в Ф. 1290. Оп. 1. Д. 2048. Вот сокращенное содержание некоторых из них:

- Василий Крылов лечился от воспаления гортани. 13 – 17 декабря 1912 г.*
- Иван Малькевич ... от ревматизма шейных мышц 11–14 декабря 1912 г.*
- Алексей Комаров ... от ранки около правого глаза. 10–13 декабря 1912 г.*
- Федор Лобачев ... от правостороннего сухого плеврита. 8 октября – 9 декабря 1912 г.*
- Яков Спиридонов ... от нарыва на животе. 3 – 12 декабря 1912 г.*
- Иван Фурин ... от флюса. 12 – 14 декабря 1912 г.*
- Андрей Сорокин ... от перелома 1-го левого, полученного вне завода, ребра. 25 ноября – 9 декабря 1912 г.*
- Андрей Новиков ... от воспаления 4-го пальца левой руки 23 ноября – 17 декабря 1912 г.*
- Федор Федоров ... от ранки 1 пальца правой руки 8 – 18 декабря 1912 г.*
- Георгий Храмов ... от нервного сердцебиения и воспаления носоглоточного пространства. 4 – 12 декабря 1912 г.*
- Константин Степанов ... от воспаления 2-го пальца левой руки. 28 ноября – 10 декабря 1912 г.*
- Василий Романовский ... от раны большого пальца левой руки. 12 – 16 декабря 1912 г.*
- Василий Иванов ... от нарыва левой руки. 12 – 18 декабря 1912 г.*
- Арсений Кирилов, от неврастении. 2 – 27 января 1913 г.*
- Арсений Морозов ... от брюшного тифа. 9 – 21 января 1913 г.*
- Лука Шушпанов ... от эпилепсии, 23–27 января 1913 г.*
- Петр Петров ... от кровавого мозгового удара 11 января – 8 февраля 1913 г.*

Изучая подобные документы смутных годов так называемой первой русской революции, появляется ощущение, что все происходило не совсем так, как нам внушали на протяжении

70 лет. Так, в деле 39 фонда 1290 на стр. 215 есть покаянное письмо, которому предшествовало следующее событие. 16 марта 1906 года в Сестрорецке «...ночным обходом полицейскими стражниками Макаренковым и Завертайлом около 11 часов ночи был задержан за беспорядки на улице в нетрезвом виде обыватель с. Райвола Петр Андрианов Поваляев, проживающий в Сестрорецке на Задней ул. 6.

При обыске у него нашли части винтовки: ударник, нижнее ложевое кольцо и спусковой крючок с клеймами СОЗ. Он пояснил, что детали бракованные, и положил их себе в карман, для того, чтобы их никто от него не утащил, так как в заводе их негде было оставить». Объяснение вполне соответствующее состоянию выпившего человека.

Прошение о помиловании (прообраз современных объяснительных записок) писал, разумеется, писарь, но диктовал ему не Петр Поваляев, а кто-то, кто прекрасно понимал, что глупого парня пожалеют, пожалеют именно за глупость. То есть, очевидно, что был кто-то, кто подговорил парня украсть эти детали.

*«От мастерового инструментальной мастерской Петра Андрианова Поваляева 17 лет
Прошение Помощнику начальника завода*

17 марта я по выходе из завода, поднявшись в гору, был задержан полицией. При обыске у меня были найдены принадлежности к винтовке ударник, кольца и спусковой крючок, о чем составлен протокол и препровожден на усмотрение начальника завода, который передал помощнику начальника Вашему Высокоблагородию, почему я беру смелость обратиться к Вам с всепокорнейшею просьбой о смягчении моей вины, произошедшей исключительно по глупости. Взятые мной вышепоименованные вещи даю Вам честное слово ни для каких целей не предназначены, а просто произошло все это как ребячество, как ребенку понравится какая-либо вещь и он берет ее для себя совершенно бессознательно, не зная о том, какие вследствие этого могут быть последствия, так случилось со мной. Теперь узнав, чему я могу подвергнуться за содеянное, честь имею покорнейше просить Ваше Высокоблагородие, приняв во внимание мой несовершеннолетний возраст 17 лет, не передавать протокол на рассмотрение суда».

Резолюция гласила: «Судебному расследованию не подвергать. Но безнаказанно вынос вещей оставлять нельзя – размер наказания предоставляю полковнику Тиберу». В результате Поваляева оштрафовали на три рубля. Вот так – с одной стороны «ребячество», с другой – «беспорядки на улице в нетрезвом виде».

Еще один случай воровства.

«В субботу 15 июля по окончании работы чернорабочий коробочной мастерской Емельян Федоров видел, как надзиратель той же мастерской Дмитрий Кошелев шел у здания калильной мастерской и нес под пальто 3 ствола. Кошелев спросил у Федорова ключи от кладовой, но узнав от него, что в мастерской находятся еще мастера, пошел в кладовую в обход вдоль Механической мастерской. О всем сказанном Федоров доложил мастеру Герасимову, которому Кошелев сказал, что ему поручил вынести стволы надзиратель ствольной мастерской Завьялов.

На мои вопросы Кошелев сказал, что нес стволы в кладовую Ствольной мастерской для сдачи. Почему он по окончании работы оказался у здания Приемной комиссии, за чем он пошел со спрятанными под пальто стволами вдоль Приборной мастерской и Калильной и зачем вдоль Ствольной, когда Калильная и Ствольная расположены рядом и зачем старался избегать встречи с мастерами, если он хотел сдать казенные стволы – объяснить не смог. Температура была 35 градусов жары, а он в пальто».

Лозунг «Ты будь хозяин, а не гость. Тащи с завода каждый гвоздь», видимо, родился не в советское время. В 1906 году, когда «революционная обстановка» уже не была столь на-

пряженной, для чего или для кого рабочие пытались вынести детали винтовок? Не было ли здесь банального шкурного умысла?

В некоторых изданиях, описывающих революционное движение, есть эпизоды, прославлявшие рабочих Сестрорецкого Оружейного завода – «арсенала революции» – за то, что они выносили с завода детали винтовок, а потом собирали, вооружая тем самым рабочие дружины. Революционная целесообразность допускала многое, но воровство – есть воровство.

И, разумеется, в Фонде 1290 (Опись 4) сосредоточено большое количество интереснейших чертежей Сестрорецкого Оружейного завода и планов Сестрорецка.

Центральный государственный архив Санкт-Петербурга

Когда-то он имел весьма неудобное название Ленинградский архив Революционного строительства и экономического развития. Здесь имеются документы по всем предприятиям Ленинградской области после 1917 года, в том числе и по Сестрорецкому Инструментальному заводу. Есть и интереснейшие протоколы заседаний Зеленогорского исполкома вплоть до начал 1990-х годов. Когда-то архив располагался на Варфоломенской улице, куда добираться было непросто и работать было неудобно. Сейчас архив переехал на улицу Антонова-Овсенко, и ситуация резко изменилась в лучшую сторону.

Ленинградский Областной исторический архив в Выборге

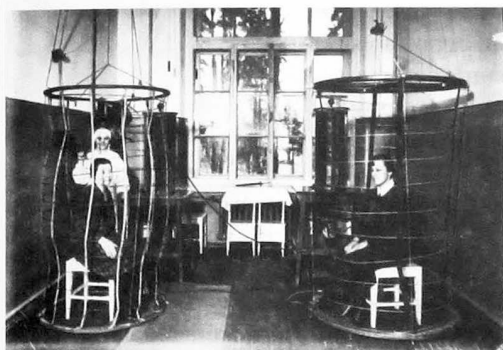
Не упомянуть этот архив нельзя, так как здесь имеются материалы, связанные с теми населенными пунктами Курортного района, которые находились на территории Финляндии.

Центральный Государственный архив кинофотофонодокументов

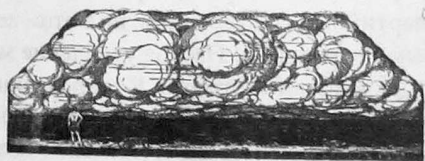
Один из моих любимых архивов. Правда, все кинодокументы переданы в соответствующий московский архив, но фотофонд этого архива огромен! В нем представлены почти

*Белоостров. Таможня осматривает паровоз на станции Белоостров. 1912 г.
Фотограф К. Булла. ЦГАКФФД*

*Д&Арсонваль. Грязи, Франклинизация.
Процедуры, предлагаемые Сестрорецким
Курортом в 1930-х гг. ЦГАКФФД*

СЕСТРОРЕЦК-КУРОРТ

ВСТУПЛЕНИЕ

Произнеси твое название... О, Сестрорецк! И вновь и вновь в моей душе вспоминаются встания, как прошла любовь... И в сладкой кажется надежда, что из облагов весит тень, а позовет опять, как прежде, сегодняшний веселый день...

все населенные пункты не только Курортного района, но и Карельского перешейка. Причем основной массив фотографий – это подлинные стекла. И печать с них производится так называемым перекоптактным способом. Правда, многое уже оцифровано. Например, изумительная фотография, сделанная знаменитым К. Буллой в Белоострове в 1912 году. Таможня осматривает паровоз. Фотография, конечно, постановочная, но ее изучение может дать очень много интересной информации. терпеливому исследователю. Почти два десятка фотографий рассказывают о Сестрорецком Курорте 1930-х годов. Здесь и лечебные грязи, и метод Д&Арсонваля, и франклинизация – метод улучшения мозгового кровообращения, применяющийся до сих пор.

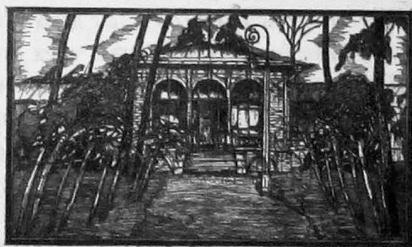
Центральный Государственный архив литературы и искусства

Среди множества интереснейших литературных произведений, хранящихся в этом архиве, нам прежде всего интересно поэтическое описание Сестрорецкого Курорта, сделанное известным поэтом М.А. Кузминым. Интересны и рисунки художника Е. А. Левинсона, иллюстрирующие стихи Кузмина.

СЕСТРОРЕЦК – КУРОРТ

ВСТУПЛЕНИЕ

Произнеси твое название...
О, Сестрорецк! И вновь, и вновь

*У входа
An Babouf*

*Photo de la gare
by the railwaystation*

Автоматически качая, несущий поезд нас повез... Пальвуйт в окне, как жизнь чужая, Разалив и Лахта... Лисий нос... Нас позвать нежелая свозила. Станция и смотришь все вперед, пока строение вокзала, полета крыльев не прорвет...

В моей душе воспоминанья
 Встают, как прошлая любовь...
 И в сладкой кажется надежде,
 Что не былого веет тень,
 А позовет опять, как прежде,
 Сегодняшний веселый день...

I

Автоматически качая,
 Неспешный поезд нас повез...
 Плывут в окне, как жизнь чужая,
 Разлив и Лахта... Лисий Нос...
 Нас память нежная связала.
 Сидишь и смотришь все вперед,
 Пока строение вокзала
 Полета мыслей не прервет...

II

Здесь тихо... Море дремлет плоско...
 Песок на пляже тверд и бел...
 Вдали купальная повозка
 И пена розоватых тел...
 Еще пленительным пожаром
 Прощально солнце не горит
 И благодетельным загаром
 Сухую кожу золотит...

Полностью текст М.А. Кузмина опубликован в сборнике Курортный район. Страницы истории. № 6. СПб. 2011.

Государственный архив Историко-партийных документов

Весьма специфический архив, так как здесь сосредоточены воспоминания партийцев о революционных событиях. Очевидно, что они были написаны в чётком соответствии с директивами КПСС. Возможно, это тоже тема для исследования, например, «Искажение действительности в угоду генеральной линии партии».

Кроме того, именно здесь сосредоточены протоколы партийных конференций и съездов органов власти Курортного района. Занимаясь историей Зеленогорска, я работал в этом архиве. Мне принесли объёмные дела – протоколы партийных конференций, но в этом деле часть страниц была скреплена с трех сторон толстыми скрепками. На мое удивление мне дали понять, что так положено. Я, конечно, втихаря, скрепочки отстегнул. В запрещенных страницах упоминались какие-то секретари парткомов, допустившие пьянки и прочие нарушения. Мне это было совсем неинтересно, но оказалось, что знать об этом мне не положено.

Центральный Военно-Морской Архив (Гатчина)

В этом архиве, разумеется вся история советского Военно-Морского флота, начиная с 1941 года. Рассекречивание документов идет крайне медленно, но материалы Великой Отечественной войны уже доступны. Здесь есть документы, рассказывающие о действиях морской пехоты и береговой обороны.

Архив Военно-Медицинского музея

Тому, кто занимается историей Советско-Финляндской войны, – прямая дорога сюда. Именно здесь сосредоточены данные о потерях наших войск в этой «незаметной войне».

Центральный архив Научно-Технической документации

Казалось бы очень скучный архив, но в нем собраны технические материалы предприятий Карельского перешейка. И на удивление здесь есть статьи известного специалиста Т.Б. Дубяго, посвященные садово-парковому искусству. Они оказались очень полезны при подготовке книги «Заповедная роща Петра Великого в Сестрорецке».

К сожалению, я так пока не добрался до одного из лучших архивов Петербурга – Российского Государственного Исторического, но это еще впереди. При всем изобилии исторической литературы, изданной в последние годы, история Карельского перешейка и важнейшей его составляющей – Курортного района, еще не написана. Поэтому пожелание молодым исследователям, ищите и – найдете.

БАЛАЦЕНКО Юрий Дмитриевич,
старший научный сотрудник
музея-усадьбы И.Е. Репина «Пенаты»

«ИСТИННЫЙ ЕВРОПЕЕЦ» НА КАРТИНЕ И.Е. РЕПИНА

В собрании центрального художественного музея Финляндии «Атенеум» находится полотно Ильи Ефимовича Репина (1844-1930) «Финские знаменитости». Картина великого русского живописца, хотя и осталась незаконченной, несмотря на многолетнюю над ней работу, была подарена финскому народу самим художником в 1927 году. Правда, этот дар был оговорен условием, на которое указал Тимо Хууско - «В своем завещании, подписанном 20 августа 1927 г., – художник отказал картину финскому правительству с условием, что оно позволит похоронить его дома, на территории «Пенатов» в Куоккала. В завещании художник также отмечает незавершенность картины»¹.

Одним из персонажей живописного полотна стал барон Эмиль Седеркройтц (1879–1949). Скульптор, художник и один из самых известных в Европе силуэтистов, он изображен Репиным в центре картины, сидящим за столом на втором плане. Являясь блестящим представителем творческой элиты страны, барон прославил Финляндию и ее искусство среди

Картина И.Е. Репина «Финские знаменитости»

1. Хууско Т. Произведения Ильи Репина в Художественном музее Атенеум. //Каталог выставки «Репин». Кадрриоргский художественный музей. Таллинн. Эстония. 2013. С.76.

Европейских стран. Его имя было широко известно не только в Финляндии, но и за ее пределами. Современники называли его «истинным европейцем из финской глубинки»².

Все последние годы жизни Ильи Ефимовича картина «Финские знаменитости» находилась в «Пенатах», о чем свидетельствуют фотографии мастерской И.Е. Репина тех лет. Размер полотна 152 x 281,5 см поразителен, если учесть, что оно создано художником на закате жизни. На нем изображено чествование Репина, которое прошло в банкетном зале «Благородного собрания» (Seurahuone) города Хельсинки в сентябре 1920 года. Написанию этого многофигурного полотна предшествовала череда разнообразных событий в жизни маститого живописца.

Репин был избран почетным членом Финского Художественного Общества (SuomenTaideyhdistys), после того как в марте 1920 года преподнес Обществу 30 картин из своего собрания. Щедрый дар художника и последующая выставка подаренных картин в Хельсинки широко обсуждалась в финской прессе. 31 мая 1920 года Илья Ефимович написал своему другу и коллеге Василию Филипповичу Леви (1878-1953) о еще одном знаменательном событии, которое произошло в его жизни. «От финляндского Правительства – писал Репин – ему пожертвовали Орден командора II степени «Белой Розы»³. Указ о награждении И.Е.Репина высшим знаком отличия независимой Финляндии, учрежденным в 1919 году, был подписан первым Президентом страны Каарло Юхо Столбергом (1865-1952). Илья Ефимович стал одним из первых обладателей Ордена наряду с бароном К.Г. Маннергеймом (1867-1951) и знаменитым финским художником Аксель Галлен-Каллелой (1865-1931).⁴

В сентябре того же года в Хельсинки прошла выставка работ И.Е. Репина. Художник был приглашен на ее открытие и в его честь был дан банкет. Этот торжественный вечер собрал за одним столом практически всех известных творческих людей Финляндии. Среди них были художники, скульпторы, поэты, писатели, музыканты, композиторы и общественные деятели страны.

Вспоминая детали праздничного вечера, Илья Ефимович писал своему другу К.И. Чуковскому (1882-1969): «Финские художники отнеслись ко мне лучше, чем родные братья: в Гельсингфорсе мы так пировали!... Еще уезжая, уже в вагоне долго я был обуреваем живой карти[ной] нашего торжества».⁵

Картина «Финские знаменитости» явилась своеобразным ответом Репина на знаки внимания, проявленные к нему финской общественностью. Решение написать большое полотно, которое стало бы историческим документом для будущих поколений, пришло к Илье Ефимовичу в поезде, который вез его из Хельсинки домой в Куоккалу. Елена Соини в своей статье о жизни Репина в Финляндии отметила, что «желание изобразить всех знаменитых финнов, собравшихся на банкете, было одновременно и чувством благодарности Финляндии за доброжелательное отношение к художнику, и стремлением запомнить один из ярких вечеров в его жизни ...»⁶.

При написании картины Репин использовал собственные зарисовки и фотографии участников банкета. Практически законченные «Финские знаменитости» в ноябре 1922 года впервые экспонировались в галерее «Льеорхаммер» (Ljorhammer). После окончания выставки «Леви – как рассказывал Репин Чуковскому – возил картину по Финляндии ... Потом [она] вернулась через 2 года ... я начал кое-какую переделку»⁷. Вновь попав в мастерскую художника, полотно подвергалось многочисленным изменениям и исправлениям до тех пор, пока Репин в 1927 году, как было указано выше, не подарил его музею «Атенеум».

2. KavaRitva.Harjula.Статьявкниге: LindqvistL., OjanenN. Bringingarttolife. Helsinki.1997.C.86.

3. РГАЛИ.Ф.790, оп.1, ед.хр.2.Л.21, 21 об

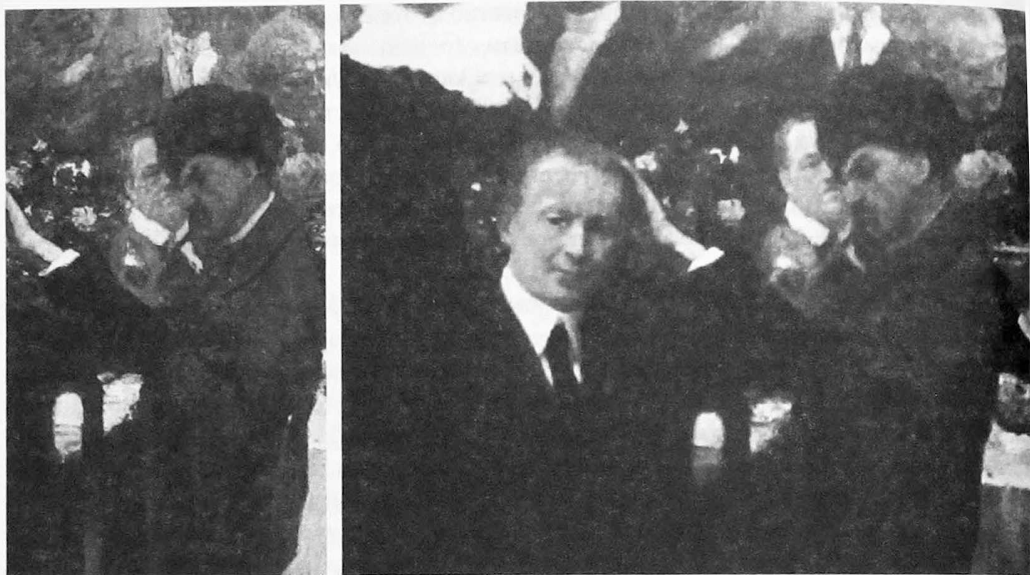
4. Хятэнен Елена. Источники Центрального архива изобразительного искусства о жизни и творчестве Ильи Репина.

Каталог выставки «Репин» в Кадрюоргском художественном музее. Таллинн. Эстония. 2013. С. 102.

5. И.Репин. К.Чуковский. Переписка 1906-1929. Новое литературное обозрение. М. 2006.С.134.

6. Соини Елена. Илья Репин в Финляндии. В сборнике, «В Пенатах было наше счастье». Художественный музей Южной Карелии, Сайменский Университет прикладных наук. Финляндия. 2009.С.126.

7. Чуковский К.И. Дневник 1922-1935. М. 2012. С.205.

Фрагменты картины И.Е. Репина «Финские знаменитости»

«Картина получилась очень демократичной, – писала Е. Сойни – где каждый изображенный – главный»⁸.

Знаменательно, что на картине «Финские знаменитости», лицо «истинного европейца» частично закрыто фигурой сидящего на стуле и закуривающего трубку Акселя Галлен-Каллелы, живописца, чьи иллюстрации к «Калевале» принесли ему наибольшую известность. Репин писал о нем: - «Он лицом – запорожец – да и характером», то есть в понимании Ильи Ефимовича Галлен-Каллела был «истинным запорожцем»⁹.

Скромное место второго плана не умаляет заслуг аристократа Седеркройтца, который был чрезвычайно разносторонним человеком. Скульптор, художник, создатель черных силуэтов из бумаги, писатель и одновременно иллюстратор книг и журналов, известный в стране коллекционер, основатель частного музея в своей усадьбе – барон во всех сферах деятельности достиг поразительных результатов. Проживая в достаточно глухой провинции Финляндии, он был своим в любом европейском государстве. Современники отзывались о бароне Седеркройтце, как о полиглоте, который свободно владел основными европейскими языками. Подтверждением тому служит огромная библиотека усадьбы, в которой собраны книги на разных языках по многим отраслям знаний. Собранными им коллекциями живописи и предметов сельского быта финских крестьян может гордиться любой государственный музей. По своему рождению принадлежа к высшим слоям общества, Седеркройтц прославился как великий труженик и попечитель животных.

Эмиль Герман Роберт Седеркройтц родился в 1879 году на западе Финляндии в имении своего отца «Койлио». Усадьба, находясь в самом центре исторической провинции Сатакунта, ко времени рождения Эмиля, уже более ста лет принадлежала семейству Седеркройтцев.

В семье Седеркройтцев кроме Эмиля было еще три сына. Все они добились немалых успехов в выбранных профессиях, но только Эмилю досталась слава известного скульптора. Родители хотели, чтобы юноша стал юристом, а Эмиля тянуло с одной стороны к занятию земледелием, а с другой – к искусству. Увлечение сельским хозяйством было у него настолько сильным, что он сам выучился пахать землю. Но он не мог претендовать на родительское

8. Сойни Елена. Илья Репин в Финляндии. В сборнике, «В Пенатах было наше счастье». Художественный музей Южной Карелии, Сайменский Университет прикладных наук. Финляндия. 2009.С.127.

9. Репин И.Е. Избранные письма в двух томах 1867-1930.М.1969. Т.2.С.370.

Фотография Э. Седеркройца в мастерской за работой 1903 г.

Фотография Э. Седеркройца в Риме 1906 г.

имение, так как не был старшим сыном в семье.

После окончания школы Эмиль начал изучать юриспруденцию в Университете Хельсинки. Несмотря на успехи в освоении специальности, карьера юриста совершенно не привлекала молодого барона. Альберт Эдельфельд (1854-1905), друг И.Е. Репина и один из самых известных финских художников сумел убедить родителей Эмиля разрешить юноше оставить тяготившее его занятие правом. В 1900 году несостоявшийся юрист поступил на скульптурные курсы при Финской Академии Художеств. Следует отметить, что Э.Седеркройц стал первым финским ваятелем, начавшим свое специальное образование на родине. Получив на курсах базовые знания, начинающий скульптор, как это было принято в те годы, отправился продолжать образование в Европу. В Брюсселе Эмиль провел первые годы обучения, постигая мастерство скульптора. Далее последовал Рим, где он изучал скульптурные шедевры античных мастеров. Завершающим этапом его образования стало пребывание в Париже – «артистической Мекке тех лет». Работая в своей собственной студии, молодой скульптор участвовал практически во всех художественных выставках, проходивших в столице Франции¹⁰. Вечерами барон немало времени проводил в парижских уличных кафе в компании других финнов, впоследствии ставших знаменитыми. Среди них можно отметить живописца А. Галлен-Каллелу и скульптора Вилли Валлгрена (1855-1940).

Справедливости ради надо заметить, что молодого скульптора привлекала не только Западная Европа. Расширяя свой кругозор, Седеркройц побывал в столице Российской империи Санкт-Петербурге, и на юге Европы. Во время учебы начинающий скульптор постоянно впитывал в себя все те новые веяния и тенденции, которые появлялись в художественной жизни Европы той поры. Финские исследователи считают, что Седеркройц был первым финским импрессионистом в скульптуре, включавшим в скульптурные образы предметы из повседневной жизни¹¹.

В 1912 году Седеркройц, закончив образование за рубежом, вернулся на родину, где перед ним сразу же возникла проблема, как подыскать усадьбу, которая бы соответствовала его мироощущению. Подходящее место он сравнительно быстро обнаружил на своей «малой родине» в провинции Сатакунта. В современном финском справочнике об этой исторической провинции написано, что «Сатакунта совсем как Финляндия в уменьшенном разме-

10. Kava Ritva.Harjula. Статья в книге: Lindqvist L., Ojanen N. Bringing art to life. Helsinki.1997.C.86.

11. Kava Ritva.Harjula.Статьявкниге: Lindqvist L., Ojanen N. Bringing art to life. Helsinki.1997.C.86.

Фотография Э. Седеркройтца с лошадьми и собакой 1911 г.

ре. На севере местность суровая и холмистая, на юге – пышная и плодородная»¹². Позднее Седеркройтц очень поэтично описал, как нашлось место для усадьбы: «В 1913 или точнее в 1912 году путешествуя верхом на лошади по дороге в Пори, я услышал гром водопада среди сосен. Я остановился, спешился и отправился через густые заросли к реке. Воды не было видно, но направляемый шумом низвергающегося потока, я решил, что река не может быть далеко. Я оказался прав, пройдя несколько сот метров, я вышел на высокий берег реки, где ниже водопада она превращалась в большое озеро подобное заливу, по берегам которого открывались очаровательные виды»¹³. Красота окружающей природы родного края предопределила его.

В 1915 году в провинциальной газете появилась статья посвященная Седеркройтцу. В ней редактор местной газеты в Сатакунте Ф.О. Витанен писал, что «сердце и душа барона принадлежит Сатакунте, поэтому нет ничего удивительного, что для покупки имения и постройки там дома он выбрал свою малую родину, переехав туда из Койлио»¹⁴.

Позже Седеркройтц оформил в собственность понравившийся участок земли на берегу реки Кокемаенйоки. Имение, купленное в окрестностях города Харьявалта, барон назвал «Харьюла». В течение короткого времени на берегу Кокемаенйоки выросла необычная усадьба, построенная из старых бревен. Седеркройтц, начиная с 1913 года, стал покупать старые крестьянские дома, которые после разборки перевозили на облюбованное им место у реки. Вековые бревна шли на возведение усадебных построек. Строительство и обустройство дома, изготовление обстановки и мебели занимало у Седеркройтца массу времени, тем более, что все основные работы в имении велись по чертежам самого хозяина и под его наблюдением. В начале декабря 1914 года барон писал своему другу писателю Майле Талвио: «Здесь находится все – и моя жизнь, и моя работа. Я только то и делаю, что с 7 утра и до позднего вечера тружусь, конструирую мебель, провожу электричество»¹⁵.

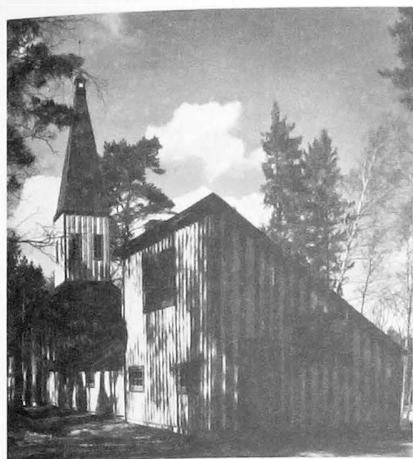
Все строения, возведенные на берегу реки, соединялись друг с другом, что придавало необычный силуэт всей усадьбе. Феликс Борг, посетивший «Харьюла» в 1915 году оставил

12. Путеводитель. Satakunta, добротаикрасота.Satunmaa, Финляндия. 2005.С.2.

13. Kava Ritva.Harjula.Статьявкниге: Lindqvist L., Ojanen N. Bringing art to life. Helsinki.1997.С.86.

14. Kava Ritva.Harjula.Статьявкниге: Lindqvist L., Ojanen N. Bringing art to life. Helsinki.1997.С.82.

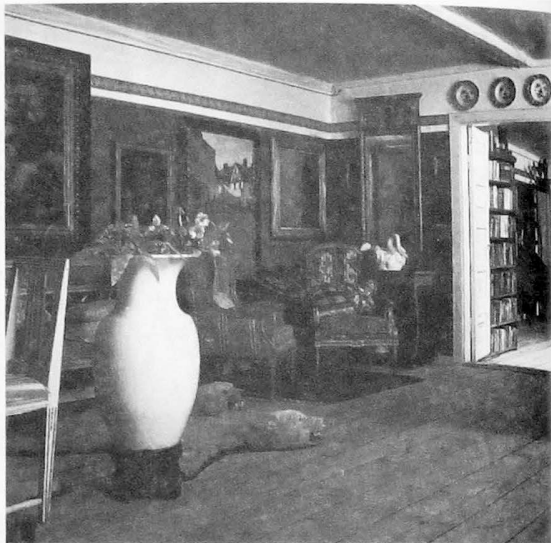
15. Kava Ritva.Harjula.Статьявкниге: Lindqvist L., Ojanen N. Bringing art to life. Helsinki.1997.С.86.

Современные фотографии усадьбы «Харьюла»

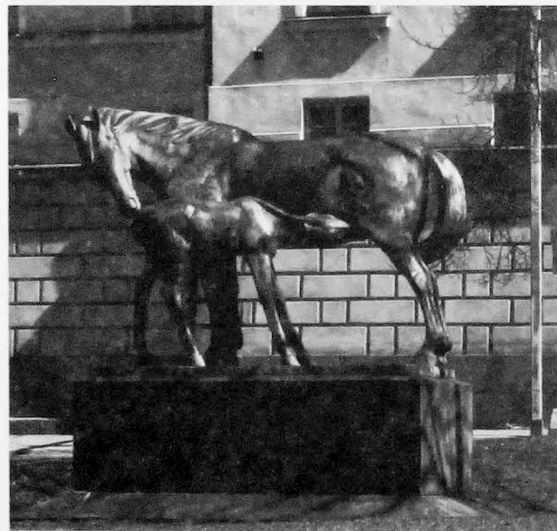
Интерьеры усадьбы «Харьюла». Современная фотография

Интерьеры усадьбы «Харьюла». Современная фотография

чрезвычайно интересное описание того, что он там увидел: «Деревянный дом, – писал гость барона – артистически-художественного стиля, свободный от какого-либо проекта. Простой и изысканный, идеально подходящий к окружавшему его хвойному лесу, напоминает старинные дворянские усадьбы западной Финляндии... анфилада комнат, обставленных скульптурами, картинами коврами и древними артефактами. Создавалось впечатление некоего музея, хотя атмосфера дома была не музейной, а прекрасно соответствовала характеру и стилю жизни хозяина»¹⁶

Необходимо отметить, что возведение и обустройство усадьбы «Харьюла», хотя и отнимало много времени у Седеркройтца, но не влияло на его творческие успехи. Постоянно возрастающее мастерство барона в выбранных жанрах искусства – скульптуре, живописи и создании силуэтов, приносило ему все большую известность. Скульптуры и скульптур-

Скульптурная композиция «Материнская любовь»

Скульптура «Пес Пекка»

16. Kava Ritva. Harjula. Стаття в книзі: Lindqvist L., Ojanen N. Bringing art to life. Helsinki. 1997. Сс. 86, 90.

ные композиции, созданные Седеркройтцем в его мастерской, позже украсили города Финляндии. В основном популярность ему принесли памятники, изображающие животных, в частности лошадей.

Каждому жителю и гостю финской столицы хорошо известен памятник «Материнская любовь», установленный в 1928 году неподалеку от Центрального железнодорожного вокзала Хельсинки. Считается, что городские власти приобрели у автора бронзовую композицию кобылы с жеребенком за 95 тысяч финских марок по предложению барона К.Г. Маннергейма. «Сторожевой пес Пекка», приобретенный у скульптора в 1934 году, украшает двор столичной больницы Салус. Э. Седеркройтц в бронзе увековечил своего верного друга Пекку, поставив его на высокий постамент.

Не только Хельсинки, но и другие города Финляндии могут гордиться произведениями барона. Отдавая дань нелегкому сельскому труду, скульптор создал скульптуру «Боронильщика», которая украсила портовый город Пори. В городе Харьявалта находится знаменитый бронзовый землепашец, известный под именем «Пахарь». В целом можно сказать, что скульптурные композиции Э. Седеркройтца буквально преобразили города Финляндии. Он, в отличие от большинства скульпторов и художников, предпочитал изображать, прежде всего, животных – лошадей, собак, свиней и другую живность. Люди в его творениях существуют только в тех ситуациях, когда они работают вместе с лошадьми, или отдыхают с собаками. За ним укрепилась репутация главного специалиста по созданию скульптурных портретов лошадей. Если верить людской молве, то при обсуждении проекта конной статуи Маннергейму, барон якобы произнес следующую фразу: «Кто угодно может изваять меня, но только Седеркройтц сможет изобразить подо мной лошадь».

Лошадь была главным символом искусства Седеркройтца на протяжении всей его жизни. Седеркройтц говорил: «Я всегда любил лошадей, отмеривающих время жизни своими четырьмя копытами. Если верить теософам, то я вполне мог быть лошадью в предыдущей жизни»¹⁷. Справедливости ради можно заметить, что другие домашние животные и даже птицы занимают значительное место в творческом наследии художника.

Но не только скульптура и живопись принесли барону широкую известность. Он также прославился как один из лучших в Европе вырезальщиков силуэтов из черной бумаги.

Это искусство было чрезвычайно модно на рубеже XIX-XX

веков. Считается, что Эмиль начал вырезать первые силуэты в возрасте 5-6 лет. С набором миниатюрных ножниц, которые сейчас украшают экспозицию музея-усадьбы в Харьюле, он не расставался

до последнего дня. Любовь к этому необычному искусству Седеркройтц пронес через всю жизнь. Созданные им силуэты часто использовались как самостоятельные работы, так и в качестве иллюстраций в книгах, журналах и газетах. В различных музеях сохранилось более 2000 вырезанных им силуэтов. За необычный талант и любовь к миниатюрным ножницам

Силуэты лошадей, вырезанные Э. Седеркройтцем

17. Kava Ritva. Emil Cedercreutz's horses. Catalogue No.6. Emil Cedercreutz Museum. Harjavalta. 1988.

барон получил от друзей шутовское прозвище «Седеркройтц ножницы». В письмах они обращались к нему: - «Дорогой брат Ножницы». Зачастую и сам Седеркройтц подписывал корреспонденцию - «Ножницы». Иногда барон использовал для своих работ помимо традиционной черной - цветную бумагу. Интересно отметить, что для него изготавливалась особая бумага с надписью: «Сделана специально для барона Седеркройтца»¹⁸. Некоторые финские исследователи считают, что определенное соответствие силуэтам барона можно найти в японской гравюре.

Интенсивный созидательный труд не мешал Э. Седеркройтцу принимать деятельное участие в общественной жизни страны. Он был патриотом своей малой родины и человеком, который прославился не только своим искусством, но благотворительностью. Его ценили как публичного оратора и общественного деятеля. Барон одним из первых в Финляндии выступил за соблюдение «прав животных», став одним из основателей «Финского общества защиты животных». Седеркройтц считал, что когда «права животных» будут соблюдаться, в мире наступит расцвет цивилизации¹⁹. О его любви к лошадям говорит и тот факт, что барон ездил по специализированным европейским рынкам, где покупал старых и больных лошадей, отработавших свой срок на арене цирка или в поле. Их привозили в имение, лечили, кормили и выхаживали. А потом Седеркройтц использовал уже выздоровевших животных в качестве моделей для своих работ. Необходимо заметить, что любовь барона к домашним животным возникла уже в детстве. Родители, подарив ему маленького пони, приучили Эмиля не только играть, но ухаживать за ним. Лошади и собаки сопровождали Седеркройтца всю его жизнь, а их образы воплощались в его произведениях.

Творческая индивидуальность Эмиля Седеркройтца прослеживается не только в скульптуре, живописи или силуэтах, созданных бароном, но и в самой архитектуре имения «Харьюла». Все усадебные строения несут отпечаток гармоничного сочетания народных традиций с элементами стиля «северного модерна», и при этом удивительным образом вписываются в окружающий пейзаж.

Оформляя интерьеры внутренних помещений своего жилища Седеркройтц использовал финские народные, западноевропейские и даже античные традиции. Мебель и другая обстановка были или антикварными, или созданы местными краснодеревщиками по старинным образцам. По стенам комнат были развешены картины европейских мастеров, принадлежавших к разным школам и эпохам. Многочисленные ковры, покрывавшие стены и полы дома соответствовали по цвету остальным предметам убранства. В целом, если усадьба снаружи производит впечатление сельского дома, хотя и весьма оригинального, то внутренние интерьеры соответствуют богатому дворянскому поместью. Под мастерскую скульптора было специально отведено одно из помещений усадьбы. В нем Седеркройтц творил и хранил свои скульптурные произведения, и их уменьшенные авторские копии.

Гражданская война, последовавшая после получения Финляндией независимости, коснулись имения «Харьюла». Поместье Седеркройтца попало в зону боевых действий в феврале 1918 года. Отряды Красных финнов, пройдя через усадьбу, разграбили ее. При этом были уничтожены скульптурные работы барона, которые там находились. Впоследствии практически все было отреставрировано и восстановлено, но скульптуры погибли безвозвратно.

Надо отметить, что первым серьезным испытаниям «Харьюла» подверглась в начале 1917 года. Местная электрическая компания, решив построить электростанцию на реке Кокема-енйоки, выкупила у крестьян земли в окрестностях водопада и подвела железнодорожную ветку к месту будущего строительства. Но, к счастью для Седеркройтца эти планы на тот момент рухнули. В 1920 году компания разорилась, и идиллический пейзаж вокруг усадьбы не изменился. И только через 20 лет идея строительства на реке привела к возведению уже

18. Kava Ritva. Emil Cedercrutz's horses. Catalogue No.6. Emil Cedercrutz Museum. Harjavalta. 1988

19. Kava Ritva. Emil Cedercrutz's horses. Catalogue No.6. Emil Cedercrutz Museum. Harjavalta. 1988.

двух электростанций в Харьявалте и в Кокемяки. Эта стройка полностью изменила пейзаж вокруг имения Седеркройтца, хотя само оно не пострадало. Река превратилась в озеро, а водопад исчез.

Можно с удовлетворением отметить, что ни «Зимняя война», ни Вторая Мировая война никак не затронули поместье барона Седеркройтца. Имение «Харьюла» было постоянным местом жизни ваятеля. Однако, начиная с 1921 года, барон на зиму переезжал в Хельсинки. Но с наступлением весны и до поздней осени усадьба на берегу Кокемаенйоки вновь становилась местом, где он жил и творил.

В начале 30-х годов XX века Э. Седеркройтц начал постепенно превращать свою усадьбу в музей. Свое время он почти полностью посвятил систематизации, описанию и приведению в порядок всего того, что было им собрано за долгие годы. К 1942 году личный музей барона включал в себя целый ряд подразделений. В анфиладе жилых комнат и библиотеке, обставленных старинной мебелью, по стенам была развешана коллекция западноевропейской живописи. Отдельные помещения были предназначены для хранения уникальной коллекции предметов труда и быта финских крестьян, охватывающая примерно двухсотлетний период истории страны; коллекции ковров, домотканых тканей, лодок, предметов конской упряжи и сбруи, предметов сельского обихода; коллекции плетеных корзин. Как уже упоминалось выше, мастерская барона также имела отдельное помещение, где он работал как скульптор.

В конечном итоге музей Седеркройтца превратился в обширный комплекс построек, которые протянулись на 140 метров вниз по течению реки Кокемаенйоки. После кончины барона Эмиля Седеркройтца в январе 1949 года его имение «Харьюла» стало Музеем-усадьбой и перешло в ведение «Фонда имени барона Эмиля Седеркройтца» и муниципалитета города Харьявалта, на окраине которого он и находится. Этот уникальный для Финляндии музей, обладающий огромным количеством интереснейших экспонатов, круглый год принимает многочисленных почитателей творчества знаменитого скульптора. Коллекции, собранные бароном за долгую жизнь, не имеют аналогов в других музеях страны.

Завершая рассказ об Эмиле Седеркройтце, приходится с сожалением отметить тот факт, что в современной России имя барона практически неизвестно. Хотя этот талантливый во всех отношениях человек был современником Репина, Сибелиуса, Галлен-Каллела, Маннергейма и других выдающихся людей, чьи изображения можно увидеть на картине И.Е.Репина «Финские знаменитости». На историческую значимость репинского полотна указала Е. Сойни, написав, что «картина эта уникальна, только Репину пришло в голову написать всю элиту Финляндии за одним столом»²⁰. Еще более странным кажется то, что в современной Финляндии имя блистательного скульптора известно далеко не всем. Хотя его скульптуры и скульптурные композиции, украшающие улицы и площади разных городов страны хорошо знакомы как жителям Финляндии, так и многочисленным гостям страны Суоми.

20. Сойни Елена. Илья Репин в Финляндии. В сборнике «В Пенатах было наше счастье». Художественный музей Южной Карелии, Сайменский Университет прикладных наук. Финляндия. 2009. С.127.

ВИЗИРЯКО Татьяна Николаевна,
филолог, библиотекарь санатория «Черная речка»

ЗАБЫТЫЕ ИМЕНА – ЗНОСКО-БОРОВСКИЙ

«...как ни прекрасно прошлое, не сожалением
о нём мы будем живы в будущем»
Е.А. Зноско-Боровский

В 2014 году в Александринском театре Петербурга и Бахрушинском музее Москвы состоялись мероприятия, приуроченные к 130-летию со дня рождения историка и теоретика театра Евгения Александровича Зноско-Боровского. Кто же это такой – Зноско-Боровский, и почему мы говорим о нём здесь, на земле Карельского перешейка?

Евгений Александрович Зноско-Боровский – яркий представитель Серебряного века. Он является одной из ключевых фигур редакции самого модного когда-то литературного журнала «Аполлон». Зноско-Боровский был как критиком и драматургом, так и театроведом и литератором. Всеволод Мейерхольд высоко ценил Евгения Александровича и ставил его пьесы. Зноско-Боровский был другом Гумилева и секундантом на его дуэли с Волошиным; другом Кузмина и первым исследователем его творчества. Друг Алехина и сам отличный шахматист, он писал о те-

ории шахматной игры, чем вызвал интерес у Владимира Набокова. У него было много друзей, и один из них – Евгений Эпафродитович Картавцов, муж М.В. Крестовской. Семья Зноско-Боровского с 1912 года до революции 1917-го жила в имении Мариоки у Картавцова. В его же семье позднее в Париже жил и сам Картавцов.

Евгений Александрович Зноско-Боровский – петербуржец, дворянин, доблестный офицер, участник боев русско-японской и первой мировой войны. Эмигрант, не утративший связи с русским языком, но принявший французский язык на чужбине. На этих двух языках им написаны книги, статьи о кино, поэзии, театре, шахматах. Зноско-Боровский обладал редким умением говорить о сложных явлениях в культуре лаконично и внятно. Привязанность к Родине, благодарная память о предках и истории России сочетались в нем с обостренным чувством личной суверенности.

Зноско-Боровские ведут свое летоисчисление от Рюриков. Отец Евгения был статским советником, камергером. По табели о рангах пятый гражданский чин (Ваше высокородие) и четвертый – придворный (Ваше превосходительство). В семье было пятеро сыновей и дочь. Все

Studio J. Mandel, Paris

Евгений Зноско-Боровский

Зноско-Боровский Е.А.
Фото 30-х годов. Париж

*Зноско-Боровский Е.А. второй справа.
Фото 1909 года. Петербург*

сыновья окончили Лицей, тот самый, – Царскосельский.

Евгений родился в 1884 году в Павловске. Учился в 7-ой петербургской мужской гимназии, окончил 4 класса. В 1904 году окончил уже упомянутый Александровский Лицей, короткое время был редактором «Лицейского журнала». Сразу после окончания Лицея ушел добровольцем на русско-японскую войну, в чине прапорщика, и был ранен под Мукденом, участвовал в одном из наиболее кровопролитных сражений русско-японской войны, был награжден золотым Георгиевским оружием за

храбрость. Один сезон 1906-1907 годов слушал лекции на историко-филологическом факультете Санкт-Петербургского университета. В 1909 – 1912 годах служил старшим секретарем в журнале «Аполлон».

В эти годы судьба связала его с Карельским перешейком. Он бывал здесь, на побережье; многие творческие люди спешили сюда за глотком интеллектуальной свободы. В 1912 году он встретил актрису Марию Васильевну Филаретову-Багрову. Они сошлись и жили невенчанными в имении Мариоки в Вammelсуо, где родился их единственный сын Кирилл. Крестным отцом Киры стал Евгений Эпафродитович Картавцов. Сам же Зноско-Боровский в 1914 году ушел добровольцем на германский фронт, где был ранен. Революцию 1917 года он встретил в Петербурге. В августе 1918 года семья Зноско-Боровского покидает сначала Петербург, а потом и Россию, с начала 20-х годов поселяется в Париже, где во время Второй мировой войны он становится участником французского Сопротивления. Его жизнь закончилась 31 декабря 1954 года в туберкулезном санатории «Блиньи». Евгений Александрович Зноско-Боровский покоится на русском кладбище в Париже Сен-Женевьев де Буа. Таковы сухие биографические факты.

Но все-таки, что же это был за человек? Здесь – несколько составляющих. Одна из них шахматная. Евгений Александрович Зноско-Боровский – ученик знаменитого петербургского шахматиста Михаила Чигорина. В 1903 году в возрасте 19 лет стал победителем турнира сильнейших петербургских шахматистов. В 1906-ом получил звание мастера на Нюрнбергском турнире, в том же году он – победитель чемпионата Петербурга. Между прочим, Евгений Александрович – единственный российский шахматист, который выиграл партию у Капабланки во время его гастролей в Россию в 1913 году. «Это было, – писал Капабланка, – мое первое поражение после того, как я выиграл около тридцати серьезных партий, частью в турнирах, частью в гастрольных выступлениях»¹. Позднее в Париже они часто встречаются. Высоко ценил Зноско-Боровского как шахматиста и Владимир Набоков, который посвятил ему одну из своих шахматных задач, и ещё Евгений Александрович – один из возможных прототипов героя романа «Защита Лужина». Отдавал должное мудрости и дальновидности Зноско-Боровского и Александр Алехин, их связывала многолетняя дружба, закрепленная не только совместными партиями, но и статьями, репортажами. Вышла книга Зноско-Боровского о карьере Алехина, непобежденного чемпиона мира. Евгений Александрович – автор нескольких книг, и не только на шахматную тему. По оценке литературоведов: автор строит свое произведение, статья ли это, или глава в книге, как шахматную партию, он играет сам с собой, попеременно – за и против, но в конце – обязательно ставит мат!

Куприн писал в 1931 году: «Мне всегда казалось, когда я читал статьи Зноско-Боровского,

1. Касабланка Х.Р. Моя шахматная карьера / Пер. с англ. В.И. Нейштадта. – М., 1926, с.95

2. Журнал «Иллюстрированная Россия». Париж, 1931, №47, с. 18

что в нём когда-то много лет тому назад погиб правдивейший и тончайший беллетрист-психолог»². Что касается литературного творчества, в наследии Евгения Александровича не сохранились его художественные произведения, но сегодня известны его пьесы. Одна из них, - «Крейсер Алмаз (Цусима)», вышла в 1909 году. В основе ее – эпизод из истории русско-японской войны, тема её – трагичное ожидание исхода морского сражения, ожидание гибели. Это первое драматическое произведение написано не без влияния Мейерхольда, с которым Зноско-Боровский в этот период дружит. Критика отмечала в пьесе изобразительные особенности бытовых сцен, но создать драму, символизирующую целую эпоху, у молодого автора не хватило сил. Пьеса никогда не была поставлена, поскольку была запрещена цензурой. Гораздо более зрелое произведение – пьеса-гротеск, пьеса-стилизация на тему старинного театра «Обращённый принц, или Любовь побеждает всё». Именно она привела Зноско-Боровского к театру и в театр, определила всю его дальнейшую судьбу, и личную, и творческую. Через 100 лет современный поисковик на запрос о нем выдаст фразу: «Историк и теоретик театра».

В ноябре 1910 года было создано «Товарищество актеров, поэтов, художников и музыкантов Дома Интермедии». В одну из программ вошла постановка пьесы Зноско-Боровского, и сам он был принят в члены Товарищества. Причем его участие было важно не только как автора, но и как деятельного и опытного организатора. В Доме интермедий на Галерной улице 3 декабря 1910 года первый и единственный сезон открылся премьерным показом пьесы Зноско-Боровского «Обращенный принц». Это была комедия в трех действиях и шестнадцати картинах. В это же время Мейерхольд публикует список авторов передового «Нового» театра, куда включает Зноско-Боровского наряду с Блоком, Кузминым, Андреем Белым, Ремизовым, Вячеславом Ивановым. Публикует он и список так называемых авторов-декадентов с их «беспочвенной условностью» - Леонид Андреев, Брюсов, Бальмонт. Вот уж неплохая компания для начинающего драматурга.

Влияние Мейерхольда на Зноско-Боровского было очень сильным во многих отношениях. Евгений Александрович начал серьезно изучать театр, думать и писать о нём. Плодом его размышлений стало серьезное исследование «Русский театр начала 20 века». Книга вышла в 1925 году, но и до сих пор не потеряла своего значения, её переиздали совсем недавно, в 2014 году³. Зноско-Боровский ещё увидит спектакль Мейерхольда «Ревизор» в Париже и напишет о нем, но творческого контакта между ними больше не будет.

Евгений Александрович зачастил в Терийоки в 1912 году, куда привлекала его «какая-то терийокская красавица», о чем с ревностью пишет в своем дневнике Михаил Кузмин. Мария Васильевна Филаретова, по мужу Багрова, была хороша собой и играла на сцене театра Мейерхольда.

Сергей Судейкин. Эскиз костюма к пьесе Евгения Зноско-Боровского «Обращённый принц» в постановке Всеволода Мейерхольда 1910 год

3. Зноско-Боровский, Евгений Александрович (1884-1954). Русский театр начала XX века [[Текст]] / Е. А. Зноско-Боровский; [подгот. текста и примеч. А. В. Заславская и В. О. Семеновский]. - Москва: Навона, 2014.

Мы не знаем, как она выглядела, только есть свидетельство Евгения Эпафродитовича Картавцова, что её образ схож с молодой Марией Всеволодовной Крестовской. Осип Мандельштам напишет, что биография разночинца – это список прочитанных им книг, а биография актера – перечень сыгранных им ролей. Но мы не знаем, какие роли играла Мария Васильевна, какое было у нее актёрское дарование. Знаем, что она составила счастье Зноско-Боровского и подарила ему сына. Молодые люди стали жить вместе в 1912 году, жили они в Ваммельсуо, в имении Мариоки. Мария Васильевна позировала скульптору Всеволоду Лишеву для надгробного памятника Марии Крестовской. Памятник получился удачный, а семья Зноско-Боровских приобрела здесь и ещё кое-что важное. Молодую пару очень полюбил вдовец Картавцов, в их лице он приобрел нежных детей и преданных друзей, а потом и внука. Известно, что свои внуки у Картавцова были, дети Всеволода Крестовского и его жены Марты Хаартман. Но внутрисемейные отношения складывались очень непросто, и Марта препятствовала общению своих детей с дедом. Картавцов пишет об этом в письме к Анатолию Федоровичу Кони. В Мариоках в 1912 году рождается сын Зноско-Боровских Кирилл. Картавцов воссоединится с семьей Зноско-Боровских в 1920 году в Париже, чтобы никогда не расставаться. В этой семье, живущей трудно и скудно, он проведет остаток своей жизни, стареющий, слепнувший, потерявший большую часть своих, немалых в России, средств. Кирилл станет авиатором, активным деятелем Коммунистической партии Франции, писателем (под псевдонимом Эдмон Кари).

Но вернемся в Петербург начала прошлого века. В 10-е годы Евгений Александрович Зноско-Боровский – это секретарь журнала «Аполлон», галлизированный денди, завсегда да «Бродячей собаки». Зноско-Боровский поступил секретарем в «Аполлон» с самого его основания, весной 1909 года. В конце лета – начале осени редактор Маковский довольно продолжительное время болел, да и вообще был не любитель заниматься текучкой, и фактически его обязанности исполнял Евгений Александрович. Ему было 25 лет, но выглядел он чрезвычайно молодо, хотя и распоряжался довольно энергично доверенным ему «хозяйством», что дало повод Дмитрию Философому ревниво заметить (круг мирискусников был в некоторой оппозиции к «Аполлону»): «Какая же это редакция, где Гумилёв, Кузмин, юнкера, барышни и секретарь 15 лет»⁴. Но к своим 25 годам Зноско-Боровский уже был сложившейся личностью. Он был человеком очень деятельным, в сложнейших условиях существования литературно-художественного журнала не было цены его организационным способностям, творческому рвению, абсолютной человеческой порядочности. Какие бы громкие имена ни приходили нам на ум при упоминании журнала «Аполлон», без Зноско-Боровского (имя которого известно сейчас только узкому кругу специалистов) «лицо» журнала было бы иным. Вот что писал о Зноско-Боровском этого периода литератор Георгий Чулков: «Секретарем журнала был очень приятный и любезный человек, Е.А. Зноско-Боровский, известный шахматист, теоретик-обозреватель шахматной литературы. Кроме того, он превосходно говорил по-французски, а в самом журнале «Аполлон» чрезвычайно ценилось знание английского и французского языка и умение блеснуть начитанностью в области новейших западных литератур. В «Аполлоне» был культ дэндизма. Ближайшие сотрудники щеголяли особого рода аристократизмом, что иногда становилось смешным и внушало подозрение в его подлинности»⁵. Ему вторит Сергей Ауслендер: «Не помню, писал ли тебе об открытии «Аполлона». Было мало писателей, но много молодых людей, шикарно одетых»⁶. И уж к слову о внешности: «Немудрено, что некоторые «Фигаро», зарабатывающие не хуже модного врача, имеют даже собственные выезды. Это настоящие академики парикмахерского искусства. Никто не сумеет так точно выбрить бритвой на голове, точно на середине, узкую полоску в миллиметр шириной для безукоризненного английского пробора, закрасить в нужный тон седые волосы, подбрить кожу выше верхней губы для «американских» усиков или «сделать лицо на бал». Дело в том, что в 1911-1914-х годах появилась декадентская

4. Кузмин М.А. Дневник 1908 – 1915. СПб, 2009, с.172

5. Чулков Г. Годы странствий. М., 1999, с.428

6. Кузмин М.А. Дневник 1908 – 1915. СПб, 2009, с.625-626

мода на “утомленное лицо”. Человек со здоровым румянцем считался вульгарным, неутонченным, не искусственным приманками жизни. Наоборот, желтое утомленное лицо с темными кругами под глазами и как бы со следами порочной греховности считалось принадлежащим утонченной личности»⁷. Немудрено, что в этой обстановке возникла одна из самых громких литературных мистификаций – Черубина де Габриак.

Для сравнения приведу воспоминания Анны Ахматовой. Они познакомились в 1910 году, после ее замужества. Ахматова отмечает: «Зноско (так его именовали друзья) в своем роде замечательный человек «маленький, розовенький, курносенький. Николай Степанович (Гумилев) любил его»⁸.

Сам Зноско-Боровский называл воздух раннего «Аполлона» лицейским. Помимо чисто секретарских обязанностей он вел в журнале рубрику театральных рецензий, журнальное обозрение, хронику литературной жизни. Евгений Александрович примыкал по своим эстетическим симпатиям и воззрениям к кружку Кузмина – Гумилёва как раз в период их противопоставления себя мэтрам символизма: Мережковскому, Гиппиус, Брюсову, Блоку, Белому. Этот кружок начал распадаться около 1912 года с появлением «Цеха поэтов». Зноско-Боровский уходит в этот период из «Аполлона», сильнее разворачивается к театру. Между прочим, именно Зноско-Боровскому писал открытки из своего первого африканского путешествия Николай Гумилев. На Карельском перешейке он пытается найти общий язык со своим будущим соседом по Чёрной речке Леонидом Андреевым, начинает сотрудничать с альманахом «Шиповник», где тот был не только постоянным автором, но и принимал участие в редактировании. Коль скоро речь зашла о Черубине: в нашумевшей дуэли между Гумилевым и Волошиным Зноско-Боровский был секундантом Гумилева, именно он метался по Петербургу в поисках дуэльных аутентичных пистолетов времен Пушкина. Это ли не театр?

Вот еще одна характерная ситуация, которая показывает нам рафинированного интеллигента, утонченного ценителя прекрасного – с другой стороны. В 1914 году Зноско-Боровский уходит добровольцем на фронт в первые недели войны. Конечно, учётом патриотический угар, шапкозакидательство, всеобщую мобилизацию, но сколько народу, в том числе и среди друзей, искало теплых безопасных мест, вовсе не намереваясь воевать и тем более умирать «за веру, царя и Отечество». Так, в первые дни, ушел вольноопределяющимся на войну Гумилев и, пожалуй, больше никого из знаковых имен Серебряного века и не назовешь сходу. И если добровольный уход на русско-японскую войну можно списать на романтический порыв молодого человека, выпускника Лицея, то через 10 лет Зноско-Боровскому было 30, он имел семью, двухлетнего сына, обязательства, однако отправился в ряды действующей армии. К слову, еще через 30 лет, в 1944 году в возрасте 60 лет он вступит в ряды французского Сопротивления. Это не случайность. Это характер. И судьба. Воевал в пехотном полку, через месяц был ранен, лечился в госпитале. Михаил Кузмин вспоминает, как Кира (сын) говорил: «Война кончится – папа побреется»⁹. Видно, такой был дан зарок. Любопытно было бы посмотреть на Евгения Александровича с окладистой бородой!

В 1920 году Зноско-Боровскому исполнилось 36 лет. Позади было бегство из России вместе с семьей. Евгений Эпафродитович Картавцов так описывает в письме своему другу Анатолию Федоровичу Кони события 1918 – 1920 годов: «Зноско-Боровским пришлось бежать из Нальчика бросив все вещи. Три недели были они в пути, пришлось подыматься в горы, на высоту 8 с половиной тысяч футов, и это в ноябре, а раз Кира, которому было 6 лет, пешком прошел 16 верст в один день. Они добрались до Ростова. {...} Я узнал, что Зноско-Боровские на {...} одном из островов близ Константинополя {...} и без гроша денег. Оказалось, что когда они бежали от большевиков и добрались до Новороссийска почти без средств, их спасло наше отделение (банка – при меч.). Там у меня было 60 000 на текущем счету. Управляющий сказал им – придут большевики

7. Григорьев М.А. Петербург 1910-х годов: Прогулки в прошлое. СПб., 2005, с. 204–205

8. Цит. по: Лукицкий П. Встречи с Анной Ахматовой. Т. 2 1926–1927. М., 1997, с. 25

9. Михаил Александрович Кузмин. Дневник 1934 года /Сост., подг. текста, вступ. статья, коммент. Г.А. Морева. – СПб, 1998, с. 43

и все заберут, берите, что хотите. {...} взяли 25 000, что спасло их от голода, а Марии Васильевне сохранило жизнь, т.к. она жестоко заболела и три недели лежала при 40-41 градусах температуры, а доктор брал 800 рублей за визит. С большим трудом я добыл визы {...}, Зноско-Боровские ими воспользовались и 5-го июня 1920 года приехали в Париж»¹⁰. И так, Евгению Александровичу было 36 лет, и жизнь, по сути, начиналась заново.

Он прожил еще 34 года и продолжал писать. Печатался в эмигрантских газетах и журналах по-русски и во французской прессе – по-французски. Вел шахматные, литературные, театральные разделы. Анализировал творчество Ахматовой, Волошина и Блока, писал о современных парижских поэтах. Им написано несколько книг по теории и практике шахматной игры и фундаментальное исследование о русском театре. Он редактировал журнал «Театр и искусство», оппонировал Цветаевой на ее публичных выступлениях. Одним из первых начал заниматься кинокритикой или киноведением, как тогда говорили. Участвовал в организации русского шахматного кружка и русского литературного «Союза молодых писателей и поэтов», где читались неопубликованные стихи и проза, делались доклады, ведь цель группы: «... вновь собрать силы, рассеянные по свету в изгнании». И он не жил прошлым, он жил настоящим. «Как ни прекрасно прошлое, не сожалением о нём мы будем живы в будущем»¹², – его жизненное кредо.

Мы сейчас с вами живём на той земле (буквально), где ходил, думал, был счастлив и огорчался Евгений Александрович Зноско-Боровский. В его жизни и деятельности ещё много «белых пятен», и все они ждут новых исследований.

Автор выражает благодарность Нине Васильевне Григорьевой за поддержку и предоставленные архивные материалы.

10. Архив Музея политической истории. Санкт-Петербург, Гороховая, 2. Фонд А.Ф.Кони. Переписка.
11. Не-Буква (Василевский И.) Рец. Беженская поэзия// Последние новости, 1921, 26 августа
12. Зноско-Боровский Е.А. Русский театр начала XX века. М., 2014, с.43

ГАНУСИНЕЦ Олег Владимирович,
заведующий библиотекой пос. Александровская
ФЕДОРОВ Виктор Михайлович,
краевед

КАЗАЧЬЯ ВОЛЬНИЦА НА РАЗЛИВЕ

Последние восемь лет российский президент каждый год посвящает той или иной актуальной сфере для привлечения к ней общественного внимания. 2014 год был объявлен годом культуры, следующий – годом литературы, а 2016 год указом президента В.В. Путина под № 503 от 7 октября 2015 года стал годом российского кино. Главной задачей текущего кинематографического года является популяризация и повышение качества отечественного киноискусства.

В год российского кино нельзя было не вспомнить о том факте, что первый художественный фильм России «Понизовая вольница» (Стенька Разин и княжна) снимался в окрестностях Сестрорецка, а именно на озере Разлив. Он был снят в 1908 году режиссером Владимиром Ромашковым и выпущен торговым домом «А. Дранков и К°».

Кинематограф в Россию пришел в 1896 году. Уже через 4 месяца после первых парижских киносеансов, 4 (16) мая 1896 года в театре петербургского сада «Аквариум» публике были показаны несколько фильмов «Синематографа Люмьер». Вплоть до 1908 года вклад российских предпринимателей в кинематограф ограничивался прокатом импортных фильмов и эпизодическими съёмками документальных короткометражных лент (обычно для местного показа). Зарубежные производители в течение долгого времени удерживали монополию на производство киноаппаратуры и фильмов, ограничивали их экспорт в Россию и принимали для проката только работы собственных операторов.

В разных городах России нашлись инициативные люди, рискнувшие вложить силы и деньги в новое неизведанное дело, купив зарубежные фильмы и проекционные аппараты, они гастролировали по всей стране. На значительной ее территории отсутствовало электричество, поэтому приходилось возить с собой двигатели и динамо-машины, которые кочевали по суше и воде. Приволжские города, например, обслуживались специальными «баржами-кинематографами». Впрочем, повсеместно стали возникать и стационарные кинотеатры, называвшиеся тогда чаще всего «иллюзионами». Одним из первых на неизведанную стезю смело ступил предприимчивый фотограф Александр Дранков.

Дранков поначалу занимался фотографией в родном Севастополе. Затем, перебравшись в Петербург, он открыл собственное фотоателье. Человек исключительной энергии, работоспособности и честолюбия, Дранков использовал все возможности, чтобы стать первым в своем деле: из Лондона он привез новейшую электроосветительную аппаратуру и неизвестную до того в России зеркальную камеру, позволявшую делать моментальные снимки. Фотографии, сделанные Дранковым, печатались в отечественных,

Дранков А.О.

ст. Померань Николаевской ж.д.), спортивную («Фигурное катание на коньках в СПб известного конькобежца Панина», «Парфорсная охота»), культурную («День 80-летия гр. Л. Н. Толстого»).

Но зрителям мало было одной лишь отечественной хроники. Они уже имели представление об игровом кино и хотели видеть отечественные художественные фильмы. Им предлагались французские ленты «Арлезианка», «Убийство герцога Гиза», «Молниеносная любовь» в исполнении артистов «КомедиФрансез». И зрители уже знали, что сочиненное и разыгранное действие способно стать не менее, если не более, увлекательным, чем любая хроника, даже великосветская. Поняв это, обладавший хваткой делового человека, Дранков принимается за производство художественных картин. Летом 1908 года он взял напрокат партию театральных боярских костюмов, нанял труппу актеров из Петербургского народного дома и вывез все это богатство на озеро Разлив рядом с г. Сестрорецком. Именно здесь, под Сестрорецком, Дранков снял шесть сцен-кадров, из которых и был составлен фильм «Понизовая вольница». «Историческая былина» состояла из шести немых картин, снятых на озере Разлив в популярном тогда жанре «фильм д'ар», — с ряженой массовой, клееными бородами, подчеркнутой артикуляцией. Осенью 1908 года он объявляет в прессе о том, что фабрика (обратим внимание - уже не ателье, а фабрика!) А.О. Дранкова в ближайшее время собирается выпустить «Понизовую вольницу (Стенька Разин)», снятую при участии около 150 человек - массовки и артистов драматической труппы Петербургского народного дома в исторических костюмах и с соответствующими историческими аксессуарами. Главную роль казачьего атамана сыграл известный русский трагик, актер драматической группы Петербургского народного дома - Евгений Алексеевич Петров-Краевский. Величественный Петров-Краевский блистал в классическом театральном репертуаре: король Филипп («Дон Карлос») и Карл («Разбойники»), Несчастливцев («Лес») и Иван Грозный («Василиса Мелентьевна»). Его прекрасное лицо стало первым мужским образом русского кино и, конечно, украсило картину «Стенька Разин».

15 (28) октября 1908 года «Первая русская историческая кинематографическая картина «Стенька Разин» (жизнь «Понизовой вольницы»)» была одновременно показана

а также английских и французских журналах. Он получил звание «поставщика двора Его Величества», а в 1905 году в возрасте 25 лет стал думским фоторепортером.

В Париже Дранков познакомился с кинопроизводством и осенью 1907 года открыл первое в России кинематографическое ателье. В объявлении, опубликованном в газетах и журналах, владелец ателье предлагал следующее: «Выделка лент для синематографов. Сюжеты злободневные! События России и окраин! Виды городов и деревень! Каждую неделю новые сюжеты! По желанию снимки могут быть сделаны и в других городах».

Каждую неделю в течение года Дранков, как и обещал, выпускал на экраны новые киносюжеты: хронику светскую («Свидание монархов в Ревеле», «Прибытие шведского короля в Россию», «Свадьба у князя Трубецкого»), повседневную («Пожар в Петербурге», «Крушение на

публике в Москве и Санкт-Петербурге. В Петербурге премьера прошла в кинотеатре «Колизей». Театр «Колизей» благодаря своему огромному экрану (самый большой в России) и прекрасной аранжировке смог блестяще представить эту картину. Не оставившись ни перед какими затратами, был специально приглашен хор певчих, которые исполнили «Вниз по матушке по Волге» и «Из-за острова на стрежень». Успех был грандиозный. В газетах печатались восторженные отзывы. «Вестник кинематографов» от 25 октября 1908 года сообщал: «Из новинок за прошлую неделю отметим картину «Стенька Разин». В техническом отношении она исполнена прекрасно. Видно, что г-н Дранков в совершенстве постиг дело фотографирования, жаль только, что лента коротка — сюжета хватило бы на несколько сот метров. Прекрасно снят вид на Волгу и флотилия лодок с разбойниками; очень интересна картина в лесу, а также и последний момент, когда Стенька бросает княжну в Волгу». Провинциальные прокатчики засыпали Дранкова заказами. Семиминутную ленту (224 метра) Ателье А. Дранкова продавало за 120 рублей, ее раскрашенная копия («вираж») стоила на четыре рубля дороже.

Дранков в рекламации к фильму писал: «Затратив громадные средства и массу труда и времени, я приложил все усилия к тому, чтобы настоящая картина, как в техническом выполнении, так и в самой обстановке пьесы и её исполнителей, стояла на том высоком уровне, какой подобает ленте, делающей эру в нашем кинематографическом репертуаре».

Сам фильм был экранизацией фрагмента пьесы («исторической былины») Василия Гончарова «Понизовая вольница», написанной по мотивам сюжета известной песни Д. Садовникова «Из-за острова на стрежень».

Современным зрителям, привыкшим к кино с детства, знакомым с цветным изображением, изощренным визуальными построениями, трудно, вероятно, будет понять, что именно привлекало их далеких предшественников в этой черно-белой, немой ленте, демонстрация которой длится менее чем десять минут. Наивной может им показаться и история о том, как Стенька Разин, поверив наветам своих приближенных, утопил в Волге невинную персидскую княжну. И уж совсем примитивной сегодняшнему зрителю покажется игра артистов. Они отчаянно жестикулируют, широко размахивают руками, тарашат глаза и открывают рты, пытаясь подчеркнуто резкими телодвижениями и чудовищной мимикой восполнить отсутствие звучащего слова, немому экрану.

Финал, в котором «могучий» Разин поднимает довольно увесистую княжну над головой и бросает её из челна в воду, снят «спецэффектом» — монтажная склейка скрывает момент, когда актрису подменяют манекеном. При съемках фильма впервые в мировой кинопрактике был применен «наезд» камеры. Камера «наехала» на Стеньку, ревнующего княжну к придуманному Гончаровым принцу Гасану. Александр Дранков был новатор-первопроходец во всем, он также придумал новый вид кинорекламы — выпустил открытки с кадрами из своих фильмов и поместил сцены из фильмов на афишах, чего до него не делал никто в мире.

Постараемся представить себе тогдашний киносеанс. Прежде всего, он не был совершенно беззвучным, действие на экране разворачивалось под музыку, исполняемую в зале. Кинотеатры тогда различались уровнем комфорта, предоставляемого посетителям, а также числом и мастерством музыкантов-исполнителей: это могли быть камерные ансамбли, струнные, духовые и даже симфонические оркестры, хор певцов, тапер-одиночка, импровизирующий на рояле или пианино, гармонист или даже ансамбль рожечников. Зависело все от обустроенности кинотеатра, места его расположения (в центре или на окраине), а также цены билета.

Для «Понизовой вольницы» по заказу Дранкова была написана специальная музыка. Ее сочинил директор Московской консерватории, известный композитор Михаил

Ипполитов-Иванов. Это была увертюра, предполагавшая дальнейшее, по ходу фильма, исполнение песни «Вниз по матушке по Волге».

Воздействие же на публику самой песни во время демонстрации фильма «Понизовая вольница» Дранков спрогнозировал абсолютно точно. В специальном циркуляре, который он заранее разослал прокатчикам еще до выхода фильма на экраны, Дранков писал: «По преданию всем нам знакомая и родная песня «Вниз по матушке по Волге» сложена товарищами Стеньки Разина. Прошло с той поры два столетия, и эта песня стала народной и тесно связалась с именем волжского ушкуйника. Песню эту знает всякий русский человек, ее поют в концертах, бомонде и в бедной семье крестьянина».

Дранков оказался прав! Любая аудитория в любом кинотеатре мгновенно откликнулась на мелодию песни, а то и подхватывала ее, подпевая на протяжении демонстрации всего фильма.

Национальное происхождение фильма, глубокая внутренняя родственность музыки и душевного настроения зрителей, узнаваемость разворачивающейся на экране истории предопределили его успех.

Вспомним, с чего начинал художественный кинематограф в других странах. Во Франции - с комедии «Политый поливальщик», феерий и комических сцен Ж. Мельеса. В Америке, ставшей на столетие лидером в кинопроизводстве, в изобретении технических новинок, - с «Большого ограбления поезда» Э. Портера. В Италии - с грандиозных исторических постановок типа «Последние дни Помпеи» Амброзио.

Экранное искусство, уже при рождении своем обращенное к огромной аудитории, сразу же и в каждой стране обнаруживало

Кадры из фильма «Понизовая вольница»

Кинотеатр «Прожектор»

тягу к самой характерной для нее традиции низовой, массовой культуры, связанной в свою очередь с психологическими особенностями национального характера.

Россия не стала исключением. Редкостная интуиция Дранкова подсказала ему, что, снимая отечественный фильм, не следует подражать никакой из существовавших зарубежных кинематографий, а надо найти что-то свое, соответствующее ожиданиям именно российской публики, созвучное по сюжету и музыке ее менталитету.

Чувства героев, которые актерам не удалось выразить или воплощение которых не мог с общего плана на экране усмотреть зритель, авторы поясняли в надписях вроде: «Ревность заговорила». В коротенькой «Понизовой вольнице» было десять надписей, запечатлевших реплики персонажей или прокомментировавших те моменты сюжета, которые могли остаться непонятными тем, кто смотрит фильм. Некоторые титры были настолько длинными, что не укладывались в один кадр, их приходилось продлевать в следующем, понуждая публику к длительному чтению текста. Однако зрителей это не смущало, как, впрочем, и многое другое. Фильм приводил их в восторг, потому что был своим, родным, отечественным.

С этого фильма, во время демонстрации которого люди в зале пели, читали, зачестую вслух и громко, титры и наслаждались развертыванием на экране хорошо известной им фабулы, началась история русского кино. Он был первым и, невзирая ни на какие просчеты и наивность его создателей, всегда будет вызывать к себе интерес. А нам, жителям Курортного района, приятно осознавать, что окрестности Сестрорецка были навсегда запечатлены в первом отечественном игровом фильме «Понизовая вольница». Впоследствии Сестрорецк и его уникальная природа не раз были использованы для съемок кинофильмов. Это и «Семь невест ефрейтора Збруева», «Тарас Бульба», «Восьмерка», «Духов день», «Синяя тетрадь» и многие другие, а перечис-

Озеро Разлив

ление сериалов, которые также снимались в наших краях, займет не одну страницу. Вглядываясь в кадры фильма, пытаешься угадать, в каком именно месте снимались эти сцены? Конечно, с момента съемок прошло уже больше 100 лет и конечно берега нашего любимого озера изменились. Но почему-то, кажется, что это может быть район пляжа «Белая Гора» или территория берега возле Шалаша В.И. Ленина.

Литература

«Три века Сестрорецка», Санкт-Петербург, Сестрорецк. – 2014.

ГАРАЕВА Раиса Николаевна,
ведущий библиотекарь краеведческого центра Курортного района,
руководитель краеведческого клуба «Сестроречанин»,
писатель

ДАЧНИКИ В СЕСТРОРЕЦКЕ

Илария Алексеевна Райкова

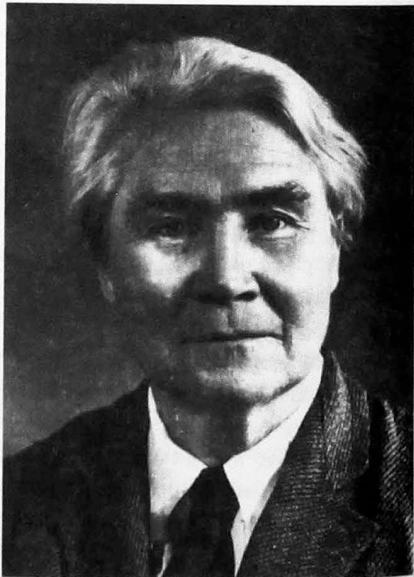
*Статья подготовлена по материалам воспоминаний
Кобловой Н.В., родственницы Райковой И.А.*

В пятом выпуске очерков по истории Сестрорецка «Курортный район. Страницы истории» был опубликован материал, рассказывающий об одном из интересных уроженцев Сестрорецка – Константине Константиновиче Федорове, который проживал по адресу Гагаринский переулок, дом 11. В настоящем сборнике хотелось бы рассказать о дачниках, которые жили в доме Константина Константиновича в течение 10 лет, начиная с 1956 года, а затем и вовсе стали членами его семьи.

Поиски дач в Сестрорецке – месте весьма престижном и пользовавшимся большим спросом, начинались еще задолго до дачного сезона, где-то в феврале-марте, но чаще всего люди рекомендовали друг друга хозяевам дач. Отставной полковник К.К. Федоров с супругой Екатериной Тимофеевной дачу не сдавали, сами жили в Сестрорецке круглый год. Летом их дом окружал замечательный сад, который привлекал внимание всех, кто проходил мимо этого дома. Особенно славилась коллекция георгинов, которые расцветали к середине лета, а до этого сад украшали нарциссы, тюльпаны, сирень, гортензии разных цветов, розы, флоксы и множество других садовых цветов.

Сначала мы просто здоровались друг с другом, потом разговорились, познакомились поближе, стали приглашать друг друга в гости, так прошел один сезон, а на следующий летний сезон 1956 года Федоровы уже пригласили нашу семью провести это лето в их доме. Была специально пристроена чудная солнечная веранда к той части дома, которую выделили для нас хозяева, и сооружена летняя кухня. Веранда выходила во внутреннюю часть сада.

Главой нашей своеобразной и многочисленной семьи была Илария Алексеевна Райкова (1896—1981) – выдающийся ботаник, известный исследователь Памира и деятельный участник сельскохозяйственного освоения его высокогорий, член-корреспондент АН Узбекской и

И.А. Райкова 1966 г.

Таджикской ССР, заслуженный деятель науки, почетный член Всесоюзного ботанического и Географического обществ, профессор Ташкентского государственного университета, кавалер многих правительственных наград и премий.

Особенно велики ее заслуги в исследовании природных условий и растительности Памира, которому она посвятила 40 лет. И.А. Райкова — один из основателей первого высокогорного биологического стационара (Памирской биологической станции), ботанического сада в Хороге; ею внесен большой вклад в организацию растениеводческого освоения холодной пустыни, в разработки по улучшению кормовой базы высокогорного животноводства. Она автор более 80 трудов по систематике, географии, селекции, морфологии и эмбриологии растений; собранный ею гербарий включает более 30000 листов.

Действительно, жизнь и деятельность И.А. Райковой — яркий пример преданного служения науке, целенаправленных поисков ее практического приложения. Она являлась участницей нескольких труднейших экспедиций на Памир, в результате которых возникло чрезвычайно интересное научное учреждение — Памирская биологическая станция.

За предшествующие полвека лишь две женщины — Ольга Александровна Федченко и Илария Алексеевна Райкова отважились на систематическое, многолетнее исследование высокогорных просторов «Крыши мира». О трудностях исследования Памира свидетельствуют записи в дневнике И.А. Райковой, Вот что она записала: «18 сентября 1923 г. Ночевка на Кокуйбельсу. Сильно похолодало, везде в ручьях лед, негде поить лошадей, подкормив ночью лошадей, приходится разбивать ледяную корку, идем к юго-западному углу Каракуля. К нам присоединились 4 красноармейца с почтой. Лошадей пасем вместе...

На гребень перевала Талдык пришли чуть начало светлеть небо. Спуск по знаменитым Талдыкским серпантинам запомнился на всю жизнь. Все шли спешившись, в полном безмолвии, ведя коней в поводу, уже видно — везде снег, чуть чернеет тропа на всех 33-х изгибах спуска... Где пешком, где верхом, добрались к 1 октября до г. Ош...».

Эта выдержка из дневника И.А. Райковой показывает, каким трудным и долгим был путь из центра Памира до Оша прежде. В настоящее время он занимает всего 5—6 часов.

Начиная с 1933 г. И.А. Райкова проводит 40 летних сезонов на Памире, в этой суровой горной стране. Ее памирские растениеводческие опыты начались при самом доброжелательном и заинтересованном участии академика Н.И. Вавилова. Часть собранных ею герба-

И.А.Райкова верхом на лошади 1922 г.
Памирская экспедиция

1915 г. И.А.Райкова в
экспедиционной одежде в Таласском
Алатау 1-ая экспедиция

риев хранится в Ботаническом институте им. В.Л. Комарова АН СССР в Петербурге.

И.А. Райкова была не только страстной путешественницей и исследовательницей Памира – в течение 60 лет она еще и преподаватель, а позднее профессор Ташкентского государственного университета. Совместно с П.А. Барановым, который впоследствии стал директором Ботанического института им. В.Л. Комарова АН СССР в Ленинграде, она – создатель Памирского ботанического сада в г. Хороге, который был и в настоящее время снова является одним из ведущих исследовательских учреждений такого типа. В стенах университета ею подготовлено целое поколение специалистов. Она руководила лабораторией, возглавляла кафедру морфологии и систематики, а позднее генетики и морфологии.

Доктор биологических наук В.М. Свешникова в своих воспоминаниях пишет, что Райкова была на редкость трудолюбивым человеком, ее отличали богатство природы, предельная скромность, душевная тонкость и теплота. У нее было множество друзей и несколько поколений учеников.

Из её биографии мы узнаем, что её мать – Раиса Карловна Дзэстрём – родилась в Петербурге в 1873 году в семье офицера-артиллериста, преподавателя военного училища Карла Дзэстрёма, шведа родом из южной Финляндии. К сожалению, её родители рано умерли, и они с сестрой остались на попечении их крестной матери – графини Надежды Николаевны Мордвиновой. Сохранились документы о том, что девушки сдали экзамены на звание домашней учительницы по окончании курса обучения в учительском классе Института благородных девиц принца Ольденбургского в 1889 году. Рассчитывать на блестящую партию не приходилось. Девиц представили выпускникам Духовной Академии, будущим священникам. Молодые люди, на которых они остановили свой выбор, были в дальнем родстве между собой. Один – Григорий Александрович Богословский – 8-й ребенок в семье приходского священника из села Максатиха, второй – Алексей Семенович Райков – 17-й ребенок в семье приходского священника из Боровичей.

В Средней Азии в то время находился корпус генерала Скобелева. Именно туда и получает назначение молодой священник Алексей Райков. Туркестан уже официально присоединен к Российской империи, необходимо обеспечить духовное попечение о людях, представляющих интересы империи, и Григорий Богословский тоже назначается в город Аулиэ-Ата (впоследствии – город Верный), где ему поручено построить храм и сформировать приход. Перед отъездом к месту будущей службы молодые священники должны обзавестись семьями. Итак,

*Родители Раиса Карловна Дзэстрем
и Алексей Семенович Райков*

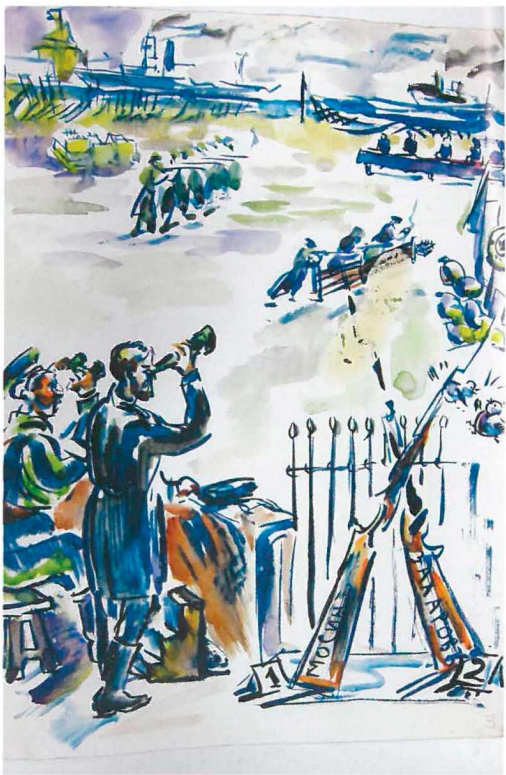
*Иларию с отцом
Алексеем Семеновичем*

КЛАУС
НАТАЛЬЯ

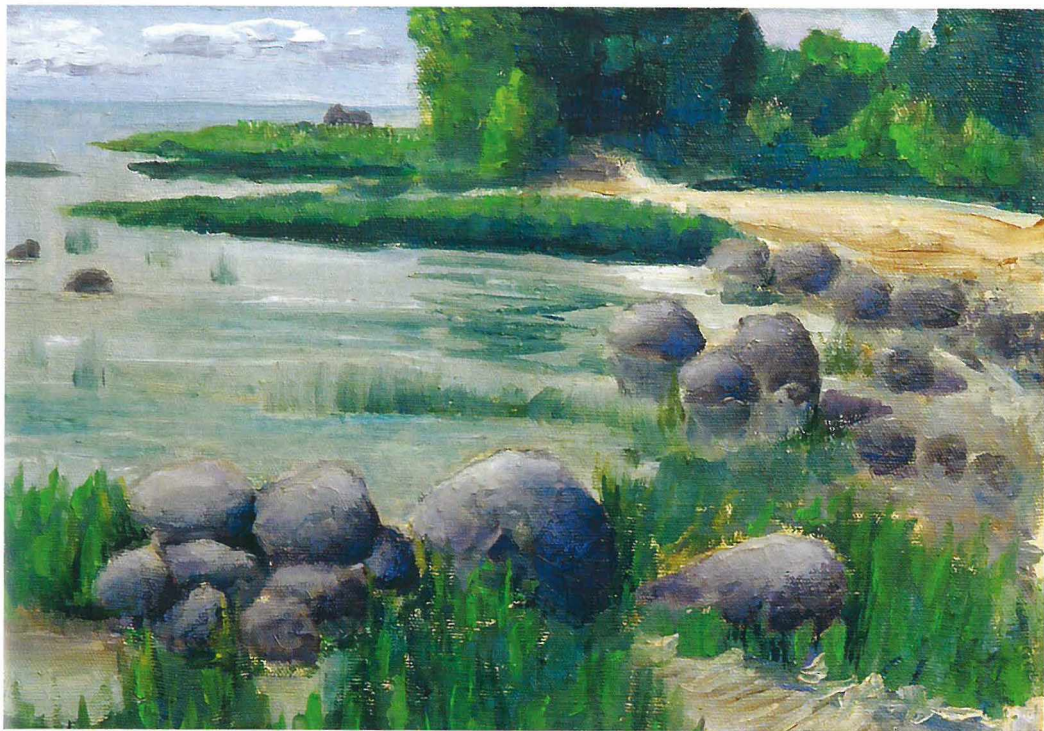
Эскизы
к раскадровке
фильма о
С.И. Мосине

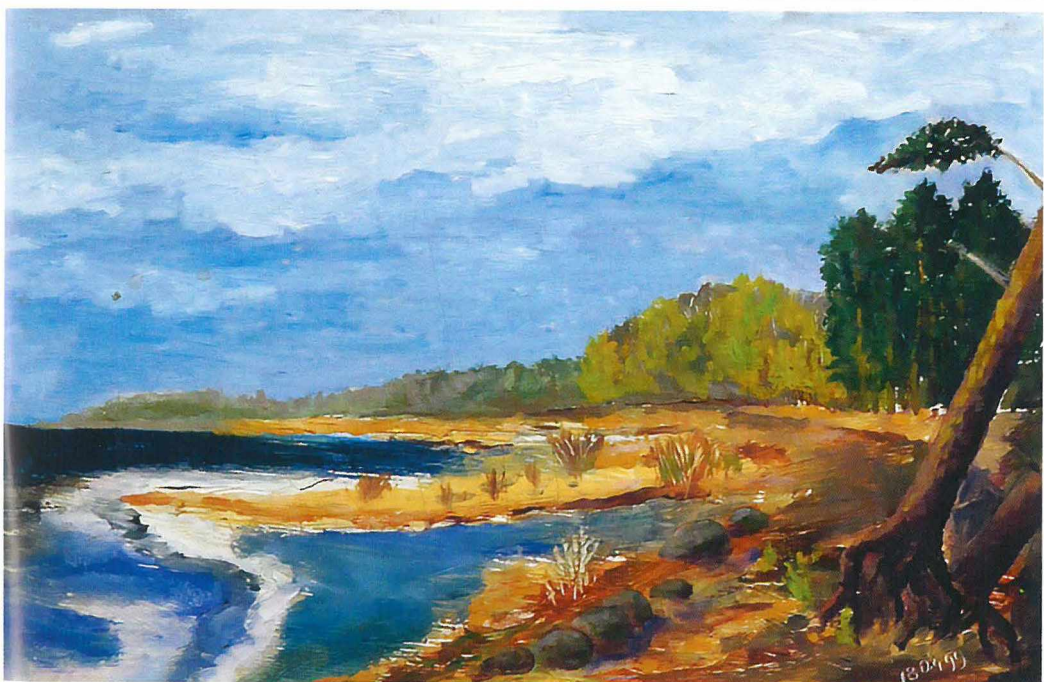
КЛАУС НАТАЛЬЯ
Эскизы к раскадровке
фильма о С.И. Мосине

ВАХИТОВ ИЛЬДУС АНАСОВИЧ

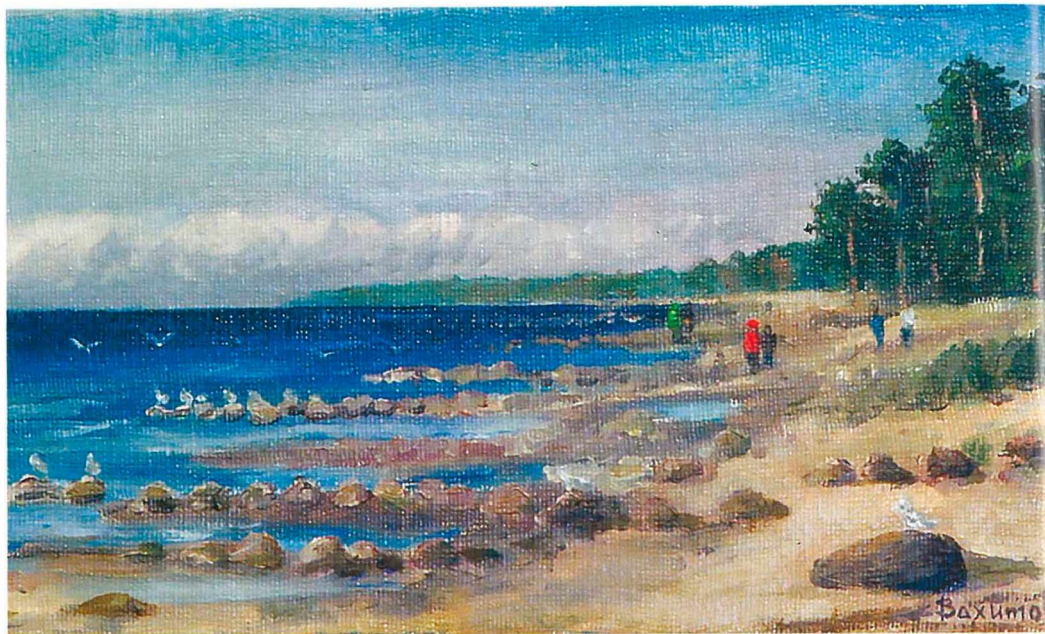

«Валуны залива» 32,5x42,5см. Холст/масло.2014г.

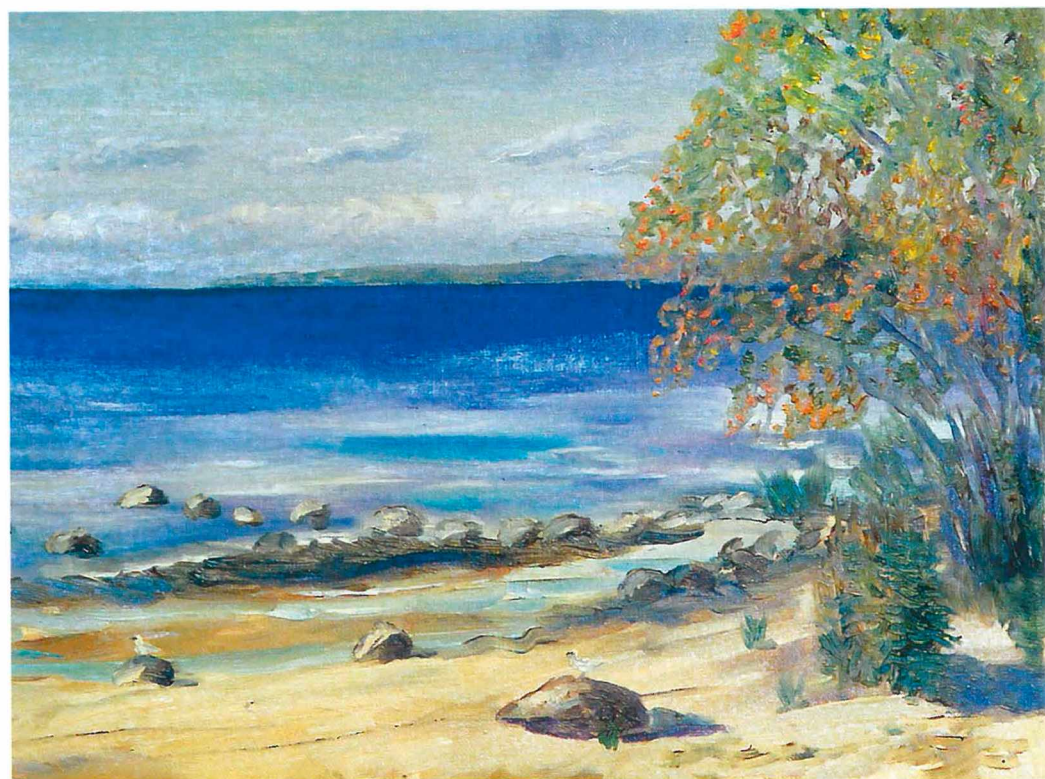

«На Финском заливе. Весна» 30x20см. Картон/масло. 1999г.

ВАХИТОВ ИЛЬДУС АНАСОВИЧ

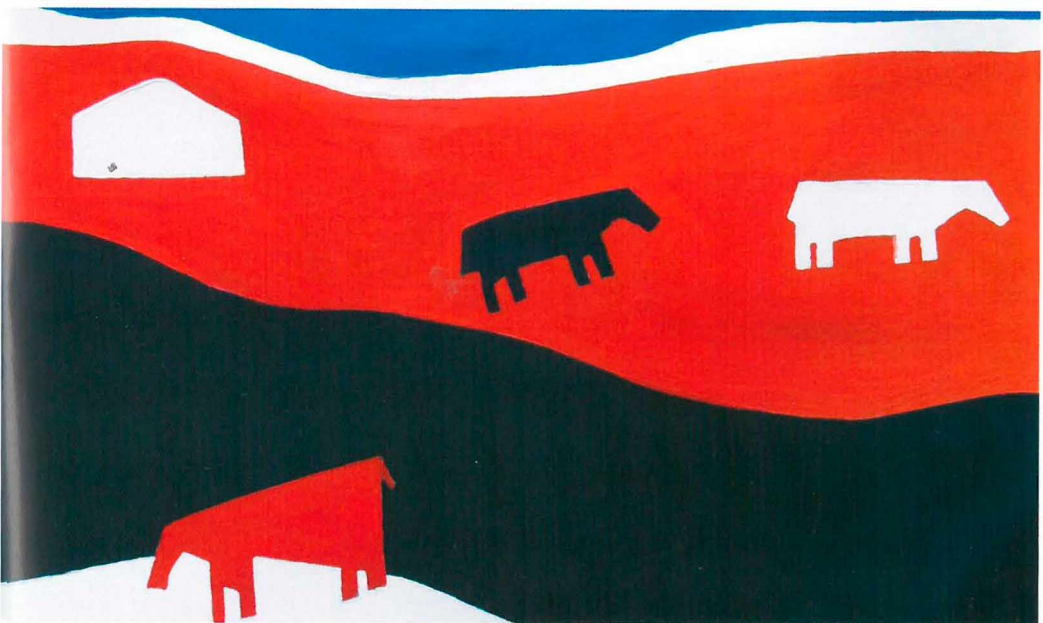
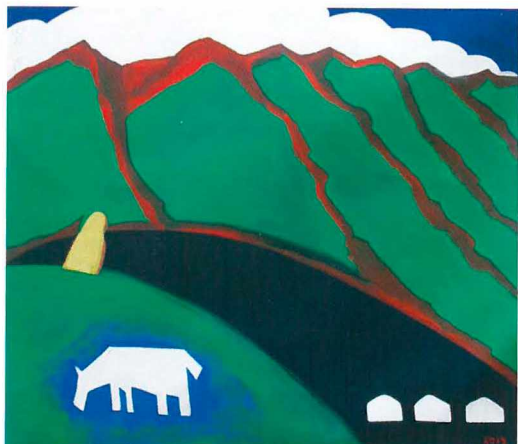

«Побережье залива» 20x40см. Холст/масло. 2015г.

«Финский залив» 30x70см. Холст/масло. 2015г.

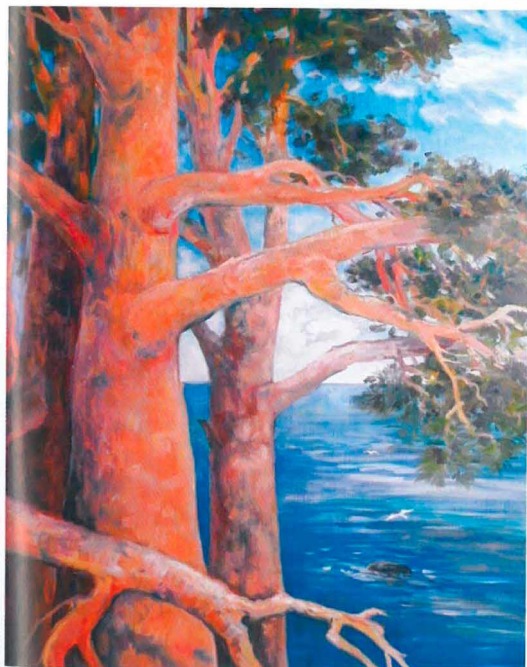
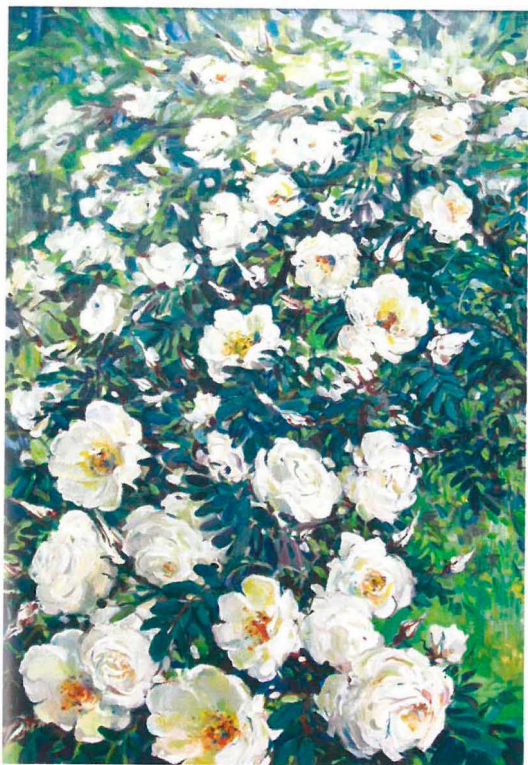
ВИЗИРЯКО АЛЕКСАНДР

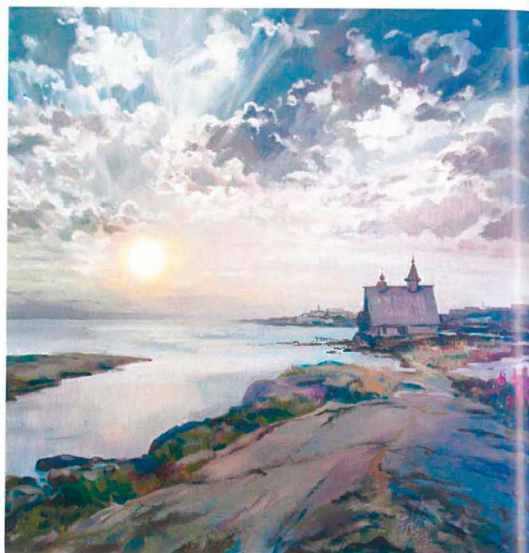
ДОРОНИНА
МАРИЯ

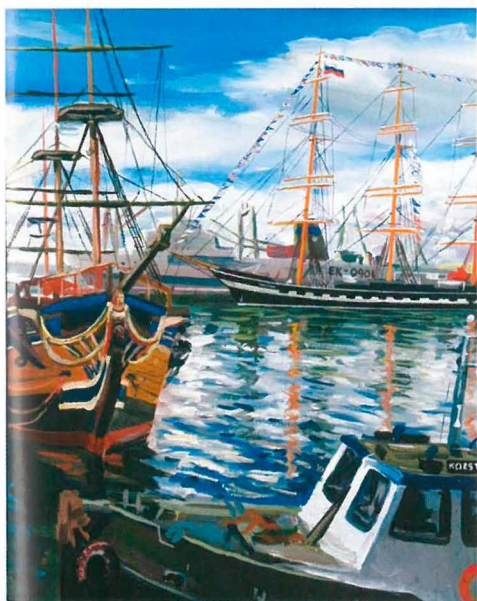
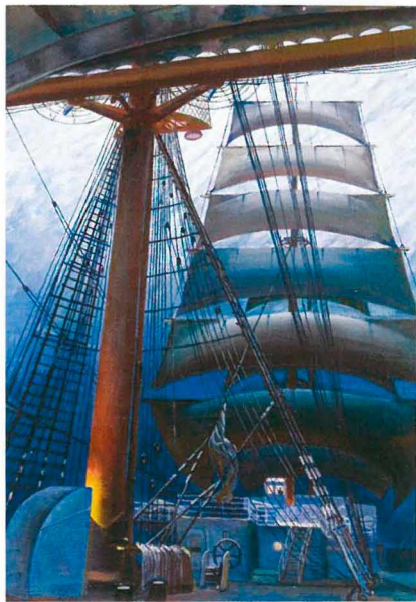
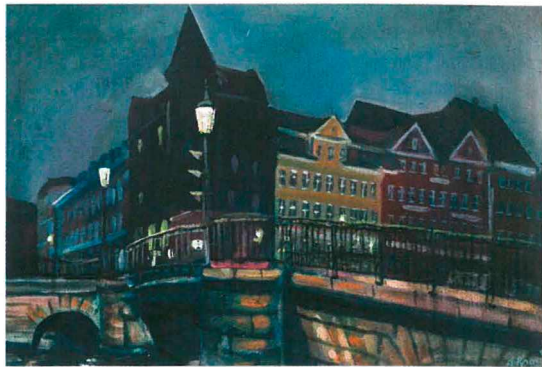
ДОРОНИНА
МАРИЯ

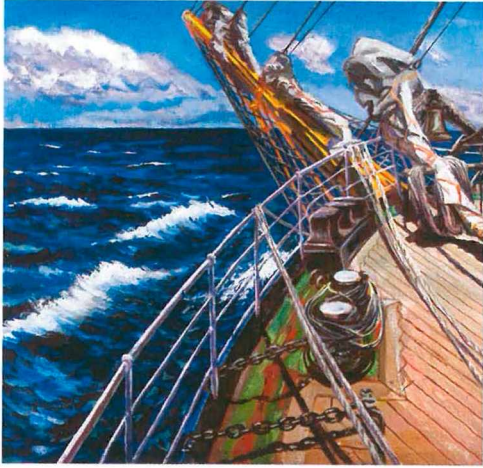

ДОРОНИНА
МАРИЯ

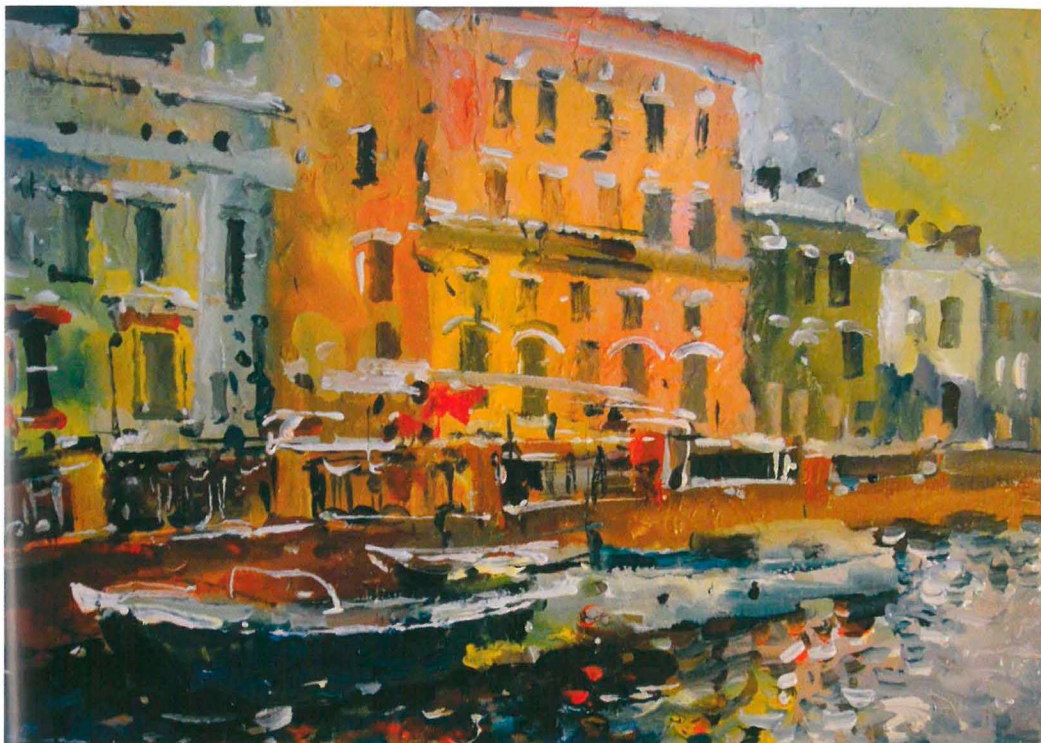

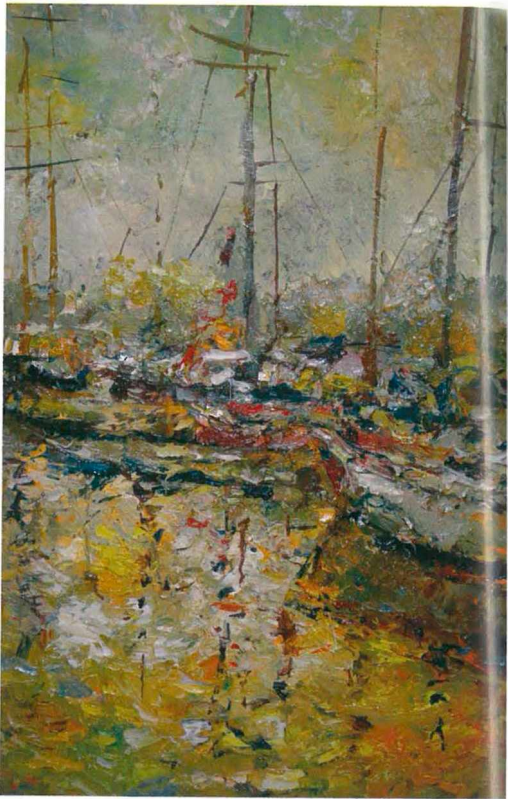
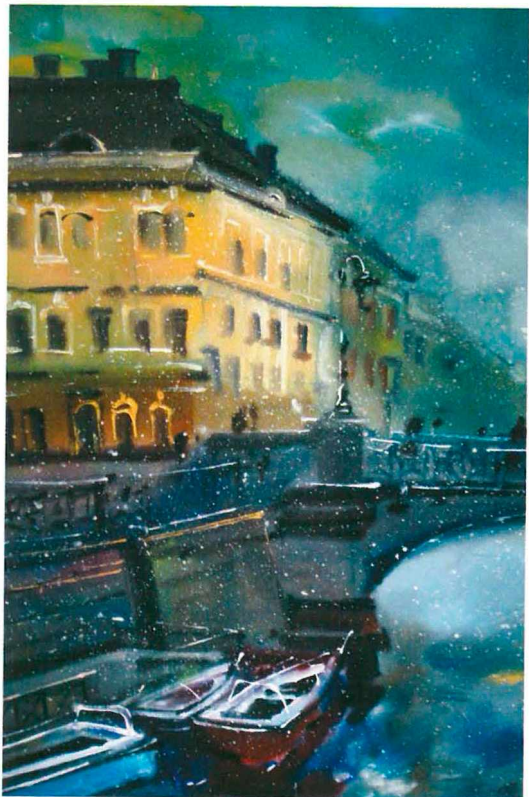
КРАСИЛЬЩИКОВ
АНДРЕЙ

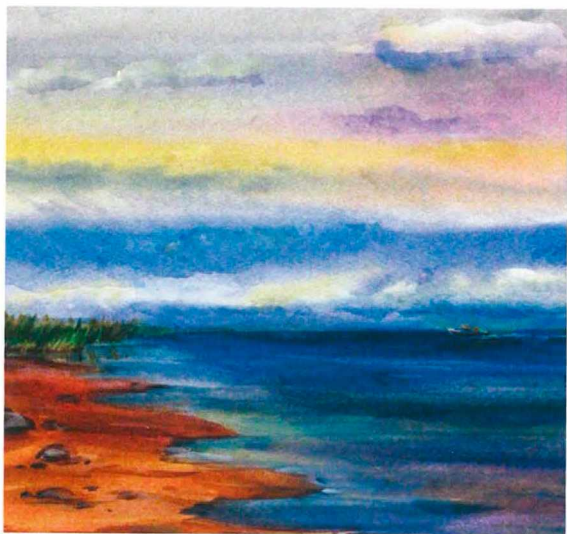
МУСТАФИНА ЭЛЬМИРА

ВАЛЮЖЕНЕЦ
ЮЛИЯ

АГАРКОВА НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА

«Арт-Протокол Историко-культурного фестиваля

«Смоляной Путь» в Комарово».

Курортный район Санкт-Петербурга. 2015.

АГАРКОВА НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА

«Арт-Протокол Историко-культурного фестиваля
«Смоляной Путь» в Комарово».
Курортный район Санкт-Петербурга. 2015.

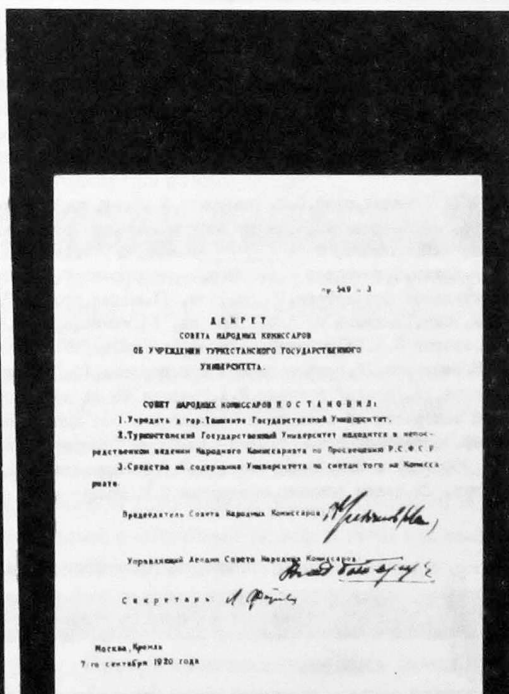
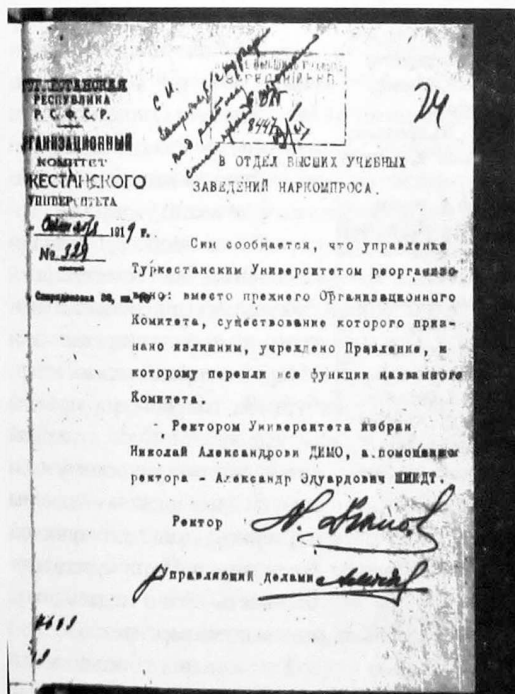
свадьбы сыграли, молодые священники получили «подъемные» и паспорта, куда были вписаны их жены. Райковы дольше добирались до места назначения – крепости Ура-Тюбе (современный Таджикистан), где поселились в небольшом доме священника при православном храме. В 80-е годы XX столетия там была создана прекрасная курортная зона, храм и домик священника сохранились. Недалеко от этого зеленого оазиса на холмах археологи раскопали стоянку Александра Македонского, и позже Дария, который дошел до этих мест.

Но прошло еще совсем немного лет, прокатилась гражданская война по Таджикистану, и от прекрасного курортного места не осталось практически ничего.

Алексей Райков с семьей – женой Раисой (или Розочкой по-домашнему) и дочерью Иларией, родившейся в 1896 году, недолго прожил в Ура-Тюбе, и уже в 1898 служил в Самарканде в военном соборе, что на Абрамовском бульваре.

Илария Алексеевна поступила в Самаркандскую гимназию в 1904 году и закончила ее в 1913. К этому времени она осталась уже круглой сиротой, Алексей Семенович буквально за несколько недель «сгорел» от саркомы горла, когда девочке было всего 14 лет. Она осталась одна. Крестная мать и тетя Надежда Карловна жила с семьей далеко в Аулиэ-Ата, а девочке нужно было закончить гимназию. Первое время она жила в семье доктора медицины М.И. Тихомирова, служившего в военном госпитале, с его детьми она быстро подружилась. Позже получила поддержку в семье Богословских, родственников по материнской линии. После смерти отца с девочкой остался отцовский денщик, он научил ее хорошо ездить верхом, что так пригодилось потом в экспедициях на Памире. Много из семейного имущества было продано, опекуны не очень удачно распорядились средствами, но все же их хватило на то, чтобы закончить гимназию и продолжить образование в Петербурге.

Следует отметить, что Самаркандская женская гимназия воспитала целую плеяду выдающихся впоследствии деятельниц, ученых, медиков и педагогов. По рассказам Иларии Алексеевны у них были очень квалифицированные учителя. Во всяком случае, Илария Алексеевна всю жизнь свободно читала научную и прочую литературу на двух языках и разговаривала при

Поезд науки 1920 г.

ГРУППА сотрудников ТУРКЕСТАНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА перед отправкой в Ташкент 1-го эшелона в военно-санитарном поезде № 159. Снимок сделан 9/10-7/ февраля Г.А.Ильиним. Но поезд вышел из Москвы на рассвете 19 февраля 1920 года. Впоследствии его стали называть "Поезд Ленина".

Поезд грузили на путях Бринского вокзала с 1 февраля, отправился он 19 февраля и прибыл в Ташкент 10 апреля 1920 года, около 4-х часов дни.

На фотографии не все, а часть отъезжающих и несколько приехавших проводить нас сотрудников ТГУ, которые выехали в Ташкент из Москвы со следующими эшелонами.

СИДИТ: /слева направо/ 1. физик проф. Н.Н.Златовратский/сзади его жен 2. медик, проф. Рождественский, 3. медик, ст. асс. Е. Василевская, 4. астроном проф. Стратонов, 5. ректор, почвовед Н.А. Дильо, 6. геоботаник Р.И.Аболин, 7. /несколько сзади/ медик, проф. И.И.Маркелов, 8. декан медфака, хирург проф. П.П.Ситковский, 9. проф. техфака А.И.Носалевич, 10. проректор ТГУ, глава 1-го эшелона - "делегации"- проф. востоковед-арабист А.Ф.Шанди

СТОИТ: 1. медик, проф. С.Ф.Цилмерман, 2. медик, проф. Василевский, 3. медик проф. А.А.Клодницкий, 4. медик, рентгенолог, ст. асс. С.А.Молчанов, 5. географ С.П.Аржанов, 6. /женщина/, 7. декан техфака проф. К.Ф.Кетов, 8. почвовед М.А.Орлов, 9. метеоролог Р.Р.Цилмерман, сестр. фундаментальной библиотеки, 10. Дроздов, 11. медик, проф. К.Г.Хрущев, 12. астроном Э.К.Этик, 13. химик проф. М.И.Прозин, 14. химик, проф. Е.В.Раковский, 15. зоолог Н.А.Волринский, 16. проф. зав. кафедрой зоологии позвоночных Д.Н.Кашгаров, 17. проф. сельфака Д.И.Морозов, 18. механик-математик Д.В.Барков, 19. /сзади/ ботаник И.А.Райкова, 20. ст. асс. хирурга Г.А.Ильин - его аппаратом сф заводом и выдержкой и был сделан снимок, 21. /сзади/ проф. востоковед-иранист, член делегации Туркеспублики, направленной в 1918 году к В.И.Ленину по вопросу организации университета А.А.Семенов, 22. декан физмата, математик В.М.Комаревский.

опись по фотографии составлена И.А.Райковой

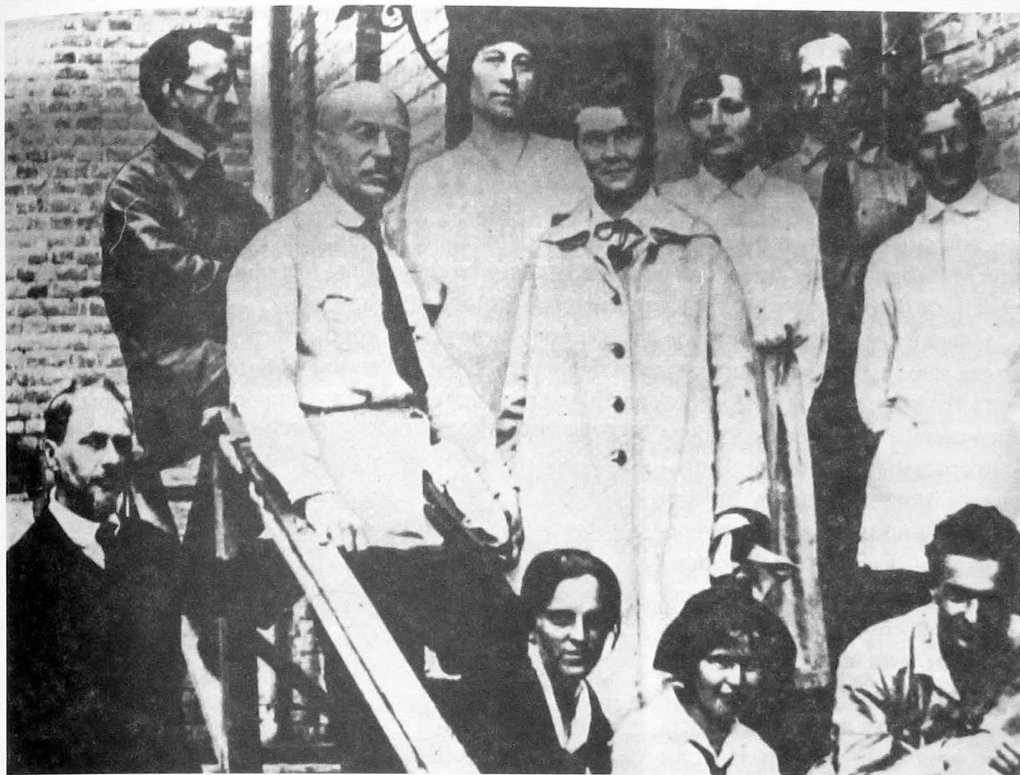
Надпись к фото Поезд науки

необходимости. Н.В. Коблова рассказывает: «Я была свидетелем того, как она давала по-французски интервью для «Пари-матч», а по-немецки читала лекции в Будапештском университете в Венгрии».

К сожалению, курс женских гимназий не предполагал изучения классических языков (греческого и латыни) и их выпускникам не выдавался аттестат зрелости, который был необходим для поступления на естественный факультет университета. Поэтому, по окончании гимназии Илария отправилась в Петербург. За год Илария прошла с педагогами курс мужской гимназии по греческому языку и латыни и сдала экзамены экстерном при 2-ой мужской гимназии в Петербурге, что бы иметь право подать документы в университет.

Училась она с большим ин-

тересом и весьма успешно, ее любимым преподавателем, о котором она всегда вспоминала, был профессор Буш, он не только взял ее к себе на кафедру, но и рекомендовал секретарем в Геогра-

Перед отъездом в очередную экспедицию на Памир Крайний справа - Н.И.Вавилов

фическое общество, чтобы девушка могла немного заработать. Учеба была, естественно, платная, да и жизнь в Петербурге, особенно с началом Первой мировой войны, дорогая. Первой, еще студенческой научной работой стало исследование ареала произрастания кендыря, затем она занималась мхами, собирала коллекции для Ботанического института, который стал ее самым любимым на всю жизнь научным учреждением. Позднее она не пропускала ни одного важного съезда, проводимого в Ботаническом институте им. Комарова в Ленинграде.

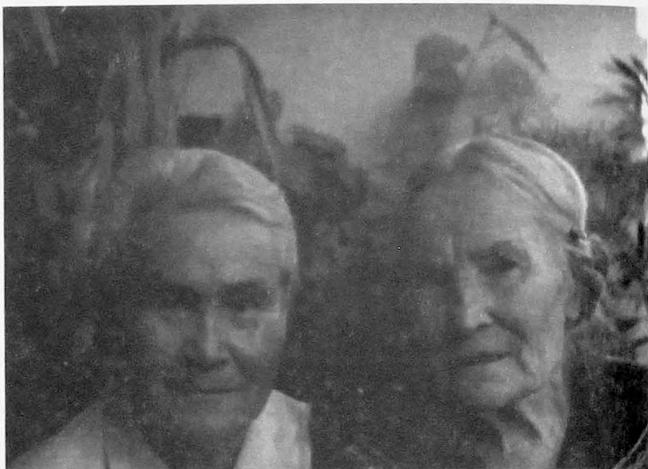
В начале 1920 года произошел резкий перелом в жизни молодого ботаника. Узнав о работе организационного комитета по созданию университета в Туркестане, Илария Алексеевна подала заявление, и 10 января на заседании Ученого Совета и правления Туркестанского университета в Москве она была избрана преподавателем ботаники. И.А. Райкова вскоре была включена в состав организационной группы и получила направление на работу в Ташкент.

Из книги Донцовой З.Н. «Илария Алексеевна Райкова»: «Получив извещение о включении в состав преподавателей Туркестанского университета, И.А. Райкова быстро подготовилась к поезду. Из Петрограда в Москву она сопровождала вагон с библиотечными фондами и имуществом сотрудников, выезжавших в Ташкент. «Сразу по прибытии в Москву, — вспоминает она, — я попала на первое в своей жизни заседание Ученого совета. Здесь познакомилась с преподавателями нашего факультета, видными учеными, с которыми впоследствии мы вместе трудились многие годы»... Поездка была не из легких. Зима была холодная, снежная, морозы доходили до -25°C . На юге России еще шла гражданская война, а там, где затихли недавние бои, были другие беды: голод, разруха. На железной дороге не хватало паровозов, не было топлива, а иногда и воды... В пути находились 52 дня... Прекрасным весенним днем поезд прибыл в Ташкент. На перроне путешественники увидели большую толпу встречающих. Местные власти без промедления предоставили лучшие здания под различные факультеты университета

(здания бывших гимназий, Реального училища, Кадетского корпуса) и несколько домов для размещения профессорско-преподавательского состава с семьями. В прибывшем эшелоне более 10 вагонов было занято научным оборудованием для будущих лабораторий химиков, физиков, биологов и медиков. Позже прибыл специальный состав с оборудованием, им были заполнены также товарные вагоны и в других эшелонах (в общей сложности 65 вагонов). В Ташкент прибыло 5 эшелонов для университета».

С этого момента и до конца жизни И.А. Райкова была теснейшим образом связана с Туркестанским (впоследствии Среднеазиатским, а ныне – Ташкентским университетом). Но при этом она поддерживала самые тесные связи со своей alma mater, в частности с кафедрой генетики Ленинградского государственного университета.

Однако вернемся в 50-е годы в Сестрорецк, где семья профессора Райковой из Ташкента сняла дачу у отставного полковника Федорова. В состав семьи входили 85-летняя крестная мать Илари Алексеевны – Надежда Карловна, две её дочери – двоюродные сестры Илари Алексеевны – Любовь и Вера Григорьевны (Любовь Григорьевна после кончины первой жены Константина Константиновича – Екатерины Тимофеевны – стала его второй женой и верной спутницей. Двадцать три года они прожили вместе, причем первые десять лет – в своем уютном доме, а также семья приемной дочери Илари Алексеевны – Любви Николаевны Райковой в составе её мужа – Владимира Леонидовича Коблова и сначала одной дочери – Надежды, а потом и второй – Татьяны. Семья съезжалась вме-

*Крестная мать Надежда Карловна Дзестрём
и И.А.Райкова 1957 г.*

В Сестрорецке на даче. 4 поколения семьи. В центре - Л.Г.Федорова

сте, когда из Ташкента приезжала Надежда Карловна в сопровождении Веры Григорьевны. Она вела большой дом (Иларию). Все остальные жили в Ленинграде.

По воспоминаниям Н.В. Кобловой, Сестрорецк обладал совершенно особенным обаянием для всех тех, кто имел удовольствие проводить там летние месяцы. Природа, красивая дачная архитектура, залив – и все это совсем недалеко от города, с его напряженным ритмом и шумом. Чистый морской воздух преображал бледных ленинградских детей и позволял набраться сил для следующего учебного года. Мы, маленькие дачники, уже давно выросли, но по-прежнему стремимся привезти в Сестрорецк летом своих детей и стариков, чтобы они могли впитать в себя эту волшебную ауру солнца и моря.

Когда «дачная команда» была в сборе, мы поселялись в заранее подремонтированной даче. Нас было много: четверо постоянно живущих, по воскресеньям приезжали мои родители, на месяц или меньше, если удавалось, к нам присоединялась Илария Алексеевна, очень часто подолгу жили ее аспиранты, которых полагалось кормить и заставлять заниматься, а не купаться. На даче я помню двоих: Акбара и Джуру Акбар долго мучил свою кандидатскую, защитил, но впоследствии стал проректором Ташкентского педагогического института им. Низами, наука не стала для него приоритетом. Джура Азимбаевич Мусаев стал академиком. Заметьте, профессор приглашала своих аспирантов погостить и брала все расходы на свой счет. Для этих молодых людей это было очень важно, Акбар был из многодетной узбекской семьи, а Джура был сиротой. Они действительно много работали, но мы успевали и рыбу удить, и купаться в заливе. Так Илария Алексеевна «ковала» национальные кадры для Узбекистана.

Мои тетушки Любовь Григорьевна и Вера Григорьевна безропотно обслуживали всех, кто бывал на даче. А вы можете себе представить дачный быт тех времен: вода из колодца, готовка на керосинке, баня раз в неделю, стирка в корыте, мытье посуды в тазике, нет холодильника, продукты нужно возить из города. В поселке можно было до хрущевских нововведений купить молоко у хозяйки и домашний хлеб, иногда овощи и ягоды с огорода. Но, почему-то, все было довольны и веселы. У моего отца было любимое блюдо – пончики из кислого теста с сахарной пудрой. Блюдо – проще не придумаешь, но ведь для этого нужно было встать пораньше, завести кислое тесто и т.д. И все это делалось как-то между делом и без нажима, никто не ощущал себя жертвой быта. Тетушки были неистощимы на всевозможные выдумки для детей. На конец лета – 5 августа – приходился день рождения Любви Григорьевны, он отмечался в соответствии со всеми старыми традициями: флажки из цветной бумаги, китайские фонарики, плакаты с поздравлениями, театрализованное представление силами домочадцев и соседских ребят – моих приятелей. Накрывался длинный стол, и шло веселье.

Вся эта идиллическая дачная жизнь круто менялась с приездом Иларии Алексеевны. Чаще всего ее приезды были связаны либо с каким-нибудь ботаническим конгрессом, и значит, у нас на даче появлялись участники конгресса в большом количестве, иногда московские знакомые (супруги профессора Арнольди, отец - академик и сын (ныне министр) Израэля, семья архитекторов Поповых, когда-то в годы войны в эвакуации живших в ташкентском доме у Иларии Алексеевны) оставались погостить на пару дней. Затем начинались встречи с ленинградскими коллегами и друзьями: профессор Лобашов, доктора биологических наук О.В. Заленский и его жена В.М. Свешникова, профессор Наливкин, младшие товарищи по Памиру А.Н. Стешенко, Галина Михайловна и Сергей Сергеевич Иконниковы и конечно, Павел Александрович и Анна Артемовна Барановы. Все это были ученые с мировыми именами, известные своими публикациями за рубежом даже в те годы, когда мало кто из советских специалистов мог публиковаться где бы то ни было. В обычной жизни это просто была компания очень милых людей, которые любили встречаться, рассказывать друг другу о своих поездках, показывать фотографии, а позже появились еще и слайды. На просмотр слайдов собирались специально, практически в каждом знакомом доме было

все необходимое оборудование, позднее появились киноаппараты и проекторы. Это было исключительно интересно, открывался тот мир, о котором мы чуть-чуть знали из передач клуба кинопутешественников, но это тоже будет позднее, да и сам клуб, его зачинатель Шнейдеров и его коллеги, приезжая в Ташкент, бывали у Иларины Алексеевны, поскольку были старыми знакомыми и товарищами по Памиру. Собственно, Памир объединял научными интересами и ленинградский круг знакомых, все они в той или иной мере занимались его изучением. Так формировался дачный повседневный и праздничный быт. Часто гости мигрировали из Сестрорецка в Комарово, где была дача у Павла Александровича Баранова. Это была замечательная дача, со всеми городскими удобствами, с красивым камином и картинами Мартироса Сарьяна на стене (жена Павла Александровича – Анна Артёмовна – была с ним знакома), с альпийской горкой и японским мостиком в саду.

Особо не задумываясь, взрослые формировали наш детский мир, направляли процесс выбора будущей профессии. А для меня и моих ближайших друзей по даче с приездами Иларины Алексеевны начиналась настоящая работа. Мы выходили в лес и собирали гербарий, причем не для забавы, или чтобы меня делом занять. Гербарий сразу собирался всерьез, для студентов, и делать его полагалось ответственно. Как мне пояснила Илария Алексеевна, я была просто необходима для того, чтобы достать то, что она не могла достать сама: например, она меня приподнимала, а я должна была срезать кусочек мха со ствола дерева. Конечно, это была воспитательная мера, но на самом деле я имела возможность увидеть, как с этими гербариями, которые мы с ней делали летом, потом работали студенты. Во всяком случае, к десяти годам «Определитель растений» стал моей любимой книжкой, а писать этикетки для растений латинскими буквами я умела лет в восемь.

С 1945 г. И.А. Райкова носила высокое звание заслуженного деятеля науки Узбекской ССР. Именем Райковой названы средняя школа и улица в вузовском городке Ташкента. В юго-восточной части хребта Музкол высится пик Райковой. Это имя ему дали участники альпинистской группы А.В. Блещунова из Одессы в 1940 г.

В 50-е годы Илария Алексеевна уже получила все свои звания. Она оставалась заведующей кафедрой генетики и дарвинизма ТашГУ до своего последнего дня, не будучи пенсионеркой, была членом большего Ученого совета АН УзССР, членом ученого совета Ботанического Сада, председательствовала в Ботаническом и Географическом обществах, была членом Комитета Советских женщин и многое другое. Эта внешняя стабильность позволила ей много работать, до 70-х годов еще выезжая в экспедиции на Памир, позже – готовя аспирантов и докторантов. Очень многие из ее подопечных защищались в Ленинградском государственном университете, что говорит о качестве их научных работ.

Илария Алексеевна Райкова была счастлива служением общему благу. Наш Сестрорецк долгие годы был её местом вдохновения.

Литература

1. Валерий Германов. *Alma mater Ташкентская и Среднеазиатская, или История с географией //Россия – Узбекистан: в прошлом и настоящем. Люди, события, размышления. Сборник статей. Составители А.Б. Джумаев, Ю.В. Подпоренко, Э.В. Ртвеладзе, Д.А. Трофимов.* М.: АРМАДА & «Альфа-книга», 2003. 432 с. С. 118-140.

2. Донцова З.Н. *Илария Алексеевна Райкова.* — Л.: Наука, 1988. — 136.

ГРИГОРЬЕВА Нина Васильевна,
писатель-краевед

ЕЛЕНА ГУРО

*Елена Гуро.
Автопортрет*

Все великие откровения приходили в мир через выдающихся творческих людей своего времени. В перекрёстный год русского языка, литературы и кинематографа России мы в очередной раз их вспоминаем. Следующий год, под каким бы знаком он ни проходил, будет памятным для Елены Генриховны Гуро (1877 – 1913). Она принадлежала к той категории талантливых людей, чья короткая творческая деятельность реализовывалась на земле Карельского перешейка. Рисунки Гуро, проза, афоризмы и стихи были сфокусированы на той земле, где сегодня живём мы. И в год 140-летию, графика и живописца Елены Гуро до сих пор знают немногие. Она родилась 10 января 1877 года в семье военного. Отец занимал большую должность секретаря штаба Петербургского военного округа. Дед по матери был известный в России писатель А.М. Чистяков. Он был владельцем издательства журнала «Детское чтение». Родовое имение Чистяковых находилось в Псковской губернии. Оттуда в утончённой натуре юной художницы появилась «нелюбовь к городу». Добрые семейные отношения и увлечённость чтением и рисованием способствовали становлению творческой личности Елены Гуро. Она окончила школу живописи в Петербурге. В дальнейшем Елена Гуро продолжает образование в мастерской Я.Ф. Ционглинского, где знакомится со многими известными людьми. Её друзьями стали Александр Блок, Владимир Маяковский, братья Бурлюки и другие. Её независимое мышление было подчинено собственной идее. Первые творческие шаги в живописи начинает в той же мастерской музыкант Михаил Матюшин. Талантливый скрипач сразу привлёк к себе внимание, а затем и почитание Елены Гуро. На момент встречи у Матюшина была большая семья и известное имя «первой скрипки Придворного оркестра». Позднее Матюшин напишет: «С тех пор я постоянно наблюдал за ней и всегда поражался напряжению её ищущих глаз. Я постарался с ней познакомиться поближе. Постепенно, узнавая друг друга, мы сблизились и стали настоящими товарищами по работе и убеждениям». Елена Гуро стала его путеводной звездой в искусстве. Его творчество делится на музыку и живопись. Матюшин с детства был увлечён музыкой и обладал абсолютным слухом. Сын нижегородской прачки, рос без отца, но первую скрипку он смастерил в девять лет. В юности сочинял серьёзную музыку, и с четырнадцати лет учился в Московской консерватории. Его произведения для скрипки до сих пор поражают красотой и утончённостью мелодии, но оказалось, что одной музыки в его жизни было недостаточно.

Весной 1912 года на Карельском перешейке в дачной местности Уусикиркко появляется странная пара. Он - высокий импозантный художник и музыкант Михаил Матюшин и его жена, очень больная, с трудом стоящая на ногах, художник и поэт Елена Гуро, молодая женщина с очень бледным лицом и зелёными раскосыми глазами. География их пребывания на Карельском перешейке ранее была весьма разнообразна – Лахта, Келломяки, Терийоки и, наконец, Уусикиркко. На сей раз, они намеревались проводить лето на съёмной даче (бревенчатая изба на горе среди сосен), своей у них не было. Отдалённость от оживлённых

Елена Гуро

Елена Гуро на берегу Финского залива 1911

дачных мест определялась, по видимости, желанием быть подальше от людей, и поближе к живой природе. Пройти на станцию Каннельярви один километр не составляло труда, а оттуда можно поехать как в Терийоки, так и в Выборг.

Именно русская Финляндия была местом отдыха и творчества петербургской интеллигенции. Елена Гуро вспоминала, отдыхая однажды в Вольнской губернии: «...рисование не идёт, потому что в этой местности отсутствуют решительно твёрдые вдохновенные фантастические черты финской природы». Она попыталась разгадать таинственную финскую душу. Гуро с большим уважением относилась к местным традициям. Возможно, у язычников-финнов они с Матюшиным переняли традицию отмечать свой день зимнего солнцеворота – особый праздник в ночь на 22 декабря. В этот день они наряжали ёлку, приглашали друзей, готовили угощение, спорили о литературе и искусстве и, конечно, вспоминали прошлое лето, строили планы на будущее, на свой новый дачный сезон. Любимое место на южном берегу Финского залива называлось Сагамилье. Здесь «море перекликается полусонными миражами с Финляндией и Норвегией».

Ей были интересны и осколки материальной культуры, и дары леса, и земля Карельского перешейка. Зимой, в Петербурге, Елена Гуро мечтала снова увидеть просторы полей и лугов, гладь озера, почувствовать запах смолы в жаркий день и ощутить утреннюю прохладу северного лета с его прозрачным воздухом, тишиной и соснами. Всё это – в её произведениях. Она любила всё, что её окружало. Гуро соединила в своём поэтическом творчестве собственное мировоззрение со своеобразным финским фольклором, придав своим стихам неподражаемое поэтическое звучание. Вот, например, «Сновидения»: «Они встали в сердце берёзы, и ветви дерева расходились кругом, как сияние. И она узнала, что смысл дерева – сердце и сияние. Сердце соединено с глубиной земли, а ветки принадлежат солнцу и воздуху, то есть небу. Корни повторяют под опрокинутое сияние короны – и в этом громадное значение для тёмной земли». На Карельском перешейке Елена Гуро и Михаил Матюшин жили согласно собственной философии, где творчество человека органично связано с природой. Именно на берегу Финского залива обостряется миропонимание и захватывает жажда творчества. Возможно, предчувствуя скоротечность жизни и грядущие политические катаклизмы, художники спешили запечатлеть эмоции на холсте и бумаге.

Большую роль в творчестве Гуро сыграла северная природа. Вот названия её стихов: «Финляндия», «Финская мелодия»; и прозаические зарисовки – «Камушки», «Дача с призраками». Только Гуро могла написать: «По золотому соснобережью нежило солнышко. Гладило спинки ласковых камушков на песчаной ладони берега». В стихотворении «Финская мелодия» есть посвящение: «Несравненному Паси Яскелайнену – сыну его Родины». Известный исполнитель народных песен был очень популярен в Финляндии. Мы не знаем, при каких обстоя-

тельствах состоялось их знакомство, но Елена Гуро его знала. Связь человека с местом его проживания и тем более с местом его духовного бессмертия – тема непознанная, загадочная и очевидная. Вот фрагмент из её сочинения: «... Да прославятся балконы небесных дач, песочные ямы, косогоры, сарайчики. Там собирались всё лето совещаться, там провозглашались чудесные девицы искусства, там были клубы мечтателей...».

Серебряный век в своём стремлении к свободе и совершенству не обошёл вниманием талантливый человек. До сих пор многочисленные «гуроведы» спорят по определению творческого направления Елены Гуро. Её рисование и умение выражать собственное мирозерцание и философию не принадлежит ни одному из направлений авангардного искусства. Гуро была сама собой, но была необыкновенной. Её творчество – это непонятые послания для всех людей и понять их – наша задача. Она творила в собственной сфере бессознательных процессов, которые человеку просто практически недоступны.

Полуфантастический мир стихов Елены, рисунков и дневников возник на соединении её душевной особенности и новых веяний художественного творчества. Чуткое воображение и предвидения дают возможность Гуро уловить невидимые сигналы так же, как и её другу, поэту А. Блоку. В словосочетании Гуро соперничает с Велимиром Хлебниковым, он её любимый поэт. В творчестве Елены Гуро мы почувствовали нечто близкое и далёкое, открытое и потаённое, неизменное и успокаивающее, правду и вымыслы.

Вот портрет Михаила Матюшина со скрипкой в руке. Его красивое лицо покрыто лёгкой дымкой, может быть, для того, чтобы никто не смог рассмотреть любимый ею разрез глаз. Разве у «божества» могут быть человеческие черты лица? Она видела и создавала творца по понятиям своей души, передавая на холст его характер. Характер у Матюшина был не из лёгких. Гуро была его музой.

А у неё была естественная земная мечта о семье, о ребёнке, о сыне. Она создала его виртуально, дав ему имя и пострадав с ним его недолгую жизнь. Образ сына появляется на страницах дневника таким реальным и зримым, что начинаешь верить в его существование. Вместе с этим тонкую натуру Гуро переполняли интересы к природе, животным, собратьям по перу, к художникам, философам – ко всему. Она могла разглядеть то, чего не видели другие. В её рисунках оживают камни, цветы, деревья. Любимый кот был всегда рядом и остался на её рисунках. В изображении кота Елена Гуро использует одну непрерывную линию. Как бы лёгкий взмах пера, и кот на бумаге. «Светлая душа кота светила в комнате. У него был белый животненький животик. Душа была животненькая, маленькая, невинная, лукавая со звериной мудростью...».

Судьба была сурова к Елене Гуро, приговорив её к болезни, и отпустила ей только тридцать шесть земных лет. Её последний взгляд видел небо, землю Карельского перешейка и любимого человека – Михаила Матюшина. Елена Гуро навсегда останется в дачной местности Уусикиркко на старом финском кладбище у лютеранской церкви. Матюшин изготовил на её могиле крест из ствола растущей сосны и установил на нём икону Богородицы, скамейку и ящик с книгами Елены Гуро. У художника было огромное желание познакомить любопытных путников и местных жителей с её произведениями. Приписка на ящике была сделана рукой Матюшина: «Тот, кто хочет познакомиться с произведениями Елены Гуро, может достать их из ящика. Уверен, что

Е. Гуро Портрет Матюшина

они будут положены обратно». Читающие были, об этом потом расскажет О.К. Гомозова, ставшая женой Матюшина после смерти Гуро. Позднее художник изготовит бетонный поребрик на могиле Гуро, на котором установит две фигурки несуществующих животных, вероятно, «небесных верблюжат». Матюшин принял решение купить место для себя рядом с могилой Гуро и, позднее, место для жены. Свой последний приют он благоустроил до 1917 года. Но судьба распорядилась иначе. Приезд в Финляндию был усложнён, и со временем граница была закрыта.

Матюшин напишет в своём дневнике: «Тот, кто полюбил, как Лена, почки, листики и всю движущуюся жизнь и увидел жизнь и в камнях, и не хочет в будущем с этим расставаться – хочу ему служить моей любовью. Я умру, но я люблю ствол берёзы, её ветви, кресты - кисти благословения. Я люблю красные свечки сосен, их звенящие чешуйки. На чёрной земле – трилистники молоденькие. Песок, горячий от солнца. Ветер, тёплый и сильный, в лицо. Нежные молодые сны на земле. Бесконечно верю в молодость – светлое начало их светлого конца страданий. Не верю в их разврат, не верю в их бесчестие, и вижу в них великие пробы уводящих путей, как во тьму, так и в свет! Не верю в их бездарность, нет бездарных! Есть несчастные, обездоленные и только закрытые для себя и для всех – до времени. Верю в молодость потому, что её пути всё ещё в откровении! Они совершенно неизвестны! Они могли бы быть, они могут быть! Они БУДУТ!!! Разве царство Божие – не на земле? Дай нам силы на эту любовь к освобождению души».

Матюшин станет знаменитым художником, профессором Петроградской Академии художеств. Выпустит два курса художников, работы которых мы сможем увидеть в российских и зарубежных музеях. Сохранилось много воспоминаний о Михаиле Матюшине, которого его ученики называли «владельцем дум». Несколько лет назад в Российской Академии художеств проходила выставка «Михаил Матюшин и его ученики 1922–1926 годов», организованная замечательным человеком, искусствоведом Никитой Сергеевичем Несмеловым. Когда он был на Карельском перешейке, мы искали забытую могилу Елены Гуро, но это место стало сельским кладбищем. На Петроградской стороне есть музей М.В. Матюшина «Музей петербургского авангарда». Имя художника стало визитной карточкой русского авангарда. Михаил Васильевич похоронен на южном берегу Финского залива, в Мартыш-

М.Матюшин Место захоронения Елены Гуро

М.Матюшин и Е.Гуро

кино, волею судьбы как раз напротив нашего берега, и он, должно быть, посылает оттуда невидимые нам знаки и сигналы, чтобы обозначили мы забытую могилу Елены Гуро в Уусикиркко.

Сегодня в Полянах заросшее кустарником место захоронения с трудом сохраняет память о человеке, жизнь которого осталась в творчестве. В мае 1994 года в Санкт – Петербурге прошла выставка произведений Елены Гуро, и был опубликован каталог её работ. Памятный знак на старом финском кладбище в Уусикиркко (пос. поляны Выборгского района Ленинградской области), посвящённый Елене Гуро стал бы символом памяти благодарных потомков замечательному представителю отечественной культуры начала XX века. Будем надеяться, что это случится, и мы вспомним имена, которые вошли в историю русской культуры.

Елена Гуро принадлежала к той категории людей, чья разносторонняя творческая деятельность – рисунки, проза, стихи – касалась земли Карельского перешейка. Её сочинения раскрывают нам её детскую наивную чистую душу. Но Гуро сложна в творчестве, хотя понятна в жизни. Её имя не стало достоянием широкой публики, но для нас она осталась значительным поэтом и художником эпохи модернизма.

Источники

Дневники Е.Г. Гуро. Рукопись ЧГАЛИ ф. 134.

Литература

1. Башмакова Н. Карельский перешеек как «творческое хранилище» в текстах Елены Гуро. «Карельский перекрёсток», 2003
2. Гуро Е.Г. Небесные верблюжата. Избранное. Рн/Д, 1993
3. Гурьянова Н. От импрессионизма к абстракции: Живопись и графика Елены Гуро. // Искусство. 1992. № 1.
4. Ковтун Е.Ф. Елена Гуро. Поэт и художник. – В сб. «Памятники культуры. Новые открытия 1976». М., 1977
5. Харджиев Н. И., Гриц Т. Е. Гуро (к 25-летию со дня смерти). М., «Книжная летопись», 1938, №7, с. 41
6. Харджиев Н. И., Матюшин М. Русские кубофутуристы. К истории русского авангарда.

К статье Н.В. Григорьевой «Елена Гуро»

СОН О ГУРО

Всё, что то старó, то старó,
Забвеньем наглухо забыто:
Вот имя странное Гуро -
Оно сейчас почти забыто.

Как - как, простите, -
Ах, Гуро?
Нет, к сожалению, не слышал.
Свеча... гусиное перо... и за спиною кто-то дышит.

Похоже, призрак, боже мой!
Всё сына, всё сыночка ищет,
А сына нет, он ангел твой!
Гуро бормочет, ветер свищет,

В руке дневник - как выкрик SOS,
И с двух сторон тетрадь открыта:
Букв, слов нервический хаос,
Зверей рисунки, нету БЫТа.

Зубами скалы там грызут
Не кто-нибудь, а сарацины.
Судьбы грядущей смертный зуд
Так ей самой сгрызает спину!

Здесь ни одной нет мысли злой,
Хотя насквозь разъяты ткани...
И лета тихий финский зной
Горячим ливнем душу ранит.

Грядёт рождение добра,
Она об этом так мечтала!
И мхи алмазные с утра
Далёким льдам дают начало.

Здесь, в финском северном краю,
Что ты любила больше жизни?
С тобой, с тобою ль говорю
Неужто я на горькой тризне?

Как состраданье тяжело!
Но лики скорби благородной
Лучат нездешнее тепло
Средь дикой прелести холодной.

И солнце розовой зарёй,
Восходит над остывшим морем,
Над финской сумрачной землёй -
Кто лгал, что миром правит горе?

Нам не даётся жизнь извне,
Весь грешный мир – юдоль садизма,
Но в глаз твоих голубизне
Нежнейший отблеск эротизма.

Нет - то, что то старó, не старó,
Пускай и кем-то позабыто,
Ты возвратилась к нам, Гуро,
В руке – стихов нездешних свиток...

*ЕВГЛЕВСКИЙ Яков Наумович,
историк, публицист.*

ОСКАР ГРУЗЕНБЕРГ — ОДИН ИЗ СТОЛПОВ РУССКОЙ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ АДВОКАТУРЫ

Человек, о котором пойдет речь, прожил долгую и насыщенную жизнь. 74-летний отрезок между рождением в Екатеринославе (с 1926-го — красный Днепропетровск) и смертью в южнофранцузской Ницце на берегу Средиземного моря вобрал в себя множество больших и малых событий, перемен и поступков. Издав первый, младенческий крик в апреле 1866-го, спустя всего пять лет после падения крепостного права, Грузенберг угас в декабре 1940-го, через полгода после позорной капитуляции Французской Третьей Республики перед слабо вооруженным в тот момент германским вермахтом и за полгода до гитлеровского удара по Советскому Союзу.

Оскар Осипович Грузенберг пережил трех царей (Александра II, Александра III и Николая II), краткую полосу Временного правительства, период раннего большевизма и долгие зарубежные скитания. Сначала в Берлине — как столице либеральной Веймарской республики, потом в Риге — центре независимой тогда Латвии, а затем, с 1932-го — во Франции, под солнечным небом курортной Ниццы, куда стекались в ту пору сливки русской постреволюционной эмиграции: и монархической, и белогвардейской, и разномастно-демократической. Для справки: сын Грузенберга, Юрий, выпускник Петроградской элитной школы Карла Мая, служил впоследствии летчиком британской королевской авиации.

Оскар Грузенберг, будучи евреем по национальности, защищал, тем не менее, людей самого разного этнического происхождения и религиозной принадлежности. Закончив юридический факультет Киевского университета, он хорошо знал и Украину, и Россию, и родной ему еврейский мир. С бурного января 1905-го он работал присяжным поверенным в Петербурге, поскольку на него как на лицо с высшим образованием не распространялись жесткие «нормативы» черты оседлости, введенной еще по указу Екатерины II зимой 1791 года.

Грузенбергу довелось выступать на процессах многих литераторов и общественно-политических деятелей — Максима Горького, Владимира Короленко, Корнея Чуковского, Павла Милюкова. Осенью 1913-го он защищал в Киеве приказчика-еврея Менделя Бейлиса, служившего на кирпичном заводе и ложно обвиненного в «ритуальном», с целью получения крови для мацы, убийстве 12-летнего украинского мальчика Андрея Ющинского. По словам писателя Шолом-Алейхема, именно процесс Бейлиса превратил адвоката Грузенберга не только во всероссийскую, но и в европейско-американскую знаменитость.

Любопытно добавить, как оценивала дело Бейлиса серьезная монархическая печать. В изданном в 1940-х за пределами СССР монументальном, более чем 600-страничном труде профессора Сергея Сергеевича Ольденбурга, сына многолетнего неперемного секретаря Академии наук, Сергея Федоровича Ольденбурга (оставшегося, кстати, в Советском Сою-

зе), «Царствование императора Николая II» дается очень емкая характеристика суда над Менделем Бейлисом. Приведу страницы, посвященные этой проблеме, практически полностью. Еще в марте 1911-го, пишет господин профессор, в Киеве обнаружили тело убитого ребенка Андрея. Оно было почти обескровлено — на нем виднелось 47 колотых ран. «Тотчас же, — сообщает Сергей Ольденбург, — пошла молва, будто мальчика убили евреи — в целях использования его крови для каких-то таинственных обрядов.

Некоторые представители судебной власти (в частности, прокурор судебной палаты Чаплинский) взяли на себя задачу доказать эту версию. Местный полицейский розыск указывал совершенно другую сторону: были данные, что мальчика убила воровская шайка (он пригрозил ее членам, в числе коих входила и его мать, Вера Чеберяк, что поведает полиции об их проделках — Я.Е.). Но сторонники «ритуальной» версии убийства заявляли, что полиция подкуплена евреями. В 3-й Государственной Думе правые даже внесли запрос по этому поводу (в мае 1911-го).

Отстраняя агентов розыска, не веривших «ритуальной» версии, следователь, наконец, нашел свидетелей, показывавших, будто Ющинского похитил служащий кирпичного завода, Мендель Бейлис, и вместе с другими, не найденными лицами, умертвил его. Бейлиса в августе 1911-го арестовали. Вопреки русским обыкновениям, — сообщает профессор, — следствие тянулось свыше двух лет, и только осенью 1913-го (в год 300-летнего юбилея Романовской династии — Я.Е.) дело было доведено до суда.

Русская и заграничная печать проявляли огромный интерес к этому делу. Видные русские писатели и публицисты левого направления выступили с протестом о «кровавом навете» на евреев. Защищать Бейлиса собрались самые известные русские адвокаты Николай Карабчевский, Василий Маклаков, Александр Зарудный, Оскар Грузенберг и другие. Со своей стороны, правая печать, начиная с «Нового времени», доказывала ритуальный характер убийства, и в помощь прокурору гражданскими истцами выступили член Государственной Думы Георгий Замысловский и известный московский адвокат Алексей Шмаков, автор ряда антисемитских исследований.

С первых же дней суда определилась слабая обоснованность обвинений. Большую сенсацию вызвала статья Василия Шульгина в старом правом органе «Киевлянин» (27 октября 1913-го). Шульгин писал, что у гроба покойного редактора газеты, Дмитрия Пихно, он поклялся печатать в ней только правду. Он рассказывал, со слов полицейских чинов, как им сверху внушалось во что бы то ни стало найти «еврея». Он приводил слова самого следователя, говорившего, что не так важно, виновен ли Бейлис. Главное — доказать существование ритуальных убийств... Номер «Киевлянина» — впервые со дня основания газеты — был конфискован. Фракция националистов (в Госдуме — Я.Е.) высказала, хотя и в мягкой форме, порицание Шульгину, который после этого перешел в группу центра.

Полицейские чиновники в своих донесениях в Петербург день за днем отмечали слабость свидетельских показаний обвинения и убедительность экспертов защиты. Среди экспертов обвинения были видные профессора судебной медицины, но они только могли доказать, что тело было намеренно обескровлено, из чего еще не вытекало, что это было сделано с «ритуальной» целью.

Состав присяжных, — продолжает историк-монархист, — был, как говорится, «серый»: крестьяне, мещане и один почтовый чиновник. Левые газеты заранее обвиняли власть в желании воспользоваться «народной темнотой». Владимир Галактионович Короленко писал, что решение таких присяжных не может быть авторитетным. Но простые русские люди отнеслись к своей задаче очень серьезно. «Як судить Бейлиса, коли разговоров о нем на суде нема?» — говорили они между собою (по донесению жандарма).

Речи обвинителей не переменили этого впечатления. В них много говорилось о ритуальных убийствах вообще... — и почти ничего о Бейлисе. 28 октября присяжные вынесли

оправдательный приговор. Они ответили утвердительно на вопрос о том, совершено ли убийство на кирпичном заводе, принадлежавшем еврею Зайцеву, и обескровлено ли было при этом тело. Но хотя «Новое время» в первый момент придавало такому ответу большое значение, оно само через два дня в статье Михаила Меншикова заявило: «Государство понесло поражение...» Торжество левой печати по поводу провала данного процесса понятно. Но сама возможность подобного исхода, прежде всего, является высшим свидетельством свободы и независимости русского суда присяжных и опровергает толки о давлении власти на суд».

Процесс Бейлиса, как уже отмечалось, принес Оскару Грузенбергу поистине мировую славу. Но, разумеется — и это тоже отмечалось, — адвокату приходилось выступать и на других слушаниях. Особенно запомнился современникам процесс по делу Максима Горького весной 1905 года, на пике Первой русской революции. Суть состояла в том, что, узнав о предстоящем шествии рабочих к Зимнему дворцу под руководством экзальтированного попа Георгия Гапона и боясь жестких ответных репрессий со стороны власти, которые неизбежно повлекли бы кровопролитие, группа леволиберальных интеллигентов, куда входил и Горький, направилась в ночь с 8-го на 9-е января 1905-го к министру юстиции и столичному полицейскому начальству. Они потребовали не допустить гибели людей.

Причин для опасений было предостаточно. В узких кругах знали, что священник Петербургской пересыльной тюрьмы Георгий Гапон отличается запредельными амбициями и болезненным честолюбием. Он неоднократно кричал в своей компании: «Почему у нас на троне сидит Николай Гатарп (то есть Романов по женской линии и, начиная с Петра III, Гольштейн-Готторп — по мужской — Я.Е.)? Я сам хочу короноваться. Кровь у меня мужицкая, простецкая, а сан священнический. Чем я не царь русский, не царь народный?» Интеллигенция, впрочем, знала и о боевом настрое самодержавного правительства, особенно великого князя Владимира Александровича, главнокомандующего гвардией и Петербургским военным округом, — накануне Кровавого воскресенья.

Вскоре после грустных событий на Дворцовой площади Горький, с согласия остальных членов либеральной группы, написал отчет-воззвание о случившейся беде. Всю делегацию отправили за это в Петропавловскую крепость. Спустя короткое время всех, кроме Горького освободили, а он был обвинен в подготовке подстрекательского документа с целью его широкого распространения. К делу в качестве адвоката подключили Оскара Грузенберга. Опытнейший юрист (и, как положено по законам адвокатского жанра, изощренный казуист) сразу нашел выход.

Ошибка Судебной палаты коренилась в плохом знакомстве с только что введенным Уголовным уложением. Сия бумага допускала наказуемость «за подготовку» лишь в исключительных случаях. Проступок, вменявшийся в вину Горькому, под данное определение явно не подходил. Доводы адвоката пересилили все старания судебных чиновников. Не желая марать честь мундира, судьи вернули дело на предварительное следствие. А затем его подвели под один из высочайших манифестов об амнистии и закрыли.

Литератор подарил Грузенбергу пятитомник своих произведений со стихотворной надписью:

«Как искры в туче дыма черной,
Средь этой жизни мы одни,
Но мы в ней — будущего зерна,
Мы в ней — грядущего огни.
Мы честно служим в светлом храме
Свободы, Правды, Красоты
Затем, чтоб гордыми орлами
Слепые выросли кроты!»

К сильным сторонам деятельности Оскара Грузенберга относилось и умение выбрать благоприятный момент для публичного разбирательства того или иного сюжета. Например, он несколько раз срывал слушания на процессе виднейших кадетских активистов Павла Милюкова и Иосифа Гессена, которых обвиняли в перепечатке на страницах либеральной газеты «Речь» манифеста Петербургского Совета рабочих депутатов.

Вопрос обсуждался в разгар Первой революции, и защита «протолкнула» разбирательство в те дни, когда поползли слухи о том, что император Николай II намерен якобы поручить формирование нового правительства профессору истории Павлу Милюкову. Такие разговоры оказались досужими домыслами (премьерское кресло «перепало» бывшему министру финансов Сергею Витте), но Милюкова и Гессена царский суд, встревоженный перспективой «разобраться» с будущим крупным начальником, на всякий случай оправдал.

Спору нет, Грузенберг защищал не только «больших» людей. Встречались на пути его и «маленькие». Совсем по Николаю Гавриловичу Чернышевскому, размышлявшему, что странно выглядела бы география, изучай она лишь Монбланы и Эвересты, но обходи вниманием относительно мелкие холмы и пригорки. Нечто подобное можно сказать и о юриспруденции. И в 1903 году Оскару Грузенбергу пришлось отстаивать доброе имя штабс-капитана запаса Ивана Кованько, служившего, по военной отставке, на Балтийской и Псковско-Рижской железных дорогах. Здесь бравого воина обвинили в растрате казенных денег и отдали под суд.

Адвокат сразу подчеркнул: никто не отрицает хорошей репутации подзащитного. А обвинение в растрате не подкреплено никакими убедительными доказательствами. Причем на процессе царил довольно лицемерная атмосфера. «Жалко Кованько. Очень жалко, — иронизировал защитник. — Сколько раз слова эти повторялись и прокурором, и гражданским истцом! Приведет господин прокурор обвинительный довод — остановится и пожалеет Кованько. Вздохнет и снова пожалеет.

И так как обвинительных доводов было пять, то пять раз и пожалел он его. Особенно господин обвинитель пожалел Кованько в заключительной части своей речи, когда требовал применения к нему... самой строгой статьи карательного закона. Поверенный управления железных дорог не только пожалел, но и заявил, что не видит против Кованько никаких улик — одни подозрения! Но так как суд может все-таки обвинить Кованько, то он поддерживает обвинение.

Своеобразная жалость! Жутко становится от нее, и мне остается заявить моим противникам покорную просьбу не утруждать себя жалостью и приберечь ее для тех, кто в ней нуждается. Кованько обойдется и одной правдой!». К сожалению, штабс-капитан правдой не обошелся. Суровый суд, нуждавшийся, очевидно, в жестком самоутверждении, приговорил Ивана Кованько — без серьезной аргументации — к 9 месяцам тюремной отсидки.

Оскар Грузенберг полагал, что «во всяком проигрыше дела виноват защитник». Так, вероятно, можно было считать в дореволюционные времена — прежде всего, на отрезке 1905—1917 годов, — когда суд пользовался громадной независимостью от государственной власти и не должен был кланяться никаким партийным и административным инстанциям. Когда — худо-бедно! — владычил закон, а не партбилет. Когда не было телефонного права. Когда любой судья мог повторить давнюю фразу своего французского коллеги, произнесенную в ответ на просьбу злосчастного короля Людовика XVI оказать престолу некую важную услугу. Служитель Фемиды твердо парировал: «Ваше величество, суд постановляет приговоры, а не оказывает услуги!».

Грузенберг выразил эту мысль в несколько иной, афористичной форме. «Государственный строй, — размышлял он во всеулышание на большом собрании адвокатов в 1906 году, — меняется. Власть приходит и уходит. Партии слагаются и распадаются. Но незыблемыми остаются те принципы права и свободы, во имя которых адвокат встает на защиту лично

сти». Интересно, что столь либеральная мысль была где-то подслушана, а потом подхвачена большевиками, любившими употреблять — когда надо! — хлесткие, бьющие по нервам выражения.

Так, в знаменитом приказе товарища Сталина от 23 февраля 1942 года по случаю Дня Красной Армии провозглашалось: «... Было бы смешно отождествлять клику Гитлера с германским народом, с германским государством. Опыт истории говорит, что гитлеры приходят и уходят, а народ германский, а государство германское остается». Как видим, большевистские вожди советско-имперской поры не забывали о чуждой им дореволюционно-буржуазной идеологии, прагматично и умело вкрапляя отдельные ее положения в свои лозунги, которые использовались в принципиально иных исторических условиях и для принципиально иной по составу аудитории.

Плебейская — увы, совершенно неизбежная — революция, грянувшая в октябре 1917-го, установила в стране жесточайший тоталитарно-диктаторский режим на лево-идеологической основе (или, как тогда выражались, «подкладке»). Были вытоптаны начатки гражданского общества и правового государства, мало-помалу складывавшихся в пореформенной и столыпинской России, уничтожена многопартийная система, ликвидирована свобода слова, печати и собраний. Фактически устранялась зависимость выборных государственных структур — Советов всех уровней — от волеизъявления избирателей, что было в электоральном смысле шагом назад даже по сравнению с царскими Государственными и городскими Думами, а также сельскими земствами.

Ну, что ж, Россия — единственная из крупных Европейских стран — не знала классического средневековья с его «безупречной» церковно-властной организацией. Но от истории не убежишь, и в минуту революции и мировых войн, в эпоху острого общественного недовольства и социальных потрясений Россия окунулась в средневековье — правда, в секулярной, безрелигиозной, даже атеистической форме. Вместо религии — идеология, вместо Церкви — партия, вместо папы римского — генсек, вместо его интронизации — отчетный доклад на партсъезде.

Вместо молебнов — общие собрания и митинги, вместо крестных ходов — демонстрации трудящихся, вместо икон — плакаты, вместо храмов — клубы и дворцы культуры. Вместо мощей — могилы лидеров и героев, а в Мавзолее на Красной площади — открытые взорам нетленные останки вождя-основателя. Даже выборы генсека проходили в традициях папского конклава: собирались члены Политбюро (красные кардиналы) и решали вопрос об очередном преемнике. Разве что не пускали в трубу белый дым, как положено в Ватикане.

Что делать? Этого конем не объедешь! И бессмысленно слушать стенания гуманистов, пацифистов и либералов по поводу грустных событий, которые невозможно было предотвратить. В свой срок все началось, в свой срок все закончилось. Наше дело — исследовать и приходиться к корректным выводам. Тут можно вспомнить Александра Ивановича Герцена, высказавшегося в эмиграции (в 1855-м) о смерти Николая I. Умер Николай, отметил красноречивый диссидент, а вместе с ним умерла его эпоха. Не волнуйтесь — она не вернется. Может быть лучше, может быть хуже, но точно так уже не будет...

Само собой, после революции пострадала и адвокатура, распрямившая было плечи между 1905 и 1917 годами. По словам одного правоведа-современника, русским юристам «не суждено было гордо встать в революционном трибунале на защиту тех, кого революционная власть преследовала и истребляла за их убеждения. В страшные годы этих преследований славная корпорация русской адвокатуры была уже разгромлена». Да, то, что не позволяя себе царизм, взяли на вооружение люди, именовавшиеся республиканцами и социалистами.

Февральскую революцию Оскар Грузенберг, как и подавляющее большинство интеллигентов, воспринял приветливо и радостно. Хотя бы потому, что она отменила екатери-

нинскую черту оседлости и предоставила евреям всю полноту гражданских прав. Интеллигенция, впрочем, наивно полагала, что за свержением царизма механически последует торжество демократии. Увы! Боясь правых сил, мыслящая публика впопыхах не заметила роковых раковых опухолей, которые исподволь зрели в левом лагере, исходившем ура-демократической фразой и бранившем «свирепую царскую цензуру».

Февраль дал Грузенбергу звание сенатора (члена тогдашнего верховного суда), а затем — мандат депутата Учредительного собрания. Октябрьский же переворот юрист не принял и эмигрировал в Европу. Но, отвергая коммунизм в ленинской ипостаси и как теорию, и как практику, Грузенберг, тем не менее, внимательно следил за внутренними процессами, протекавшими в Советском Союзе. В частных письмах он предостерегал своих адресатов о неизбежном нападении Третьего рейха на СССР. А когда в сентябре 1939-го удар вермахта по Польше зажег фитиль Второй мировой войны, прославленный адвокат предсказал: «Немцы должны быть разбиты и будут разбиты!»

Дожить до победы ему не довелось. Оскар Грузенберг отошел в лучший мир 27 декабря 1940-го, через полгода после капитуляции Франции (находясь в не оккупированной тогда еще нацистами южной части этой страны, где формально, сидя в городе Виши, «правил» маршал-коллаборант Филипп Петэн). Узнав о его смерти, обосновавшийся во Франции экс-лидер мертвой уже Кадетской партии и экс-министр иностранных дел Временного правительства (в его первом составе) профессор Павел Милюков отослал письмо одному из своих знакомых.

Помня о том, как Грузенберг лет тридцать пять назад защищал его в царском суде, Павел Николаевич отметил, что «умер человек большого таланта и, главное, человек честный». Он выразил надежду, что еврейская среда увековечит его память. Еврейская среда не обманула надежд господина профессора. Но в основном выполнила предсмертную волю самого Оскара Грузенберга, просившего перезахоронить его прах под небом Еврейского государства, когда оно будет создано. В 1950 году останки знаменитого юриста перенесли из Ниццы в Израиль, где в его честь названы улицы и проспекты в разных городах страны.

Источники:

1. *Электронные каталоги РНБ.*

2. *Газеты:*

— «Киевлянин», 27 сентября (10 октября) 1913 г.;

— «Правительственный вестник», 29 октября (11 ноября) 1913 г.;

— «Новое время», 29 октября (11 ноября) и 31 октября (13 ноября) 1913 г.

Литература:

1. Киперман С. Оскар Грузенберг и его подзащитные // *Алеф*. — 2007, январь. — № 957.

2. Ольденбург С.С. «Царствование императора Николая II» Санкт-Петербург, «Петрополь», 1991 г.

*ЕРШОВ Михаил Леонидович,
радиожурналист «Радио России в Санкт-Петербурге»,
радиоведущий программы «Пулковский меридиан»*

ПРЕДВОЕННАЯ ЖИЗНЬ НА ОЗЕРЕ РАЗЛИВ

(первая треть XX столетия)

Помнится, как-то посещал я одну из ленинградских школ, где преподаватели организовали для ребят археологический кружок. Каждое лето юные археологи отправлялись в экспедиции и возвращались с самыми настоящими редкостями. В тот раз мне показали последние находки - осколки предметов со стоянки древнего человека: обломки каменного топора и копья, еще какие-то «черепки». Я пошутил: «Что, в Африке побывали? Или к нам на «юга» ездили?». «С берега озера Разлив, здесь, у нас, под Ленинградом. Правда, в те далекие времена озера не было. Но вода-то была! Человек всегда стремился у воды жить», - не обращая внимания на мое подтрунивание, ответил руководитель школьного кружка.

Действительно, реки Сестра и Черная (тогда, естественно, безымянные) существовали, наверное, и сотню тысяч лет назад. Может, текли по другому руслу, но текли! Облюбовал же эти места первобытный человек - значит, ему здесь хорошо было...

Прошли тысячелетия. Приехал сюда Петр Первый. Решил в этом месте завод ставить. А для нужд завода велел искусственное озеро сделать. Вырубили лес, поставили плотину - так воды рек Сестра и Черная образовали озеро Разлив.

Для работ присылали в эти места крестьян из Архангельской губернии, из близлежащих деревень Выборгской губернии. На вновь построенный оружейный завод прибыли мастера из Москвы, с Белозерского и Олонецких заводов. На берега реки Сестры мужики переселялись вместе с женами и детьми. Обрастали хозяйством, как говорится, пускали корни - короче, прочно обустроивались на новом месте.

К началу 20-го века потомки переселенных Петром крестьян и рабочих людей стали уже коренными жителями Сестрорецка, Разлива, Тарховки, Александровской. Это был настоящий рабочий поселок, центром которого являлся Сестрорецкий оружейный завод. А после того, как около 1900-го года была построена железная дорога, соединившая Петербург и Сестрорецк, окрестности озера Разлив стали еще и дачным местом. Несмотря на близкое существование завода, воздух здесь был чист, имелись родниковые источники. Даже сегодня многие дачники утверждают, что в Разливе особый микроклимат, чему способствует также близость Финского залива. Возможно, так оно и есть - ведь не зря же в этих местах находится знаменитый на Северо-Западе Сестрорецкий курорт, в котором еще до революции отдыхали многие знаменитости. И в наши дни недостатка в отдыхающих здесь не замечено...

Может быть, в начале прошлого века именно дачники стали называть сестроречан «обывателями». В слове этом ничего обидного, пренебрежительного нет. Скорее наоборот - это оценка уважительная. Ведь значение слова сто лет тому назад очень отличается от того смыс-

ла, который мы вкладываем в него в 21-м веке. Откроем знаменитый словарь Владимира Ивановича Даля: «Обыватель – житель на месте, поселенный прочно; владеец места, дома». И такая формулировка совершенно точно характеризует проживавших на берегах Разлива. Жили все в небольших, но собственных самодельных домах, которые коренные жители называют родовыми. Их еще 20-25 лет назад немало сохранилось в Разливе, Тарховке, Александровской. Дома небольшие: комната метров двадцать, кухня, веранда, чердак. Во дворе сарайчик, который сдавался дачникам. Либо наоборот: семья на лето освобождала свой дом для горожан, приехавших снять здесь дачу. Во всех воспоминаниях говорится, что дачников всегда было много...

Вот и Владимир Ильич Ленин приехал в ночь на 10 июля 1917 года в Разлив, в родовой дом Емельяновых. Но, как известно, не для того, чтобы отдохнуть здесь дачником, – скорее он был беженцем: скрывался от царской охранки. Пожил немного у Емельянова в сарае, затем перебрался в шалаш за озером Разлив. В общем, история известная. Но поскольку об этой известной истории долгие годы до конца всю правду не говорили, в годы перестроечные она обросла различными удивительными деталями. К примеру...

Якобы Зиновьев, найдя в Германии общий язык с немцами, сумел «одолжить» у них денег на русскую революцию. Привез золото в Россию. Три месяца – апрель, май, июнь – партия большевиков прятала богатство неизвестно где, затем же Зиновьев и Ленин привезли его не куда-нибудь, а в емельяновский сарай. Но вскоре в Разливе появились царские жандармы. Лидеры большевиков решили переправиться на другой берег Разлива, прихватив с собой в лодке ящики с золотыми слитками. Своему же «брату-рабочему» объяснили, что это оружие и нелегальная литература. Однако там, где находился покос, спрятать ценности не представлялось возможным, поэтому Ленин приказал ящики утопить в озере. А 9 августа, убедившись, что «груз» находится в безопасности, вождь вместе с Зиновьевым покинул Разлив и после незначительных приключений оказался в Финляндии. Затем была октябрьская революция, гражданская война. О ящиках забыли, а может, были просто убеждены, что оружие и тем более литература пришли в негодность. Но вот Сталин в году этак 1924-м все-таки узнал о золоте и тайно вывез его в Москву... Напоминаю, таковы были «сенсационные открытия» прессы перестроечного периода в 90-х годах прошлого века.

На самом деле Ленин и Зиновьев действительно скрывались в Разливе, в сарае у Емельянова. Затем в шалаше. И уж, конечно, без всяких «ящиков»: зачем им такая обуза, когда жизнь на волоске? А простор для фантазии представился потому, что сначала имя Зиновьева выпало из истории, а затем опять «впало». В 1925 году на берегу озера открыли музей-шалаш, и почти на всех картинах и фотографиях того времени был запечатлен Сталин в обнимку с Лениным. Иосифа Виссарионовича было так много, что посетители (в основном, дачники) шепотом недоуменно спрашивали: «А что, это Сталин скрывался в шалаше? Не Ленин?»

В 1927 году состоялось открытие каменного памятника-шалаша. Тогда хорошего подъезда к шалашу не существовало – была обычная сельская дорога с ухабами, рытвинами, лужами. Все внутренности растрясешь на этой трассе, скорее напоминавшей лесную просеку, пока доберешься до места. Поэтому на открытие памятника все желающие увидеть зрелище отправились по озеру. Лодок и яхт собралось на берегу видимо-невидимо. Когда церемония завершилась и гости собрались восвояси, на озере поднялось сильное волнение, почти шторм. Разлив вообще коварен – при сильном ветре лучше оставаться на берегу. В тот день 1927 года все произошло внезапно, просто мистика какая-то: от сильной волны лодки и яхты стали переворачиваться, люди тонули целыми семьями... Эта трагедия действительно имела место в истории Сестрорецкого Разлива.

Чуть раньше, в 1924-м году, произошел тоже трагический случай. На берег Финского залива выбросило старую неразорвавшуюся мину. Целый отряд красноармейцев пошел посмотреть, в чем дело. Пришли на берег. Командир, недолго думая, стукнул по mine рукояткой на-

гана и... угодил прямо во взрыватель. Погибло 25 человек. Их похоронили на Сестрорецком кладбище.

Вообще войны не оставили рабочий поселок Сестрорецк в стороне. В Первую мировую местное население значительно обеднело, как, впрочем, и в других районах страны. Номинально заработная плата у рабочих возросла в связи с тем, что прибавилось военных заказов. Зарплата-то возросла, но и продукты в разы подорожали. Поэтому денег у рабочих катастрофически не хватало на жизнь. Рабочий день также увеличился на несколько часов. Люди успевали только поесть и заснуть, как заводской гудок вновь звал их на работу. Выходные в военное время не предусматривались. Условия труда были далеко не идеальными... Затем Гражданская война. Разруху, которую она принесла, в Сестрорецке ликвидировали в течение нескольких лет.

Но пришло время, когда на Сестрорецком, уже инструментальном, а не оружейном заводе, имени Воскова (это имя предприятие стало носить после революции) вновь зазвучал гудок, по которому жили сестроречане. Часы, выражаясь современным языком, были большим дефицитом. Фактически ни у кого в домах «ходиков» не было. Потому и ориентировались по заводскому гудку, как на корабле – по склянкам. Гудок был зычным – во всех близлежащих поселках слышали, и даже в Горской, находящейся более чем в десяти километрах от завода.

Первый сигнал раздавался в 7.30, затем два гудка – в 7.45, и три гудка – ровно в 8.00: начало работы на заводе, а детям пора собираться в школу. В 12 часов снова звучал гудок – наступало обеденное время, через час тот же гудок возвещал о том, что перерыв окончен. А уж в 17 часов гудок предлагал всем работникам расходиться по домам...

Улица, по образному выражению одного из старожилов, «кипела детьми». Семьи были большими и дружными. Несмотря на дефицит жилой площади, 5 – 7, а то и 10 человек спокойно умещалось в комнате в 20 квадратных метров. Кстати, до войны в Сестрорецке все жилые дома строил только завод. В 1930 году на средства предприятия выстроили первый в городе 40-квартирный дом, через два года – второй, уже 48-квартирный, еще через четыре года – третий. На деньги города построили лишь одно деревянное здание. В основном сестроречане и жители Разлива, Тарховки, Александровской продолжали жить в родовых одноэтажных домиках.

Вопреки утверждению, что рабочий класс жажду утоляет отнюдь не квасом – «класс, он тоже выпить не дурак» - в рабочих семьях пьянство не поощрялось. Дети слушали родителей и старших сестер и братьев. До ночи по улице не «шлялись» - в девять вечера все уже были дома. Учились, как и во все времена, каждый по-разному. А вообще-то соблазнов отлынивать от учебы было немало.

Это в наши дни Разлив иной раз в декабре месяце еще не покрыт льдом, а в былые времена - данный факт отмечают все жители довоенных лет рождения – уже в ноябрьские праздники катались по озеру на коньках. По выходным устраивали катания на буерах. Одна из любимых ребячьих забав – прыгать с крыши дома в пушистый снег. Также почти все мальчишки поголовно зимой играли в русский хоккей – в хоккей с мячом. А страдали от этого... извозчики, поскольку ребята постоянно воровали лошадиные дуги. Из одной дуги выходило шесть крючков для клюшки. К крючкам прикрепляли прочные камышовые палки – и пожалуйста, иди, играй. Спорт среди подростков и взрослых был очень популярен. И неизвестно, стал бы Всеволод Бобров великим футболистом и олимпийским чемпионом, чемпионом мира и Европы по хоккею с шайбой, чемпионом страны по хоккею с мячом, если бы он не переехал из Моршанска Тамбовской губернии, где родился, в спортивный город Сестрорецк.

Впоследствии Всеволод Михайлович вспоминал, что кумиром для сестрорецких мальчишек был рабочий завода имени Воскова Геннадий Худяков, который играл в хоккей с мячом за Первую заводскую команду. А потом даже вошёл в сборную Ленинграда, где играл с известными мастерами этого вида спорта. Для Боброва те годы явились годами спортивной

закалки. В свободное от учёбы время ребята постоянно «крутились» вокруг игроков старших команд. Играли в одни и те же дни, частенько тренировались вместе. Причём, инициаторами совместных тренировок являлись взрослые. Во время игр старшие помогали советами младшим. А затем уже юные хоккеисты наблюдали за игрой мастеров. В составе заводских команд было немало талантливых футболистов и мастеров русского хоккея – хоккея с мячом. Конечно, для молодых спортсменов такая дружба являлась лучшей учёбой...

В наши дни в Сестрорецком парке установлен памятник Всеволоду Михайловичу Боброву. И это правильно. Ведь Сестрорецк - это город, где родился Бобров-спортсмен, выдающийся спортсмен.

А ещё сестрорецкие ребята любили гоняться на финских санях. И не только ребята... Вообще финские сани имелись в каждом доме. Зимой другим транспортом и не пользовались, если только для дальних поездок, например, на другой берег Разлива для сбора хвороста. Кстати, разрешалось собирать именно только хворост. Деревья рубить категорически запрещалось вплоть до уголовной ответственности. Так вот хворост возили кто на гужевом «транспорте», кто на обычных салазках, а на «местных линиях» - все на финских санях. Эти сани заменяли мотоциклы и машины, которых у сестроречан и в помине не было. Машины по этому району вообще практически не ездили. Так что скользи на санях хоть посреди дороги: в магазин, в гости, на прогулку, в баню...

До Великой Отечественной войны ежегодно проводилась гонка на финских санях по маршруту Сестрорецк – Москва. Сани оборудовались аккумуляторами, от которых работали фары дальнего действия. Можно представить – экзотическое было зрелище...

Летом «на полную катушку» начинал работать сестрорецкий яхт-клуб, который был известен далеко за пределами Ленинградской области. Яхты жители делали сами. Постоянно на озере Разлив проводились соревнования. И это был праздник для местных жителей – гонки на яхтах. Сотни зрителей стояли по берегам озера. После гонок проводили «крейсерские плавания». Родственники, друзья, знакомые спортсменов усаживались в яхты и яхточки и выходили в Большой Разлив. Между прочим, если кого мучила жажда, то он пил прямо забортную воду, поскольку тогда была чистая вода в озере. Достигнув берега, «аргонавты» устраивали общий пикник. То есть все жили, как одна большая дружная семья.

Летом на озере устраивали бассейн. Располагался он недалеко от моста. В пределах бассейна устанавливали вышки: 10 метров, 5 и 3 метра, Здесь также проводились соревнования. Спорт уже тогда был очень популярен в будущем Курортном районе Петербурга.

Культурным центром Сестрорецка и его округи являлся Дом культуры, располагавшийся практически на берегу озера, тоже недалеко от моста. Здание Дома культуры построили еще до революции, и называлось оно тогда «читалка». Это была народная собственность, поскольку её построили на деньги проживавших в Разливе людей. При Советской власти были организованы различные кружки, и для детей, и для взрослых. Работали танцплощадки, здесь встречались и влюблялись юноши и девушки. Дом культуры действовал даже во время Великой отечественной войны – школьники давали здесь представления бойцам Красной Армии.

А в разгар перестройки, в 1990-м году неизвестно по чьему приказу Дом культуры разрушили, дескать, нет денег на содержание здания. Причем разрушали не только днем, но и ночью. По-воровски. Почему-то торопились. Коренные сестроречане признаются: виноваты, надо было отстоять наш Дом культуры... А так – растащили все на дома. Тащили все, кто мог...

Впрочем, разрушения были и раньше. В 1931 году тогдашние правители Сестрорецка разрушили церковь. Впоследствии на этом месте построили школу № 433 и установили памятник Ленину. При церкви находилось кладбище, на котором был захоронен Сергей Иванович Мосин, конструктор знаменитой трехлинейной винтовки, начальник Сестрорецкого оружейного завода. Место его захоронения спустя много лет указал один из старожилков Степанов –

он лично знал Мосина. Другой старожил Сестрорецкого Разлива, бывший тогда подростком, вспоминает: «Степанов указал место захоронения Мосина. Раскопали могилу, выгнали железный гроб. Мы, ребята, на деревьях сидели. Когда вскрыли этот гроб – я лично видел – лицо трупа было светлое и вдруг сразу стало темнеть: воздух пошел. Гроб быстренько закрыли, и Мосина со всеми воинскими почестями перезахоронили на Сестрорецком кладбище»...

Статус города рабочий поселок Сестрорецк получил 16 июня 1925 года. Тогда решением ВЦИК Сестрорецк объединили с Дюнами, Ермолаевской, Курортом, Тарховкой и Александровской – все эти поселки стали одним городом. По переписи 1926 года в новом городе насчитывалось 1 953 дома, в которых проживали 11 025 человек.

То ли новый статус, то ли жизненная необходимость заставили руководство города приступить к благоустройству «вверенного им участка». Переоборудовали водопровод – проложили трубы большего диаметра, чем были до этого. В городе появилось современное уличное освещение. Причем в Тарховке и Александровской фонари зажгли впервые. Укрепили берега озера Разлив, замостили улицы, разбили несколько скверов. Работал в Сестрорецке пионерский технический клуб по адресу: Ботаническая улица, дом 3/5. Появилось в городе несколько лечебных заведений. Как отмечает один из краеведов, до революции только на заводе находился лазарет, где ото всех болезней лечили... йодом! Конечно, сомнительно, что только йодом. Но то, что лазарет один «на всю округу» – это верно. К 1937 году в Сестрорецке в лечебных заведениях работало сорок врачей... В общем, жил Сестрорецк нормальной мирной жизнью до последнего дня ноября 1939 года...

Как известно, независимость Финляндскому княжеству даровал Владимир Ильич Ленин, за что в этом государстве «вождя мирового пролетариата» почитают до сих пор. 14 октября 1920 года, как свидетельствуют документы, после заключения Тартусского договора, опускается железный занавес между РСФСР и независимой Финляндией, ведь страна Суоми – буржуазное государство. До этого момента финские рыбаки имели право ловить рыбу в лучших местах Финского залива. После 14 октября 1920 года это было им запрещено. Некоторые отчаянные головы пытались нарушать закон, но после общения с чекистами Дзержинского желание ловить рыбу на советской территории у финнов отпало.

Опять же официальная история свидетельствует, что Советское правительство неоднократно предлагало Финляндии некоторые территории взамен земель на Карельском перешейке, дабы отодвинуть границу от важного промышленного центра СССР – Ленинграда. Финны отказались. И тогда началась война.

Перелистаем страницы сборника исторических работ «Петербургский, Петроградский, Ленинградский военный округ. 1864-1999»: «В 8 часов 30-го ноября 1939 года войска Ленинградского военного округа перешли в наступление на всем фронте от полуострова Рыбачий в Заполярье до Финского залива в районе Териоки (современный Зеленогорск. – М.Е.). Главный удар наносился на Выборгском направлении силами Седьмой армии (девять стрелковых дивизий и один механизированный корпус). Этой армией командовал командарм 2-го ранга В.Ф. Яковлев, а с 7 декабря – командарм 2-го ранга К.А. Мерецков. Наступление осуществляли 19-й и 50-й стрелковые корпуса, которые усиливались тремя танковыми бригадами, одним отдельным танковым батальоном и двадцатью артиллерийскими полками...»¹

Первое наступление развивалось безуспешно. Советские войска оказались неподготовленными. Солдаты были плохо обучены ведению боевых действий. Вооружение оставляло желать лучшего. Пополнение частей вовремя не проводилось. Снабжение воевавших было налажено из рук вон плохо. Ко всем бедам добавились небывалые морозы: по одним источникам – до минус 40 градусов, по другим – до минус 45-ти. Согласно официальным данным, в Финскую войну в Красной армии только обморожено было 9 614 бойцов; заболели 51 892 человека; убито и умерло на этапах санитарной эвакуации – 65 384; пропало без вести – 19

1. Петербургский, Петроградский, Ленинградский военный округ. 1864-1999, СПб., 1999, стр. 281.

610; ранено, контужено, обожжено – 186 584². Такой ценой удалось прорвать «линию Маннергейма» и другие оборонительные сооружения финнов. 12 марта 1940 года подписали мирный договор, по которому с 12 часов 13 марта военные действия между СССР и Финляндией прекращались. 105-дневная война закончилась.

Это сведения официальных источников. Сестрорецкие мальчишки и девчонки 30-х годов прошлого века всех этих цифр не знали. Они запомнили то, что им было интересно. За неделю до начала войны в Разливе и Сестрорецке появилось много военных. Весь нижний этаж разливской первой школы (ныне у нее номер 434) занимали бойцы Красной армии. Во многих домах стояли на постое красноармейцы и летчики. Лед озера Разлив стал аэродромом. Авиаторы варили гороховую кашу с тушенкой и угощали местную ребятню. Через Александровскую, Тарховку и Разлив шли также колонны танков. Говорили, что финны нарушают границу. Но сестроречане не особо в это верили, потому что столько лет прожили в приграничной полосе, и никаких инцидентов не было.

30 ноября прежде всего началась артиллерийская подготовка. Некоторые из подростков забрались на вышку спасательной станции (сегодня на этом месте здание «Водоканала») и смотрели, как на финской территории рвутся снаряды. Завод Воскова в тот день работал, как обычно. Но, уходя на работу, родители предупредили детей, чтобы они от дома далеко не уходили – в случае опасности подадут автобусы и гражданское население из города вывезут. Однако до эвакуации дело не дошло. Ни один снаряд за время военных действий на территорию города не упал.

После начала Финской войны резко ухудшилось продовольственное снабжение Сестрорецка и принадлежавших ему поселков. Продукты отправляли на занятую Красной армией финскую территорию, чтобы показать: в Советском Союзе есть все в достаточном количестве. Однако финнов в населенных пунктах почти не осталось. Все они ушли вглубь страны. А в Сестрорецке вскоре появился лагерь для военнопленных. В памяти у разливских жителей сохранилась картинка, как пленные финны загорают на бонах бассейна, установленного на озере. Значит, содержали их не в особой строгости...

После окончания войны старая граница по реке Сестре еще какое-то время была закрыта. Когда ее открыли, сестроречане толпами ринулись на бывшую финскую территорию в магазины, за продуктами. А мальчишки стали шнырять по пустым домам «чухонцев». Тогда у многих из них появились велосипеды. До Финской войны в Сестрорецке единицы ездили на велосипедах. После войны стали ездить на «трофейных». Правда, финны бросили совсем старые машины. Но из двух велосипедов один собрать было можно. Затем ребята пронюхали, что финны на зиму продукты закапывали во дворе в яму. Стали рыскать – тоже был некоторый доход в семью... Постепенно Карельский перешеек стал заселяться. Чтобы завлечь людей, дома с участками продавали за символическую цену. Вновь наладилась мирная жизнь и на берегу озера Разлив. Увы, ненадолго. 22 июня 1941 года начался новый период в истории города Сестрорецка. К сожалению, трагический...

Очерк написан по воспоминаниям Владимира Васильевича Панкрушева, Ольги Александровны и Глеба Васильевича Кошелевых.

Литература

1. *Сестрорецкий инструментальный завод имени Воскова. 1721-1967. Очерки, документа, воспоминания*. Л., 1968.
2. *Петербургский, Петроградский, Ленинградский военный округ. 1864 – 1999*. СПб, 1999.

² Там же, стр. 297.

КАРПОВА Елена Витальевна,
историк, редактор

ПУТЬ ГРИГОРИЯ ЗИНОВЬЕВА К РАЗЛИВУ

После издания Временным правительством приказа об аресте большевиков, обвиненных в попытке захвата власти 3—4 июля 1917 года, Владимир Ильич Ленин около месяца скрывался у озера Разлив сначала в сарае рабочего Сестрорецкого оружейного завода Николая Александровича Емельянова, а затем под видом косца в шалаше на другой стороне Разлива.

После смерти В.И. Ленина было решено увековечить места

его последнего подполья. В день десятилетия Октябрьской революции на месте шалаша был заложен, а 15 июля 1928 года открыт гранитный памятник-шалаш. На гранитной стене памятника высечена надпись: «На месте, где в июле и августе 1917 года в шалаше из ветвей скрывался от преследования буржуазии вождь мирового Октября и писал свою книгу «Государство и революция», — на память об этом поставили мы шалаш из гранита. Рабочие города Ленина. 1927 год.» Сейчас музей «Сарай» и музей «Шалаш» составляют историко-культурный музейный комплекс в Разливе.

То, что Ленин скрывался в Разливе — общеизвестный факт. Однако многие годы замалчивался тот факт, что Владимир Ильич жил там не один, а вместе с близким соратником по партии Григорием Зиновьевым. Более того, в сталинскую эпоху многие думали, что Ленин был там вместе с Иосифом Виссарионовичем. Этому способствовали, в частности, появившиеся живописные полотна, изображавшие вождей вдвоем на фоне шалаша.

*Историко-культурный музейный комплекс в Разливе. 2015.
Фото Карповой Е.В.*

А на картине В.О. Федорова с Лениным в Разливе изображены Я.М. Свердлов и Ф.Э. Дзержинский. Конечно, не исключено, что и Сталин, и Свердлов с Дзержинским могли приезжать в Разлив. Но нет ни одной картины, изображающей Ленина вместе с Зиновьевым. Более того, долгое время не было практически никаких упоминаний о том, что в Разливе Владимир Ильич скрывался вместе с Григорием Зиновьевым.

Как же случилось, что имя того, кто поддерживал и сопровождал Владимира Ильича в «последнем подполье», было вычеркнуто и забыто? Что это был за человек? Каким путем он пришел к тому, чтобы оказаться рядом с вождем пролетариата? Было ли его пребывание в Разливе с Лениным случайностью, или имел место сознательный выбор Владимиром Ильичом своего спутника?

Начнем с того, что Григорий Евсеевич Зиновьев – это псевдоним. Происхождение псевдонима достоверно не известно. Есть версия, что Зиновьев – производное от Зины, – имени любимой женщины¹. Настоящее имя – Овсей-Гершон Аронович Радомысльский. По другим источникам — Гирш Апфельбаум (по фамилии матери).

Родился 11 (23) сентября 1883 г. в городе Елисаветграде Херсонской губернии² в семье Аарона Радомысльского, мелкого еврейского предпринимателя, владельца молочной фермы. Образование получил домашнее и с 15 лет начал зарабатывать, сам давая уроки. Затем некоторое время работал конторщиком в крупных торговых предприятиях.

В конце 90-х годов юноша увлекся социал-демократической идеологией, стал членом соответствующего кружка. В 16-летнем возрасте уже участвовал в подготовке первых экономических стачек рабочих на юге России. В 1901 г. стал членом РСДРП. Из-за начавшихся преследований в 1902 г. эмигрировал сначала в Берлин, затем в Париж и Берн. За границей активно участвовал в деятельности социал-демократических групп. В Берне в 1903 году познакомился с В.И. Лениным. Когда на II съезде РСДРП произошел раскол, Зиновьев твердо встал на сторону большевиков. Вернувшись в Россию, в течение года активно занимался революционной деятельностью: вел борьбу против меньшевиков, содействовал установке нелегальной типографии. В 1904 г. снова уехал в Швейцарию, где поступил в Бернский университет. Учился сначала на химическом (по другим источникам — экономическом, но вероятнее все же химическом, так как позже работал в

В.О.Федоров
«Свердлов и Дзержинский у Ленина в Разливе»

Г.Е. Зиновьев в числе членов ЦК РСДРП,
избранных на V съезде

1. Возможно, имеется ввиду Злата Ионовна Лилина (1882—1929), псевдоним — Левина Зина. Член РСДРП с 1902 года. Сотрудница газет «Правда», «Звезда», работник Петросовета. Вторая жена Зиновьева.

2. В 1924г Елисаветград в честь Г.Е. Зиновьева еще при его жизни получил название Зиновьевск. В декабре 1934г. Г.Е. Зиновьев был арестован по обвинениям в подготовке и осуществлении покушения на С.М. Кирова, за что был впоследствии расстрелян. В связи с этим город в 1934 г. был переименован в Кирово, затем в 1939 г — в Кировоград. 14.07.2016 года Верховная Рада Украины проголосовала за переименование Кировограда в город Кропивницкий.

ством и председательством В.И. Ленина в январе 1912 г. в Праге, был избран в Заграничное бюро большевистского Центрального Комитета партии.

Ленин относился к Зиновьеву с большой теплотой. Владимир Ильич был на 13 лет старше, имел большой жизненный и революционный опыт, и рассматривал Григория как своего ученика и ближайшего помощника. А тот, в свою очередь считал В.И. Ленина своим

наставником и безоговорочным лидером, всецело признавал его авторитет, разделял и поддерживал его политические и идеологические взгляды. Зиновьева даже в шутку прозвали «верным оруженосцем Ленина». В годы эмиграции между ними не было разногласий. Они много вместе работали, участвовали в различных дискуссиях, писали статьи. В 1910 – 1914 гг оба входили в состав редакции большевистских газет «Звезда» и «Правда».

В годы первой мировой войны Ленин и Зиновьев были редакторами и ведущими публицистами Центрального органа РСДРП «Социал-демократ». Их статьи из «Социал-демократа», журналов «Коммунист» и «Сборник «Социал-демократа» составили сборник «Против течения».

Меньшевик Михаил Петрович Якубович³ позже вспоминал: тот факт, что на обложке изданного сборника статей «Против течения» рядом с именем Ленина стояло имя Зиновьева, выдвинул последнего в первые ряды партии. Руководство обратило внимание на него и стало прислушиваться к молодому партийному работнику. Роль Зиновьева стала еще более значимой, когда Ленин решил создать в Лонжюмо под Парижем партийную школу — учебное заведение РСДРП для подготовки партийных кадров из рабочих. Школа в Лонжюмо создавалась в противовес партийной школе, созданной сначала на Капри, а затем в Болонье группой «Вперед», члены которой разошлись с Лениным по разным вопросам, как политическим, так и философским. Во главе уже существовавшей школы стоял А.А. Богданов — выдающийся человек, равного которому по образованию и таланту трудно было найти. Поэтому перед Лениным стояла трудная задача найти такого руководителя школы в Лонжюмо, который мог бы реально противостоять Богданову. И выбор Ленина пал на Зиновьева. На это у Владимира Ильича были все основания. Он ценил эрудицию Григория Евсеевича, знание им нескольких иностранных языков. Однако выбор Ленина понравился не всем. Меньшевиков раздражало, что Ленин везде выдвигает Зиновьева, потому что тот был истинным учеником Ленина. Владимир Ильич всегда резко полемизировал со своими идейными противниками, не любил сглаживать противоречия, имевшиеся у него с другими партийными деятелями. Но Зиновьев, усвоив эту резко категоричную манеру Ленина, шел еще дальше. И в его полемике было еще больше обостренных формулировок. Доходило до того, что некоторые ненавидели Зиновьева, относились к нему как к «цепному псу», которого Ленин натравливал на меньшевиков. Соратники же рассматривали Зиновьева как воспитанника Ленина, как его ученика, которого Ленин вывел на политическую арену.

3. М.П. Якубович - меньшевик, российский и советский политический деятель. Потомок декабриста А. Якубовича, племянник поэта и революционера П. Якубовича. Перу М.П. Якубовича принадлежат интересные воспоминания о Троцком, Сталине, Зиновьеве, Каменеве, о событиях 1917 г.

Не обращая внимания на выпады меньшевиков, Ленин и Зиновьев продолжали совместную работу. Например, над брошюрой «Из истории рабочей печати в России», посвященной двухлетней годовщине «Правды». Брошюра без указания ее авторов (по цензурным соображениям) вышла под маркой первого номера газеты «Рабочий» 22 апреля (5 мая) 1914 г. в связи с отмечавшимся впервые Днем рабочей печати. Брошюру открывала статья В.И. Ленина «Из прошлого рабочей печати в России», его же

статья «Наши задачи» завершала ее. Остальные статьи — «Как возникла первая ежедневная рабочая газета «Правда», «Политическое направление «Правды», «Первый год «Правды» и второй год существования газет правдистского направления», «Репрессии против правдистских газет за два года» и другие — принадлежали перу Зиновьева.

В 1915 году Ленин и Зиновьев, ведя полемику с лидерами II Интернационала, написали совместную фундаментальную работу «Социализм и война». Издана она была не только на русском, но и на иностранных языках: немецком, французском и норвежском. Первое издание представляло собой брошюру, которая раздавалась участникам Циммервальдской конференции в Швейцарии. Сами Ленин и Зиновьев тоже участвовали в Циммервальдской конференции в качестве делегатов ЦК РСДРП. Оба вошли в состав бюро Циммервальдской левой.

Февральская революция 1917 застала Зиновьева в Берне. Оттуда Ленин вызвал его в Цюрих, где Зиновьев принял участие в эмигрантских совещаниях по вопросу о том, как скорее реализовать амнистию и вернуться в Россию.

3 апреля 1917 года Зиновьев, его вторая жена Зина Левина (она же Радомысльская Злата Ионовна) с сыном Стефаном и его первая жена Сарра Равич, с которой он был в разводе, вместе с В.И. Лениным возвратились из Швейцарии через Германию в Россию.

Первая общегородская конференция Петроградской организации большевиков избрала Зиновьева своим председателем. 24 - 29 апреля состоялась 7-я (Апрельская) Всероссийская конференция большевиков. Для повестки дня конференции Ленин и Зиновьев определили вопросы, которые они считали важнейшими для подготовки социалистической революции. На конференции избрали новый Центральный Комитет РСДРП, в который вошли и В.И. Ленин, и Г.Е. Зиновьев.

Зиновьев вошел также в редакцию ежедневной газеты «Правда», органа Центрального Комитета и Петербургского Комитета РСДРП. Со страниц газеты Зиновьев выступал в поддержку «Апрельских тезисов» Ленина, отвечал на вопросы рабочих, помещал статьи, разъясняющие большевистское понимание смысла войны, братания на фронте, положения во 2-м Интернационале, отношение большевиков к Временному правительству⁴.

Интересно отметить, что в апреле 1917 г. активно шел процесс создания Красной Гвардии. Важную роль в этом сыграли публикации в газете «Правда». А вооружить красногвардейцев Петрограда помог Сестрорецкий Оружейный Завод.

С 3 по 24 июня 1917 года в Петрограде проводился Первый Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. Зиновьев был его участником.

Утром 3 июля Зиновьев, услышав о провале наступления русских войск на фронте и отставке министров-кадетов, направился в Таврический дворец на объединённое заседа-

4. См.: Газета «Правда». N 1- 227. 1917. Выпуск II. Прибой. Ленинград // ИСТОрические МАТериалы. [Электронный ресурс]. URL: http://istmat.info/files/uploads/28027/pravda_1917_god_vypusk_2_nono_23-45.pdf

В.И. Ленин, Н.И. Бухарин, Г.Е. Зиновьев

ние бюро ВЦИК, Всероссийского Совета РСД и бюро Исполкома Советов крестьянских депутатов. На заседании он узнал, что 1-й пулемётный полк, рабочие «Треугольника» и Путиловского завода собрались выйти на улицы с требованием, чтобы Советы взяли власть. Большевики в этот момент были против вооруженного выступления, считая, что в армии и провинции политический кризис еще не назрел, и Петроград не получит поддержки. Но удержать солдат и рабочих от выступления оказалось уже невозможно. Поэтому ЦК РСДРП(б) совместно с Петроградским комитетом партии постановили возглавить движение, придав ему организованный мирный характер.

На экстренном заседании Рабочей секции Петроградского Совета РСД Зиновьев выступил с докладом, после которого секция большинством в 276 голосов против 100 высказалась за переход власти к Советам и выбрала бюро для контактов с исполкомом Петроградского Совета и ВЦИК, призвав своих остальных членов отправиться в районы, чтобы проводить там принятые решения.

Почти весь день 4 июля Зиновьев провёл в Таврическом дворце, к которому шли колонны рабочих, матросов и солдат от особняка Кшесинской, где их приветствовал Ленин. Зиновьев, выступая несколько раз, говорил, что Петроградский Совет и ВЦИК уважают волю рабочих и крестьян, требующих передать всю власть Советам, но предостерегал от принятия боя на улицах, так как это было бы выгодно только буржуазии, призывал расходиться мирно по казармам и заводам, возобновить работу на фабриках и заводах, не давая себя провоцировать ни на один выстрел.

На объединённом заседании ВЦИК Советов РСД и Исполкома Всероссийского Совета крестьянских депутатов, возражая меньшевикам и эсерам, ссылавшимся на решение 1-го Всероссийского съезда Советов РСД поддержать коалиционное правительство, Зиновьев подчеркнул, что съезд не давал зарок никогда не брать власть в свои руки.

Утром 5 июля, узнав о разгроме юнкерами «Правды», Г.Е. Зиновьев вместе с Л.Б. Каменевым добивались, чтобы был освобождён задержанный номер газеты, в котором опубликовано воззвание о прекращении демонстрации, вели переговоры о возобновлении выхода «Правды», но ничего не добились.

6 июля Временное правительство издало приказ об аресте более 40 видных деятелей большевистской партии. 7 июля Зиновьев на квартире С.Я. Аллилуева узнал о решении Временного правительства арестовать и предать суду его самого, Ленина и Каменева, обвинённых в попытке свергнуть Временное правительство. С пришедшим сюда же Лениным они поначалу хотели явиться на суд и послали сказать об этом Каменеву. Вечером И.В. Сталин, Г.К. Орджоникидзе и Е.Д. Стасова удержали их от этого шага.

До 9 июля Ленин и Зиновьев скрывались в Петрограде, а в ночь с 9 на 10 июля переехали к озеру Сестрорецкий Разлив. Поселились они у рабочего Сестрорецкого оружейного завода Н.А. Емельянова. На чердаке сарая Николай Александрович устроил для них постель, поставил дощатый стол и два стула. Через несколько дней в посёлке появились полицейские. Это послужило причиной перебраться под видом финских косцов на другую сторону Разлива, в шалаш из ветвей, покрытых сеном, устроенный для них Емельяновым. Сын Емельянова Кондратий приносил Ленину и Зиновьеву продукты и свежие газеты. Была договоренность, что при виде посторонних Кондратий будет свистеть, подражая птице. Ле-

нин и Зиновьев прожили вместе в шалаше до 8 августа.

Из всего вышесказанного, можно сделать однозначный вывод: Ленин и Зиновьев оказались в Разливе вместе не случайно. Как уже упоминалось, приказ Временного правительства об аресте содержал 40 фамилий. Но Владимир Ильич выбирает себе в попутчики именно Григория Зиновьева. Объясняется это тем, что помимо совместной политической деятельности за 14 лет общения их уже связала личная дружба. Зиновьев был, пожалуй,

единственным человеком, который называл Ленина просто Володей, а тот его - Григорием. Они обращались друг к другу на «ты», что в ленинском окружении было довольно редким явлением. Ленин высоко ценил и деловые качества Зиновьева, считал его одним из виднейших теоретиков партии. Именно этим и объясняется их совместное появление в Разливе.

С 26 июля по 3 августа в Петрограде полулегально проходил Шестой съезд РСДРП(б). Ленин и Зиновьев, которые не могли лично присутствовать на съезде, были, тем не менее, включены в состав почетного президиума. На общей фотографии их фото помещены на фоне изображения шалаша, что еще раз подтверждает, что они скрывались вдвоем. На съезде состоялись выборы в Центральный Комитет. Всего в ЦК был избран 21 человек. Владимир Ильич набрал наибольшее число голосов. Вторым по количеству голосов шел Григорий Евсеевич. Он получил 132 голоса из 134, всего на один голос меньше, чем Ленин.

В начале августа сенокос в Разливе закончился. Оставаться здесь дольше под видом косцов было опасно. Это могло вызвать подозрения. К тому же зачастили дожди, стало холодно. Поэтому ЦК партии решил переправить Владимира Ильича в Финляндию. Но сначала нужно было доставить его в Петроград. В ночь с 8 на 9 августа В.И. Ленин в сопровождении Н.А. Емельянова, Эйно Рахьи и А. Шотмана вышел на станцию Дибуны. Емельянова задержала охрана, а остальные уже на ходу вскочили в последний вагон дачного поезда и доехали до станции Удельная.

В небольшом деревянном доме на Выборгской стороне (Ярославский проспект, д. 11⁵), в квартире Эмиля Георгиевича Кальске, рабочего завода «Айваз» («Светлана»), его уже ждали хозяева и жена Э.А. Рахьи – Л.П. Парвиайнен, которая впустила гостей по условному сигналу.

Квартира эта была выбрана не случайно. Глухая, грязная улица находилась всего в километре от станции, дом хорошо укрыт деревьями и кустами, а хозяин квартиры Э.Г. Кальске – надежный рабочий-металлист. Кальске и его жена радушно встретили гостей, хотя и понимали, какому риску себя подвергают.

Владимир Ильич оставался здесь

Дом в Петрограде по Выборгскому шоссе, 36 (ныне – Ярославский проспект, 11), где В.И. Ленин скрывался в 1917 г.

Э.Г. Кальске

5. Дом не сохранился. В 2005 г был снесен.

остаток ночи и весь следующий день — 9 августа 1917 г. А поздно вечером финский социал-демократ, машинист Гуго Эрикович Ялава конспиративно, под видом кочегара на паровозе, увез Ленина в Финляндию.

Достоверно неизвестно, сопровождал ли Ленина из Разлива в Петроград и Зиновьев. Но известно, что Зиновьев также вернулся в Петроград в первых числах августа, и в течение некоторого времени скрывался в квартире Кальске.

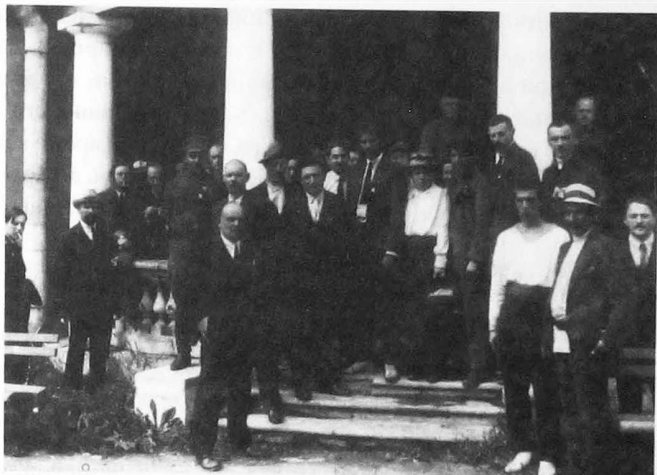
С октября по ноябрь 1917 г Зиновьев был членом Политбюро ЦК РСДРП(б). В октябре между Лениным и Зиновьевым появились первые разногласия. Григорий Евсеевич стал позволять себе выступать против мнения Владимира Ильича, демонстрировать свою оппозицию к большинству членов ЦК. Ленин оценивал его действия как предательские, как «неслыханное штрейкбрехерство», называл «дезертиром». Даже ставился вопрос об исключении Зиновьева из партии, что, впрочем, реализовано не было. Ограничились запретом выступать от имени ЦК.

Не смотря на это, вскоре Зиновьеву было разрешено вернуться к политической деятельности. С декабря 1917 г по март 1926 г он являлся председателем Петроградского (с 1924 г — Ленинградского) Совета. В Петрограде на протяжении Гражданской войны также занимал посты председателя Совнаркома Петроградской трудовой коммуны, с мая 1918 г по февраль 1919 г — председателя Совнаркома Союза коммун Северной области и председателя Комитета революционной обороны Петрограда, а также члена Реввоенсовета 7-й армии. С января по март 1918 г.Е. Зиновьев — председатель исполнительного комитета ВЦСПС. С марта 1919 г по март 1921 г был кандидатом в члены Политбюро ЦК РКП(б), затем с марта 1921 г по июль 1926 г — член Политбюро ЦК ВКП(б).

Высокое доверие партии выразилось и в назначении Зиновьева в марте 1919 г председателем исполнительного комитета Коммунистического Интернационала. Его называли «вождём Коминтерна».

Уже после смерти В.И. Ленина, на XIV съезде ВКП(б) Зиновьев, поддержанный Каменевым и ленинградской делегацией, от имени «новой оппозиции» выступил против Сталина и партийного большинства, что стало его большой ошибкой и имело трагические последствия. В 1926 г его отстранили от руководства Ленсоветом и Исполкомом Коминтерна, решением пленума ЦК вывели из Политбюро. В 1927 г Зиновьева вывели также из Центрального Комитета. В 1932 г за недоносительство в связи с делом «Союза марксистов-ленинцев» Зиновьева арестовали. Особым совещанием при Объединенном государственном политическом управлении был осуждён на 4 года ссылки и выслан в Кустанай.

16 декабря 1934 года Зиновьев вновь арестован, исключён из партии и вскоре осуждён на 10 лет тюрьмы по сфабрикованному делу «Московского центра». 24 августа 1936 года Зиновьев был приговорён к исключительной мере наказания по делу Антисоветского объединённого троцкистско-зиновьевского центра. Ночью 26 августа в Москве в здании Военной коллегии Верховного Суда СССР Григорий Евсеевич Зиновьев был расстрелян.

В.И. Ленин и Г.Е. Зиновьев среди делегатов 2-го Конгресса Коминтерна в Петрограде. 1920 г.

Оппозиционные выступления Зиновьева и последовавшие за этим репрессивные меры по отношению к нему, объявление его «врагом народа», и стали причиной того, что в дальнейшем при освещении революционных событий его имя старались не упоминать. Были уничтожены архивные документы, подтверждавшие его активное сотрудничество в В.И. Лениным. Поэтому и не удивительно, что долгое время замалчивался тот факт, что в своем последнем подполье в Разливе Ильич был не один, а с Григорием Зиновьевым.

13 июля 1988 года Г.Е. Зиновьев реабилитирован Пленумом Верховного Суда СССР.

Литература:

1. Васецкий Н.А. Г.Е. Зиновьев: взлеты и падения. // Исторические портреты. – М.: Просвещение, 1993. – 319 с.
2. Васецкий Н. А. Г.Е. Зиновьев: страницы жизни и политической деятельности; Новая и новейшая история. — 1989. — № 4. — С. 111–139.
3. Васецкий Н. А. Г.Е. Зиновьев: страницы политической биографии. — М.: Знание. 1989. — 64 с. — (Новое в жизни, науке, технике. Серия «История и политика КПСС»; № 6).
4. Васецкий Н. А. Ликвидация. Сталин, Троцкий, Зиновьев: фрагменты политических судеб. — М.: Московский рабочий, 1989. — 204 с.
5. Зиновьев Г.Е. История Российской Коммунистической партии (большевиков). М., 1924.
6. Зиновьев Г.Е. Ленинизм. Л., 1925.
7. Зиновьев Г.Е. Сочинения. М., 1929.
8. Зиновьев Г.Е. Ульянов (Ленин). Л., 1924.

Ресурсы Интернет:

1. Альбом по истории ВКП(б) // LiveInternet. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.liveinternet.ru/users/bo4kameda/post367465264/> (дата обращения: 30.07.2016)
2. Газета «Правда». № 1- 227. 1917. Выпуск II. Прибой. Ленинград // ИСТОРИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ. [Электронный ресурс]. URL: http://istmat.info/files/uploads/28027/pravda_1917_god_vyupusk_2_popo_23-45.pdf (дата обращения: 27.07.2016)
3. Зиновьев Григорий Евсеевич // Российская Портретная Галерея. Энциклопедия известных людей в фотографиях. [Электронный ресурс]. URL: http://all-photo.ru/portret/zinoviev_ge/index.ru.html?kk=94d08daf0a (дата обращения: 18.07.2016)
4. Зиновьев Григорий Евсеевич // Русская историческая библиотека. [Электронный ресурс]. <http://rushist.com/index.php/russia/3416-zinovev-grigorij-evseevich> (дата обращения: 18.07.2016)
5. Зиновьев Григорий Евсеевич // Свободная энциклопедия Википедия. [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Зиновьев,_Григорий_Евсеевич (дата обращения: 31.07.2016)
6. Зиновьев Григорий Евсеевич // Универсальная энциклопедия. [Электронный ресурс]. URL: <http://unienc.ru/w/ru/903663-zinovuев-grigoryu-yevseyevich.html> (дата обращения: 18.07.2016)
7. Зиновьев Григорий Евсеевич // Хронос. [Электронный ресурс]. URL: http://hrono.info/biograf/bio_z/zinoviev_ge.php (дата обращения: 18.07.2016)
8. Медведев Рой. К суду истории. О Сталине и сталинизме // Электронная библиотека. URL: <http://detectivebooks.ru/book/29705298/> (дата обращения: 18.07.2016)
9. Рупасов Александр. Петроград на переломе эпох. Город и его жители в годы революции и Гражданской войны // [Электронная библиотека bookz.ru]. URL: http://bookz.ru/authors/aleksandr-rupasov/petrogra_382/page-5-petrogra_382.html (дата обращения: 18.07.2016)

КОЛОТОВА Ирина Николаевна,
директор МБУК «Приморский краеведческий музей»

ФИНСКИЙ РЫБАЦКИЙ КОЙВИСТО

Сельская волость Койвисто входила в Береговой уезд Выборгской губернии. Территория волости занимала полуостровное положение. В церковном отношении волость входила в приход Койвисто.

В границах прихода располагались Койвисто кауппала - поселок Койвисто, включая Тervaхарттиала (совр. Пляжная улица) и Пенттиля (совр. Карасевка), деревни и хутора, расположенные на полуострове Киперорт (совр. Кузнечный) - Куркела, Киискиля, Ватнуори (д. Моряково в современное время не существует), Хярякяля (совр. Годуновка), Путус (совр. Вязы), Маннола (совр. Манола), Макслахти (совр. Прибылово), Ромпетти (совр. Глебычево), несколько деревень в районе Раутанен (совр. Зайчихино), 15 хуторов в районе Хумалийоки (совр. Ермилово), а также деревни и хутора на островах: на Койвусаари - Бьерке (совр. о. Большой Березовый) - Эстиля, Ингертиля, Яккола, Патала, Хуттола, Сааренпяя, на Тиуринсаари (совр. Западный Березовый) -

Церковная деревня в Койвисто

Койвисто, 20е годы 20в.

Ванхакюля (Старая деревня) и Партиала (не существуют), на Пийсаари (Северный Березовый) - Кескисаари, Алватти, Киурлахти и Соукка (все деревни утрачены).

На 1939 год приход насчитывал порядка 11933 жителей, из них в поселке Койвисто проживало 2 469.

С 30.10.1925 года поселок Койвисто выделен в самостоятельную административную единицу указом, который гласил «Согласно министерства внутренних дел выделить поселок Каттерлахти, а так же дома деревни Тервахартиала под номерами 1,2, 4, 5, 7 и 8 в отдельную общину под названием «Койвисто» 1 января 1927 года».

Во время шведского владычества король Густав II Адольф проектировал здесь постройку города, но проект остался неосуществленным.

Королева Кристина, унаследовавшая трон от своего отца Густава Адольфа, подарила в 1650 году Койвисто генералу Гансу Вахмейстеру в качестве баронских земель. В 1681 году во время правления Карла XI баронство Койвисто было упразднено.

30.07.1720 русский вице-адмирал Корнелиус Крюйс с супругой получил в пожизненное пользование земли, включающие в себя в соответствии с поземельной книгой 1728 года 76 имений на материке Койвисто, 23 имения на острове Пииспансаари и 66 имений в Выборгской волости. После смерти вдовы Крюйса имения находились во владении оружейного завода Райяйоки (Сестрорецк) до 1772 года. Земельный налог за имения платила государственная казна, оружейному заводу принадлежала только рабочая сила. В 1772 году крестьяне материковой части Койвисто и острова Пииспансаари были освобождены от принудительной службы на оружейном заводе.

В 1798 году часть имений волости Койвисто стала относиться к стекольному заводу Роккола. В 1817 году эти имения были возвращены казне.

К началу XIX века в Койвисто проживают в основном финны, встречаются шведские и реже русские семьи.

В поселке - железнодорожный и автобусный вокзалы, телеграфная станция, почта, таможня, полиция, лоцманская станция, аптека и больница, гимназия, 2 народные школы, правление сельской общины, культурный центр, коммунальное хозяйство, Сберегательный (Saastopankki) и Народный акционерный (Kansallis Osake Pankki) банки, вино-водочная компания, консервный завод, несколько лесопилок, рестораны и кафе и множество магазинов: хлебный, мясной, рыбный, кондитерский, шляпный и текстильный, промтоварный магазин и магазин готовой одежды, торговые залы в районе вокзала.

Работу жителям Койвисто давало море. Рыбу ловили круглый год. В округе Койвисто сложились традиционные для этих мест способы ловли рыбы, особенно салаки.

Для ловли рыбы применялась сеть размером метров 500, у которой два рукава метров по 200 и кошель. Сеть предварительно разбирали на берегу, аккуратно складывали в лодку, один

Летний и зимний лов рыбы

конец снасти привязывали к вороту на берегу. Затем 2 рыбака с лодки опускали сеть в воду. Описывая полукруг по заливу, рыбаки возвращались на берег, крепили ко второму вороту другой конец снасти и начинали тянуть сеть, пока она вся не окажется на суше. Осенью этим же способом традиционно ловили рыбу «по холодной воде».

Зимой широко применялся подледный лов рыбы. Зимний промысел был намного обильнее летнего рыболовства, так как зимой и рыбаков было больше, и улов сохранялся лучше. Ватага рыбаков уезжала на лед в отдаленные районы Финского залива на несколько недель, за десятки километров от родных деревень. Жили в небольшой будочке - времянке, которую доставляли к месту лова рыбы на санях, отсюда и название «будочный рыболовный промысел». По площади времянки были не более 4-5 кв. метров, в них обычно ночевало от двух до четырех человек. Небольшой очаг давал лишь кратковременное тепло - рыбаков спали одетыми и обутыми. В лютый мороз им приходилось время от времени просыпаться, чтобы протапливать печь. На очаге готовили еду, кофе и чай. С собой у рыбаков были продукты из дома – хлеб, сливочное масло, сало. Свежую салаку, выловленную в море, поджаривали вместе с полосками сала – это было отменное блюдо!

Необходимую пресную воду рыбаки вытапливали из морского льда. Его добывали, выламывая ломом глыбы льда, и оставляли их на поверхности. Мороз и ветер «выпаривали» из них соль.

Извозчики привозили на лед снасти и дрова, и обычно увозили улов на побережье. Извозчики, перевозящие улов, всегда пользовались одним и тем же маршрутом. Если вьюга засыпала следы на льду, извозчик опускал поводья, позволяя лошади самой находить дорогу.

Зачастую за уловом приезжали оптовые скупщики и покупали рыбу прямо со льда. А рыбаки продолжали ловить рыбу до самой весны.

Рыбная ловля на льду – это тяжелая и изнурительная работа, намного более сложная и суровая, чем ловля в любое другое время года. Рыболовам приходилось проводить много часов на льду, доставая рыбу из сетей. Натянув полотнище на деревянные палки, они укрывались от студеного ветра. Замерзающие, леденеющие руки рыбаки время от времени смачивали водой в проруби.

Зимняя рыбная ловля была опасным промыслом, так как сильный ветер и мороз образовывали на льду полыньи. Бывали случаи, когда рыбаки с времянками и лошадьми вынуждены были долго дрейфовать на льдинах. И только случай помогал выжить!

Ежегодная добыча рыбы достигала 140-180 тыс. тонн в год – 4/5 его составляла салака.

На экспозиции музея можно увидеть разные принадлежности для лова рыбы: блесны и крючки, для сетей - грузила и поплавки из бересты, иглу для починки сетей. Наиболее разнообразны в выставке грузила. Самое старое из них, это камень, оплетенный берестой (XV в). Встречаются и камни, с просверленными для крепления отверстиями, более поздние и часто встречаемые керамические грузила.

Нерна

Рыбу перерабатывали здесь же в Койвисто. В 1907 году в Койвисто на побережье и островах существовало несколько небольших коптилен и консервный завод.

Продавали свежую и копченую рыбу на местных рынках (Выборг, Котка, Петербург), а так же вывозили в государства Европы и даже в Америку. Салака из Койвисто была необычно вкусна и пользовалась хорошим спросом. И когда рыбаки привозили ее на рынок, то зазывали покупателей обычно таким приговором:

«Покупайте салаку!

Самую лучшую салаку –

Салаку из Койвисто!»

Покупали ее на «ура»!

Совсем не случайно в музее «обитает» игрушка - де-

теныш кольчатой нерпы.

Кроме рыболовства койвистовцы охотились на тюленей, четыре вида которых в описанные времена обитало в Финском заливе. Тюлени приносили большой урон рыбакам – съедали рыбу из сетей. Поэтому на них была разрешена охота и в результате, сегодня в районе Березовых островов сохранился всего один вид – балтийская кольчатая нерпа, которая обитала и обитает сейчас в районе островов Березового архипелага. На тюленей охотились для добычи жира. Жир нерпы подобен рыбьему жиру. Во времена поста корабли из Койвисто вывозили сотни бочек с жиром нерпы в европейские страны. А из шкурок зверька шили непромокаемую одежду для рыбаков и охотников.

В качестве кораблестроителей жители Койвисто заслужили самые высокие отзывы. Прославились они умением строить хорошие лодки и корабли. Такие мастерские находились в Хумалийоки и в деревне Киискиля (хозяин М. Пелтонен).

В Хумалийоки (Ермилово) и на острове Койвусаари (Б. Березовый) в деревне Эстиля были две крупные верфи, со стапелей которых сходили 3-х-мачтовые красавцы - корабли: «Койвисто», «Венус», «Бьерко», «Иоганнес» и многие другие. Суда имели необычную форму днища, что придавало им небывалую устойчивость на воде, и кораблям покорялись океанские глубины. Наивысший расцвет судостроения в Койвисто был накануне 1-ой Мировой войны. Перебазировавшись после войны из Койвисто в Раума АО «Холлминг» продолжает и сейчас строить суда.

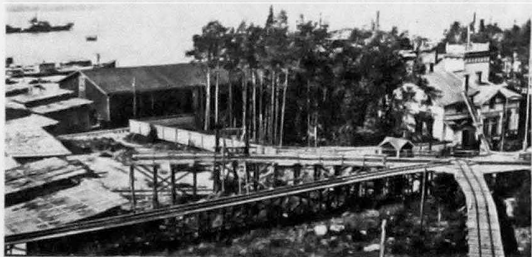
Еще в XVII в. койвистовцы владели почти четвертью финского торгового флота. Шкиперы из Койвисто бороздили водные просторы от Ладоги и Северного залива до Риги и Германии. Из Койвисто везли зерно, лес и пиломатериалы, деготь и мех. В больших количествах вывозили из Койвисто рыбу. При возвращении везли соль и известь. В XVIII в. в строящийся Петербург койвистовцы на своих судах везли бревна, камни и песок.

В Финском Койвисто - множество причалов, куда приставали лодки, катера, яхты. С церковного причала морским транспортом можно было добраться до любого из островов Березового архипелага, а также в Вийпури (Выборг), Уурас (Высоцк), Ремпетти и в Петербург. При чем, пароходом из Выборга в Койвисто добирались за 3 часа 45 минут.

Перевозками в Койвисто занималось не-

Со стапелей Койвисто

Порт, компания Питкяранта

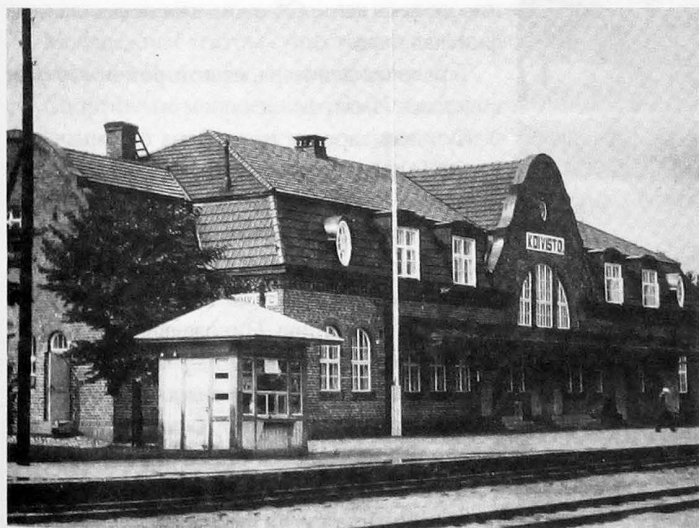
Портовые сооружения в Койвисто

Финляндии и, очевидно, имел самый большой в стране пристанционный участок пути. Государство построило в 1924 году две пристани: Главную каменную и деревянную для «Суурсаари». Остальные грузовые причалы построили частные фирмы, например, АО «Питкяранта».

Первоначально порт находился в распоряжении управления железных дорог, но в 1927 году он перешел в управление по мореходству. По предложению государственного портового комитета его площадь была расширена, и были проведены насыпные работы, облегчающую погрузку пиломатериалов. Также в порту был назначен капитан порта и установлен порядок его работы. Порт стал центром, вокруг которого сосредоточилось развитие поселка Койвисто.

Огромный объем экспорта леса и пиломатериалов из ладожской Карелии и со всего Карельского перешейка обслуживался портом Койвисто, а так же импорт каменного угля и товаров различных промышленных предприятий проходил через этот порт. Компания «Питкяранта Оу» (Disen Wood), занимавшаяся экспортом пиломатериалов, привозила их в Койвисто из Питкяранта по железной дороге или по водной системе реки Невы и Саймы через Сайменский канал.

Заготовка древесины, ее переработка и продажа пиломатериалов также приносили жителям Койвисто большой доход. Лесопилки располагались по всему побережью: в Хумалийоки и Макслаhti, на мысу Кирккониemi (Светлый) в Койвисто были расположены 3

Железнодорожный вокзал в Койвисто

сколько пароходных компаний. Конкуренция между ними была очень большой, так что рейсов было несколько десятков и интервалы между ними были небольшими. С интервалом в четверть часа отходили суда на Выборг или ближайшие острова.

Удобная гавань, защищенная островами, рядом с оживленным торговым путем в Петербург и далее к Неве способствовало тому, что в 1896 году в Койвисто началось строительство государственного порта. О порте в Койвисто следует сказать особо, поскольку он был вторым портом

крупные лесопилки и склады фирмы Холминг, а также небольшие пилорамы семей Курки, Айроли и Франца Койвисто. Пиломатериалы складировались в порту, затем на судах отправлялись за границу, в том числе Англию и Данию.

В волости Койвисто имелось и второе место загрузки леса, которое было известно еще задолго до строительства железной дороги Выборг – Койвисто. Это гавань в Макслаhti (точнее Ремпети), которая была самой большую в

стране гаванью по вывозу круглого лесоматериала.

Железнодорожное сообщение с Терийоки (Зеленогорск) было открыто в 1916 году и Выборг – Койвисто в 1926 году. Койвисто стал крупным транспортным узлом. В 1925 году было построено и 2х-этажное кирпичное здание вокзала со станционными постройками. К сожалению, в период советско - финляндской войны здание вокзала было разрушено во время бомбежек.

Поскольку железнодорожная станция находилась не так близко от поселка – в 2 км, – а поезд и автобус до Выборга ходили с одинаковой скоростью, пассажиры отдавали предпочтение автобусным перевозкам. Время автобуса в пути – 1 час 15 минут.

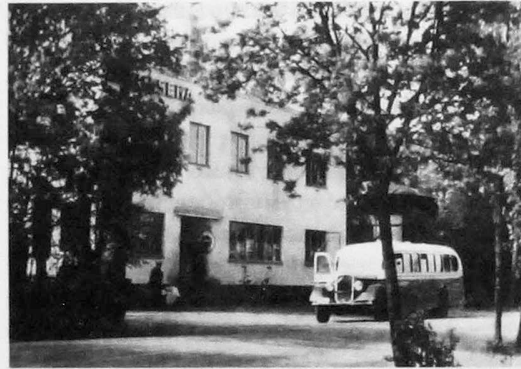
В 1928 году Тойво Томмола основал компанию по междугородным перевозкам «Койвисто Авто Оу». В 1931 году Т. Томмола приобрел две кабины автомобилей «Форд» с рамами, к ним пристроили салоны на 16 человек.

Автобусом компании «Койвисто Авто Оу» можно было доехать до Куолемярви, Вийпури, Мурила (Высокое), Иоганнес (Советский) и Куоккала (Мальшево), а с 1938 года открылась линия до Кивеннапа (Поляны) и Ватнуори (Моряково).

В 1935 году компания построила в Койвисто автобусный вокзал. В нем был ресторан второго класса, небольшая гостиница, а также ремонтные мастерские компании. Вокзал располагался справа от поселкового магазинчика (нынешнее кафе «Каламбур», примерно на месте современного здания «Выборгбанка»).

На выставке можно увидеть фотографии: семья Т. Томмола, автовокзал, расценки на проезд и, найденный мальчишками, уникальный фирменный знак компании «Койвисто Авто Оу». Сегодня автобусы фирмы «Койвисто Авто Оу» можно встретить как в Финляндии, так и в Выборге.

С помощью приморчан нам удалось собрать небольшую коллекцию кухонной утвари и посуды. Удивляют стеклянные банки для круп, подаренные музеем Т. Михницкой. Эти банки из

Здание автовокзала

Здание банка

довоенного финского Койвисто закрывались - закручивались металлическими крышками, с которыми мы познакомились лишь в 70-х годах.

Необычная чашечка с веселой мордашкой - оказывается не для питья кофе! В ней мужчины сбивали пену для бритья. В тоже время веселая мордашка задавала хорошее настроение на весь день. Об этом нам поведала одна финская пара.

Тарелочка для сыра, на которой изображен водопад в Иматра.

Суповая тарелка из сервиза фирмы «Ара-бия». На тарелке изображена целая сюжетная картинка: работающая мельница, на заднем плане – кирха, и лодочка с рыбаками – на переднем плане. Конечно, этой тарелкой пользовалась финская семья. А нам ее подарила Данилова Антонина Николаевна. Она приехала в Койвисто в 1944 году как инструктор по переселению. Жила она с подружкой в общежитии, жили бедно. В хозяйстве – две ложки и кастрюля, ни одной тарелки! По талону, полученному в горисполкоме Койвисто, подружки приобрели по тарелке в магазине (современное кафе «Каламбур»), куда соби-

рали все вещи и предметы из домов, оставленных финскими жителями. Эта тарелка, пусть и с трещиной, напоминала Антонине Николаевне о ее молодости. С грустью расставалась она с тарелкой. Давно ушла из жизни Антонина Николаевна, а у нас в музее есть такой великолепный экспонат и его история.

Что за необычные чайники с «юбочками» в нашей экспозиции! Чайники для кипячения воды на печке типа «голландка». Вы снимаете пару кружков с плиты и ставите туда чайник. Чайник держится на «юбочке», а почти 2 см его опускаются ниже плиты ближе к огню, тем самым ускоряя закипание воды. А на носике – крышечка, которая будет звенеть, сообщая вам, что чайник закипел.

В коллекции стеклянных бутылок, что хранятся в нашем музее, можно увидеть разнообразные бутылки из-под вина и лимонада, из-под мясного соуса, пивные бутылки разной формы с керамическими крышками Выборгского пивного завода.

Во второй половине 19 века в Финляндии начали основываться народные школы. Сеть их увеличивалась, и к концу 30-х годов XX в. в большинстве деревень прихода Койвисто имелись свои народные школы, дававшие начальное или 7-летнее образование. Школы были открыты в поселке Койвисто, Макслахти, Раутанен, Хумалийоки, в деревнях на островах - Эстиля, Ингертиля, Тиуринсаари, Ванхакуля, Партиала, а так же в деревнях на полуострове Киперорт (Кузнечный): Маннола, Куркела, Киискиля (Орлино) и другие. Наряду с народными существовали школы, открытые при церквях. При некоторых школах были открыты интернаты - дети из дальних деревень могли оставаться здесь на неделю. В Раутанен (Зайчихино) был открыт Детский дом.

В 1921 году в Койвисто-поселке открылась гимназия. На 1930 год в школах обучалось 1570 учащихся, а в 1939 году - 1770.

В 1907 -1908 годах в Койвисто открылась и сделала первый выпуск 25 человек Школа морских капитанов. За 11 лет Школа выпустила 156 человек. Преподавали в Школе Фредерик Вильгельм Нуроос и Карл Август Ахто - в прошлом капитаны с большим морским стажем.

Для обучения молодых девушек домоводству повсеместно создавались отделения женского общества «Мартта», а позднее - отделения Союза женщин Финляндии. Эти организации стремились с помощью курсов, лекций, выставок воспитать умелых хозяек и вырастить работающих, активных людей.

Все общественные организации, а так же просветительские учреждения имели собственные дома, построенные с помощью и на средства жителей тех деревень, где они располагались.

Молодежные театры существовали в Макслахти, Хумалийоки, и в Куркела. В Алвати (Южная деревня) на Пийсаари - певческие хоры.

Спортивные молодежные общества были основаны почти в каждой деревне: женская команда гимнасток - в Раутанен, мужская команда гимнастов - в Койвисто. Молодежные общества были организаторами всевозможных соревнований: заездов на велосипедах, различных соревнований бегунов (кросс, марафон, эстафета), волостных соревнований добровольных пожарных дружин, лыжных стартов.

В каждой деревне была своя небольшая церковь или молельный дом. На праздничные мессы вся округа съезжалась в Койвисто в кирху, чтобы послушать орган и полюбоваться великолепными витражами.

На такие собрания прихожане обычно принаряжались, и то тут, то там мелькали, вынутые по случаю праздника из сундуков, старинные нарядные костюмы местности Койвисто.

Такой костюм представлен и в выставке нашего музея. Женский костюм - *koiviston kansallisrikko* является жемчужиной коллекции «Финский Койвисто». Костюм подарили обществу «Приморск - Койвисто» друзья из Финляндии: члены общественных организаций «Койвисто» и «Российско-Финская дружба». Выполнила костюм мастерица Рая Торккели.

Среди бытовых предметов следует обратить внимание на найденную на одном из островов

дверную табличку «Omni Patonen». Несколько лет назад в музей пришел финский турист, и сказал, что его дядя Omni Patonen жил на острове Большой березовый.

Курительные принадлежности: наиболее старые кусочки трубок для табака дошли до нас с петровских времен, пачку из-под сигарет «Saima» нашли на чердаке кирхи, разнообразные пельницы удивительных форм.

На выставке есть детские игрушки и женские украшения.

Медицинская посуда. Среди нее удивляют притертые крышки для медицинских флакончиков. Крышечки напоминают головы ушастых зайчат. По одной и другой стороне крышки – ложбинка – и, не открывая флакончика, можно накапать нужное количество капель!

А еще на выставке есть небольшой тюбик из-под мази с надписью «Koiviston Apteek, Apoteket Viërko». Мазь изготовили и продали в аптеке, которая находилась на месте, где сейчас расположен магазин «София». Несколько лет назад музей посетили родственники хозяина аптеки. Они были очень рады увидеть этот тюбик на выставке. А нам подарили план дома, где располагалась аптека. Оказывается, в одной половине дома семья жила, а в другой располагалась аптека.

На выставке представлена женская блузка. Интересна не сама блузка, а пуговицы, пришитые на нее. Блузку подарила музею Каарина Тервехартиала. Она родилась в Койвисто в 1924 году, в 1939 г. окончила церковную школу. На выпускном вечере на ее платье были эти самые пуговицы. В память о Койвисто она пришила их на блузку, и в каждый свой визит в Приморск одевала блузку. Однажды, она рассказала нам эту трогательную историю, и по нашей просьбе – подарила блузку музею.

После военных событий 1939-1940 гг., а затем и 1941-1944 гг. жители Койвисто - финны были эвакуированы и расселены в 13 приходов Финляндии: Порвоо, Хамина, Турку, Мянсяля, Лахти, Кархула, Раума, Коуволла, Хельсинки, Аскола, Сало, Тампере, Пернио.

В 1948 году было организовано финское общество «Койвисто» бывших жителей этих мест - финнов. Приморчан связывают с ними теплые дружеские отношения.

Литература

1. Березовское - Бьерке - Койвисто - Приморск. - С-П: ИПК «ВЕСТИ», 1998.
2. Балашов Е.А. Карельский перешеек: Земля неизведанная. ч.5. Западный сектор: Койвисто(Приморск).-С-П:КультИнформПресс, 2002.
3. Прибалтийско-финские народы. История и судьбы родственных народов.- Ювяскюля: «Атена», 1995.
4. Тойво Тикка. Рёмпётти. Портовая деревня в волости Койвисто. Историческое исследование и воспоминания о деревне Рёмпётти, относившейся к волости Койвисто. Перевод с финского языка Дмитриевой Н.В. 2011.
5. Koivisto - Porvoo: Koivikko-Saatio, 1953.

«НАСТОЯЩЕЕ ПРОШЛОЕ»

*ЛАПИЦКАЯ Елена Олеговна,
продюсер, главный редактор
Сестрорецкого кабельного телевидения.*

«НАСТОЯЩЕЕ ПРОШЛОЕ». НАЧАЛО

*«Лучше поздно, чем никогда,
а еще лучше - пока не поздно...»*

«Известно ли вам, кто такой Всеволод Бобров? Совсем не знаете?! А вы?.. Тоже не в курсе?.. Ну, подождите, как же так? Ах, даже никогда не слышали...» - так складывался разговор с прохожими на улице Володарского, когда я вышла с диктофоном, чтобы сделать опрос для статьи. Память о нашем легендарном земляке растаяла, испарилась...

Потом была поднята на крыло целая кампания по увековечению памяти великого спортсмена: очерки в газетах, создание памятника, музея - и теперь с трудом можно отыскать человека, который «не в курсе»: даже маленькие дети в Сестрорецке знают, кто такой «Шаляпин русского футбола, Гагарин шайбы на Руси».

Оказывается, история - очень хрупкая штука... Вовремя не запечатлей - и пропадет, исчезнет, утечет сквозь пальцы...

Придя работать на местное телевидение, я сразу предложила руководству передачу, которая стала бы видео-архивом истории Курортного района - ведь интереснейшие события происходили в этих краях, а сколько великих имен украсили собой прошлое этих мест! И в большинстве своем это люди с мировой известностью: Анна Ахматова, Михаил Зощенко, Дмитрий Шостакович, братья Стругацкие, Иосиф Бродский...

Каждому журналисту хочется оставить после себя что-то нетленное. «Вот умру, - думала я, - а диски с передачами столетиями будут храниться в каждой библиотеке, и в интернете можно будет посмотреть фильмы - и об актерских посиделках на даче Боярских, и о фантастической истории женитьбы Сергея Мосина, и о прогулках семьи Корнея Чуковского по берегу залива...».

Не прошло и трех лет, как руководство телеканала дало отмашку, и можно было начинать. Вдохновенно потирая руки, я как продюсер проекта стала выстраивать стиливую концепцию программы... Мой ученик и коллега Сергей Лугин придумал интересную заставку - кто только не снимался в ней!.. И родственники, и друзья, и даже памятники. Помогали и коллеги: Игорь Шприц предоставил для съемок старинные вещи из своей квартиры, а Антон Макаров - самого себя в роли Наблюдателя за временем.

Сей неоднозначный персонаж наделал немало шума и породил массу ассоциаций в сознании зрителей: это был некий человек в черной шляпе, который, вдруг возникая из булькающих просторов интернета, вел беседу из прошлого с нами, настоящими... Он вызывал у

людей столь бурные эмоции, что постепенно пришлось отказаться от этого авангардизма и перейти к более классическим формам. Ну, что ж поделаешь - зрителю виднее...

Но это мы забежали далеко вперед, а ведь в самом начале передо мной стояла неразрешимая проблема — найти сквозного ведущего, лицо программы. Найти - это не совсем верное выражение, точнее было бы сказать - уговорить... По моим представлениям, это могла быть только Ирина Снеговая - уникальный человек, создавший музей в Комарово. Она сама как личность и как профессионал стоит в моем сознании на уровне тех столпов искусства и науки, о которых рассказывает в своих удивительных экскурсиях...

Однако это еще и скромнейший человек. Какие аргументы, какие слова найти, чтобы вымолить согласие стать ведущей нашей программы?.. В конце разговора я сказала, что готова встать на колени — и это было чистой правдой! Ирина Александровна сжалась надо мной и — согласилась...

А дальше были очень интересные съемки. Мы ездили по дачам великих людей, снимали их, в основном, из-за забора - ведь нынче это чья-то частная собственность... На одной из съемок у меня появилась идея-фикс: каждые пять минут я напоминала своим коллегам: «Не забыть снять дачу Шостаковича!» И каждый раз они, смеясь, отвечали мне: «Да мы ее уже сняли!» Видимо, от соприкосновения с великими именами я пребывала в состоянии непрерывного катарсиса, вследствие чего путалась в адресах... Ну, а продюсерское око - оно же всегда начеку, главное — ничего забыть! Когда в конце съемки все дружно обернулись на меня и спросили: «Лена, а когда же мы будем снимать дачу Шостаковича?» — тут уже расхохоталась я...

Удивительное дело — за первые же три месяца существования передача заняла третье место по популярности у телезрителей, уступив только новостям и «Диалогу у озера». Мы ликовали! Но при этом нарастало ощущение, что в стилистике надо что-то менять... Давать больше кинохроники, вводить больше музыки и закадровых текстов — а для этого нужен был автор и режиссер. Через некоторое время им стала Алла Дружинина — моя коллега по многолетней работе на 5-м канале Петербургского телевидения.

*ДРУЖИНИНА Алла Геннадьевна,
режиссёр*

«НАСТОЯЩЕЕ ПРОШЛОЕ». ПРОДОЛЖЕНИЕ

*«И тут появляюсь я -
в белом смокинге и с розой в петлице»...*

Переехав на ПМЖ в Курортный район, я мало что понимала в его истории. В памяти всплывали только два слова: «Сестрорецкий курорт». И то лишь потому, что давным-давно участвовала в фильме об этом санатории: главного героя там сыграл Андрей Ургант, а я была его юная племянница - вся в канапушках, с косицами, а из-под платья выглядели кружевные панталоны.

В общем, маловато, чтобы режиссировать историческую программу. Но с другой стороны — немалый опыт работы на телевидении: на Чапыгина, 6, на ТНТ, на 1-м канале. В голове проносились поговорки типа «глаза боятся, а руки делают», «назвался груздем - полезай в кузов», а сердце замирало от страха...

Однако судьбе всё же было угодно приобщить меня к этой передаче, потому что вскоре состоялась судьбоносная встреча — с Ниной Григорьевой. В тот момент она увлеченно за-

нималась раскопками на даче Леонида Андреева, но главное — она буквально заворожила меня рассказами про Марию Крестовскую...

После восхождения на «Марьину гору» всё переменялось: запульсировало вдохновение, идеи пробивались сквозь сомнения, работа стала удовольствием... Ну, как после этого не верить в то, что Мария Крестовская — крестная мать нашей передачи? Кто-то посмеется, а кто-то меня поймет — правда, лишь тот, кто побывал на «Марьиной горе»...

Один за другим проклюнулись единомышленники и стали превращаться в добрых друзей: создатель Зеленогорского сайта Александр Браво, лидер группы «Старые дачи» Елена Травина, издатель и историк Леонид Амирханов, краеведы Евгений Балашов, Любовь Бронзова, Михаил Логунцов, Татьяна Бородина — директор музея-усадьбы Репина, с ее замечательными сотрудниками — Юрием Балащенко и Людмилой Андрущенко...

Мало-помалу нарисовался список ближайших тем для программы, на что Елена Лапицкая отреагировала: «Отлично. Этого хватит на ближайшие два-три года.» Куда там!.. Копнув поглубже, мы поняли, что работы здесь не на одну «пятилетку».

Оказалось, на территории Карельского перешейка активно действуют краеведческие объединения, проводятся конференции, и, помимо профессионалов, на них съезжается множество неравнодушных людей, которым интересно прошлое этой земли. Настоящее прошлое, а не официальные статистические данные!

К примеру, мало кто слышал о том, что сын Ильи Репина тоже был талантливым художником. Оставшись в свое время за границей, он автоматически стал «врагом» Советской власти, и о его творчестве не знали даже «продвинутые» искусствоведы.

Старательно забывали «несогласных», идущих «не в ногу», выбрасывали из библиотек произведения Лидии Чарской, которая из популярного писателя превратилась в печальную, незаметную бабушку...

Вот почему так важно рассказать о том, что замалчивали официальные издания! Рассказать, пока еще остались следы этих людей на нашей земле. Следов таких становится все меньше: горят уникальные постройки начала 20-го века, до неузнаваемости перестраиваются старинные дачи, вырастают трехметровые заборы вокруг участков, принадлежавших когда-то великим людям, уходят из жизни свидетели событий...

Но тем и интересна программа «Настоящее Прошлое», что приоткрывает завесу тайн и забвения. И судя по всему, передача эта пришлась ко времени: ее смотрят и по телевизору, и в интернете — наша группа «вКонтакте» живет насыщенной жизнью, люди пишут и звонят, предлагая всё новые и новые темы.

А недавно в парке «Дубки» ко мне подошел человек с просьбой пожать мою руку — «ту самую, которая пишет сценарии программы «Настоящее Прошлое»... Пока мужчина источал потоки благодарности и восторга, я лихорадочно пыталась понять — откуда он узнал о моей причастности к проекту?..

Приехав на чашку чая к Лапицкой, я поделилась с ней своими раздумьями. «Ну, что тут непонятного? Ты же в этой передаче лицом работаешь!» — воскликнула она. И правда, я веду эту программу уже довольно долго, и, судя по всему, «слава меня настигла»...

На этой радостной ноте позвольте закончить рассказ о том, как создавалась первая телепередача об истории Курортного района — такого прекрасного и столь богатого яркими талантами...

РОГАЛЕВА *Нина Николаевна,*
краевед

НАГОРНЫЙ БУЛЬВАР КОРНИШ И БЕРЕГОВОЙ УСТУП СЕРОВО

В поселке Ушково хорошо прогуляться не только по берегу залива, но и по уступу. Начнём прогулку от автобусной остановки 6 км / Детский пляж. В автобусе диктор называет эту остановку «улица Ларисы Михеенко». Такой улицы в Ушково не найти, это проектное название, возникшее в 1975 году, когда улицы в посёлке, где много детских здравниц, планировали назвать именами пионеров-героев.

Рядом находится памятник Герою Советского Союза Дмитрию Константиновичу Ушкову¹. Он погиб на Карельском перешейке 13 июня 1944 года, закрыв собой амбразуру вражеского ДЗОТа. Его именем назвали посёлок (в прошлом Тюрисея).

Здесь, на заливе, находится Детский пляж. Его открыли в 1949 году. Для пляжа отвели один из лучших участков. Песчаное побережье тянется на многие километры, а Финский

Памятник Д.К. Ушкову

залив здесь очень похож на море. Вернёмся к намеченному маршруту, и с автобусной остановки «6 км» тропинкой поднимемся на уступ.

Вдоль забора детского санатория «Жемчужина» по краю уступа проходит дорожка. Это нагорный бульвар «Корниш» — приятное место для прогулок. Название Корниш² произошло от фр. *Corniche* — уступ, тянущийся узкой полосой по обрывистому склону гор, круч; дорога, проходящая по

1. Данный памятник — это символическая могила (кенотаф). Д.К. Ушков похоронен на Северном кладбище в Паргалово, центральная дорога, воинская площадка.

2. Во французском языке (в отличие от испанского и итальянского) ударение в отдельном слове падает на последний произносимый слог.

Вид с бульвара Корниш 1913 г.

Бульвар Корниш, 2011 г.

горному склону. Совет по культурному наследию рекомендовал объект ландшафтной архитектуры «Нагорный бульвар Корниш» внести в реестр объектов культурного наследия регионального значения.

Склон в сторону залива очень крут, по его краю во время войны были вырыты окопы, их можно заметить и сейчас. Склон густо зарос, здесь растут сосны, много черёмухи, ландышей. Весной, в белой дымке цветущей черёмухи, он очень красив. Представим, что 100 лет назад с него открывался красивый вид на залив и нижележащую местность, а весь склон в сторону моря предполагалось превратить в парк. По крутому склону к берегу спускалась дорожка. Бульвар тянулся вдоль бровки Литоринового уступа на полторы версты. В кон-

*Дача Роггенгагена_ корпус санатория
Жемчужина фото 1946 г.*

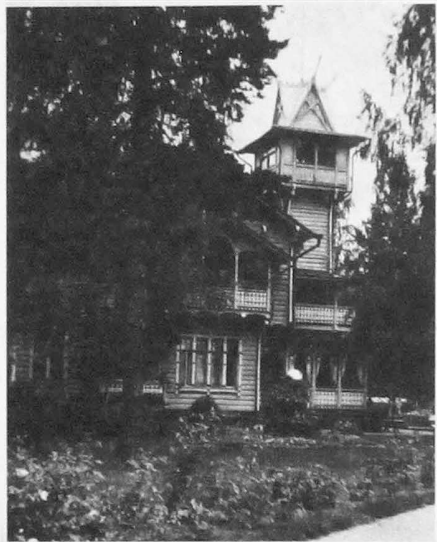
*Дача Ф.А. Корзухина Пляжевая 14,
дача 24-а фото 2006 г.*

це бульвара над обрывом у глубокого оврага, по которому протекает ручей, располагалась площадка со скамейками для отдыха, откуда открывалась красивая панорама. Здесь среди чистого соснового леса, было построено много красивых дач. С 1945 года в этих домах располагается детский туберкулёзный санаторий «Жемчужина».

На краю уступа стояла дача архитектора Эдмонда Густавовича Перримонда. «Своеобразная, похожая на замок с башнями, бетонная вилла Перримонда», - так её описала Э. Кяхёнен в книге «Прежние Терийоки» (дача не сохранилась). Далее дача Роггенгагена Вячеслава Константиновича, который был настоятелем церкви святителя Николая Чудотворца на Выборгской набережной в Петербурге. Фасад этого дома разработан архитектором-художником Георгием Крескентьевичем Лукомским. Здание внесено в список объектов культурного на-

следея по Курортному району Санкт-Петербурга, в настоящее время оно законсервировано.

По соседству стояла дача императорского детского врача Острогорского Сергея Алексеевича. Он один из первых оценил эту местность по достоинству. Почётный лейб-медик Острогорский следил за здоровьем наследника Николая II, царевича Алексея. Он ближайший соратник П.Ф. Лесгафта, был директором высших курсов Лесгафта, и преподавал там в 1913 - 1916 годах «Гигиену детского возраста». Эта дача также не сохранилась.

Дача Глазовых Холм Софии, 1911 г. из архива М. Николаевой

Пройдя немного дальше, увидим дачу архитектора Ф.А. Корзухина. Фёдор Алексеевич Корзухин – потомственный художник. Его отец Алексей Иванович Корзухин — один из самых известных жанровых живописцев XIX века. Подробно об этой семье можно прочесть на сайте terijoki.spb.ru³. Там же можно увидеть много семейных фотографий, которые прислал на сайт внук архитектора. Дача внесена в перечень вновь выявленных объектов культурного наследия Курортного района Петербурга и охраняется государством. Расположена на территории дошкольного городка «Берёзка», принадлежит детскому санаторию «Жемчужина».

В парке на Корнише зимой 1918-1919 года снимал дачу писатель Леонид Николаевич Андреев. «Осенью 1918 года, после того, как был заложен дом и появились деньги, правда очень небольшие, мы переехали с Чёрной речки в Тюрсева, где было проведено электричество и где условия жизни были

Дача Глазовых_с 1916 г дача Шереметева А.Д. Откр из коллекции А. Старкова

легче, чем в нашем огромном доме, побеждённом войной и революцией...», - пишет Вадим Андреев в повести «Детство». Прогуливаясь по «Корнишу», Андреев наблюдал в бинокль за Кронштадтом. Здесь он начал писать свое последнее произведение «Дневник Сатаны». Это единственное крупное художественное произведение, над которым Андреев работал в 1918-1919 гг. так и осталось неоконченным. Здесь он написал статью «SOS», которая вышла с рисунком Н.К. Рериха «Меч мужества» на обложке, и пользовалась успехом на Западе в 1919 году. Николай Константинович Рерих приезжал к Леониду Андрееву в Тюрисея в октябре 1918 года.

На нашем пути дошкольный городок «Берёзка», где работают загородные круглогодичные и выездные детские сады. Городок был построен в 1954-1956 гг. для Куйбышевского района Ленинграда по проекту архитектора В.Д. Кирхоглани.

Дальше уступ прорезан глубоким оврагом. Спустившись по лестнице снова поднимаемся на уступ с другой стороны оврага. Там есть красивые поляны, где стояла дача Софьи Александровны и Бернгарда Фёдоровича Глазовых. Усадьба называлась *Sophienhöh* – «Холм Софии».

Владелица имения «Холм Софии» Софья Александровна Глазова была дочерью Александра-Леопольда Ивановича Йёргенса (1820-1892). Йёргенс где-то между 1887-1892 годом приобрёл в Тюрисея большой участок, которым ранее владели Зверковы, – это дача и парк Йёргенса. Наследники – трое его детей: Роберт (Роман), Софья, а также их сестра Адель Александровна с мужем генералом Александром Эдуардовичем Керн, имели дачи в Тюрисея. Муж Софьи Александровны Бернгард Фёдорович Глазов (1846-1915), управляющий старейшего и богатейшего в России общества страхования капиталов и доходов «Жизнь». Глазовы имели доходные дома в Петербурге: дома № 9 и № 13 на Пушкинской, шикарный дом на 16 линии, 13. Жили на наб. Мойки, 100 (Глинки, 1), в доме, где находилось правление общества «Жизнь». Глазовы были богатыми людьми и, конечно же, могли позволить себе иметь такую красивую дачу в Финляндии. Красивый дом в скандинавском стиле для Глазовых построил в 1899 году финский архитектор Ф.Ф. Миритц. Он же в 1898 году построил дачу для семьи Керн. После 1915 года произошли изменения в жизни семьи. Дело в том, что Бернгард Фёдорович Глазов и его сын Бернгард в 1915 году были выселены из Петрограда из собственной фирмы и собственного дома. В ЦГИА хранятся документы: «Дело об увольнении германских подданных со службы в правлении общества страхования капиталов и доходов «Жизнь» и о выселении из Петрограда директора общества «Жизнь» Бернгарда Глазова (отца) и товарища управляющего делами общества Бернгарда Глазова (сына)»⁴.

Лето 1915 года семья провела на Волге в селе Шашково (Рыбинский р-н). Б.Ф. Глазов умер в Рыбинске в ноябре 1915 года. Дочь Софьи и Бернгарда Глазовых – Адельгейд Бернгардовна Глазова (1885 - 1961) вышла замуж за кузена Павла Карловича Глазова (1882 - 1937). Поражает история, которой завершился финляндский период в жизни этой семьи. Адельгейд Бернгардовна с детьми жила на даче в деревне Валкеала⁵. Павел Карлович работал в Петрограде и Адельгейд, оставив детей на даче, поехала навестить мужа. Границу закрыли, и дети: Павел (1908 г.р.), Георгий (1909 г.р.) и Софья (1912 г.р.) остались в Финляндии с гувернанткой, которая вышла замуж и оставила детей. Мальчикам было 9 и 10 лет, маленькой Софье 6 лет. На долгие четыре года (1918-1922) дети были потеряны, родители ничего о них не знали. Павел и Жорж подрабатывали: разносили молоко, пилили дрова, помогали по хозяйству и финны их кормили. Мальчики выучили финский язык, почти забыли немецкий, на котором разговаривали в семье. В 1922 году

4. ЦГИА Ф.569, оп 10, Д 207

5. Валкеала находилась в местности под названием Лестила (Leistilä) вблизи Ваммельярви (недалеко от Гладышевского озера на Средне-выборгском шоссе, деревня не сохранилась). См.: <http://www.uusikirko.eu/leistila.htm>

Береговой уступ Серово 2009 г.

Вид с уступа в Серово т.н. Смерть-гора

детей при помощи американского красного креста удалось вернуть в Петроград.

Павел Карлович Глазов работал инженером и начальником технической части на заводе «Электросила» (1914 - 1932), затем работал инженером на заводе «Электрик». Семья проживала в собственном доме на 16-й линии В.О., д. 13, кв. 5. В 1937 году его арестовали и приговорили по ст. 58-6-9-11 УК РСФСР к высшей мере наказания. Расстрелян в Ленинграде 24.11.1937 г.

Адельгейд Бернгардовну выслали в Кировскую область. Дочь Софья умерла от пневмонии в 1939 году. Сын Георгий пропал без вести в 1941 году. В 1948 году Адельгейд удалось вернуться в Ленинград, умерла она в 1961 году в семье старшего сына Павла. В Петербурге живут потомки Глазовых, они чтят историю семьи, хранят документы, фотографии. Марина Павловна Николаева (ур. Глазова) и её сын Антон поведали историю своей семьи.

С 1916 года дача принадлежала графу А.Д. Шереметеву. В книге Эстер Кяхёнен «Прежние Терийоки» говорится: «Ещё следует упомянуть построенную в совершенно особом стиле дачу графа Шереметева. Она находилась на горе, окружённая оврагами. Склоны, покрытые папоротником, орешником и синими цветами, украшали это место, где были построены беседки, смотровые площадки и прогулочные дорожки. Граф жил на даче с прислугой ещё лет десять после революции».

Александр Дмитриевич Шереметев – граф, меценат, музыкальный деятель, создатель оркестра, организатор пожарной команды, председатель Российского Пожарного общества. С Шереметевыми общался Леонид Андреев в ту пору, когда снимал дачу в Тюрисева. Об этом читаем в его дневниках: «Были сегодня Шереметевы...»⁶, «Вчера вечером возвращался от Шереметевых. Только что зашло солнце, и закатное небо горело красным»⁷.

С 1925 года и до самой Зимней войны в помещениях дачи Шереметева находился дом отдыха финских железнодорожников «Харьюла». Дом не сохранился, остался разрушенный фундамент, две большие поляны и на краю кручи стенка из гранитных камней, которая укрепляла склон и служила смотровой площадкой.

Здесь начинается «Береговой уступ Серово» — будущая особо охраняемая природная территория, место уникальное, заповедное. Этот обрывистый уступ пролегает вдоль Приморского шоссе в районе п. Серово и идёт параллельно береговой линии Финского залива на удалении 200-300 метров от неё. Его высота от 15 до 35 метров. У подножия уступа, по поверхности террасы Литоринового моря, существовавшего на месте Балтики ориентировочно 6-3 тысячи лет назад, проложено современное Приморское шоссе.

6. Андреев Л. Н. С. О. С.: Дневник (1914-1919). Письма (1917-1919). Ст. и интервью (1919). Воспоминания современников (1918-1919) / Леонид Андреев; Под ред. и со вступ. ст. Р. Дэвиса, Б. Хеллмана. - М.; СПб: Феникс. 1994. - 598 с. С. 288

7. Там же. С. 170.

Этот объект в первую очередь интересен с геологической точки зрения, как хорошо сохранившийся, ярко выраженный берег древнего Литоринового моря, здесь он ближе всего расположен к современной береговой линии Финского залива.

Фауна млекопитающих здесь не богата видами, что обусловлено близостью шоссе с интенсивным движением, и посещаемостью территории людьми. Внимания заслуживает значительное количество летучих мышей (северная кожанка и др.), охотящихся за насекомыми в верхнем ярусе леса. Возможно, здесь проходит миграционный путь рукокрылых во время сезонных перемещений. Эта территория имеет значение в период миграции птиц. Её расположение вдоль побережья залива, приподнятость над береговой линией, делает вершину уступа своеобразным ориентиром, так называемой «направляющей линией». Вдоль уступа летят многие виды птиц, как весной, так и осенью, многие из мигрантов останавливаются в лесу. В планах ГУ «Дирекция по особо охраняемым природным территориям» создать к 2025 году памятник природы «Береговой уступ в п. Серово».

Кроме того, природные комплексы этой территории имеют высокую эстетическую и рекреационную ценность, и активно используются для отдыха и спорта. Почва здесь песчаная, песок чистый, без камней, это видно в песчаном карьере. Отсюда открывается живописный вид на залив.

В 1970—1980-х годах карьер использовался, как горнолыжный спуск, здесь стоял подъёмник. Рядом расположен спортивный лагерь «Луч».

Это место называют «Смерть-горой». Во время войны, в 1942-1944 годах здесь брали песок для строительства финских оборонительных укреплений. В карьере стоял цементный заводик производивший раствор для бетонирования укреплений⁸. Здесь поблизости финны возводили оборонительную линию «Ваммельсуу – Тайпале», в советской литературе называемую «Карельским валом». Обогнув карьер и следуя дальше, мы придём к оборонительным сооружениям. На нашем пути встретится гряда гранитных глыб, служивших преградой для танков. На склоне, среди сосен с обнажёнными корнями встречаются мотки колючей проволоки. Выйдя на красивую полянку, увидим бетонные укрытия.

Следуя дальше по лесной дороге, мы выйдем на Приморское шоссе к мосту через Чёрную речку. На берегу речки стоит памятник Серову Владимиру Георгиевичу — лётчику, герою Советского Союза, погибшему в воздушном бою 26 июня 1944 года.

В 1948 году Ваммельсуу переименовали в п. Серово.

Памятник В.Г. Серову

8. Об этом свидетельствуют фотографии с сайта Министерства обороны Финляндии <http://sa-kuva.fi>

*СЕРГАЧЕВ Сергей Николаевич,
краевед, исследователь,
советник государственной гражданской
службы Санкт-Петербурга III класса*

В ПОИСКАХ «ФИНЛЯНДСКОГО ДВОРИКА» И «ПОХИЩЕННОЙ ЕВРОПЫ»

ПРЕДИСЛОВИЕ

Общество «История нашего отечества» /«ИНО»/ - добровольное объединение граждан, любителей истории родного края, открытое для поиска сведений о событиях близких и давно ушедших временах, о годах мирных и военных, о жизни и судьбах людей знаменитых или пока еще безвестных, которые постоянно или временно жили либо гостили в домах больших и малых городков и в селах нашей малой Родины и большого Отечества, о тех, кто здесь трудился и отдыхал, творил и воевал на этой земле, о людях богатых, оставивших значимый след в культуре, науке или в политике, и о простых - «соли земли нашей», разных национальностей и веры, ибо, как говорят летописи Древней Руси: «будь ты лях, морав или жидовин - всех приемлет Русская земля».

Нить времен не прерывается, она ведет, как нить Ариадны, по лабиринту эпох, событий, трагедий и побед. Она связывает далеких предков и нас современников друг с другом, давние времена приближаются, люди - оживают и становятся гораздо ближе, понятней и даже родней. Загадки Ино и история создания картины «Похищение Европы», путешествие из поселка Валменсуу(Серово) к художнику Серову в Лаутаранту(Смолячково) и далее в крепость Ино (Приветнинское, Ленинградской области), исторические личности, поэты, писатели, ученые, художники и все те, кто волею судьбы был вовлечен временем в сферу событий вокруг ИНО, правдивые факты, мифы и загадки - все это заслуживает простой человеческой памяти: что было до нас, кто были наши предшественники, которые, в конце концов, выбирали наше будущее. Это они непосредственно определили тот путь, по которому мы сейчас идем. Все было бы иначе.

В 2015 году отметили 150 лет со дня рождения Валентина Александровича Серова. В честь художника Русский Музей Санкт-Петербурга и Третьяковская галерея Москвы устроили великолепные выставки «Серов не портретист» и «Валентин Серов. К 150-летию со дня рождения». Выставки вызвали небывалый интерес к его творчеству: публика готова была часами мерзнуть на морозе и готова была выломать двери, лишь бы попасть в выставочные залы Третьяковки и Русского музея, чтобы увидеть по-человечески душевный портрет императора Николая II в тужурке, любовно написанные картины «Дети» (Саша и Юра Серовы), наполненную солнцем и молодостью «Купание коня», реалистически простую, можно сказать бытовую, «Финляндский дворик», картину-афишу с воздушной Анной Павловой и ярко, импрессионистки выраженную, мистически-мифологическую «Похищение Европы».

Правда публика, стремившаяся в выставочные залы, в основном и не знала, что значи-

тельная часть жизни и творчества художника связана с Карельским перешейком, что великопный живописец четверть своей короткой жизни связал с деревней Инона берегу Финского залива. Зрители и почитатели художника, и даже профессиональные искусствоведы не подозревали, что в его картинах есть ответ на вопрос: «Где же был дом художника?», что ответы эти указывают на то место в нынешнем поселке Смолячково в самой западной части Курортного района Санкт-Петербурга, которое до революции называлось Лаутаранта («плотный берег») большой деревни Ино.

Поиски скромного земельного участка художника в 3 десятины – увлекательное путешествие во времени и в пространстве, постоянное открытие кладовых нашей русской культуры и истории, это встречи с нашими великими соотечественниками вдали от столичной суеты рядом с «Тихим берегом» академика Бехтерева. Финские Валменйоки, Тюресива, Валменсуу, Метсякюля, Лаутаранта и Инокюля Великого княжества Финляндского Российской империи – это нынешние Черная речка, поселки Ушково, Серово, Молодежное, Смолячково Курортного района Санкт-Петербурга и речка Приветная, поселок Приветнинское Выборгского района Ленинградской области Российской Федерации.

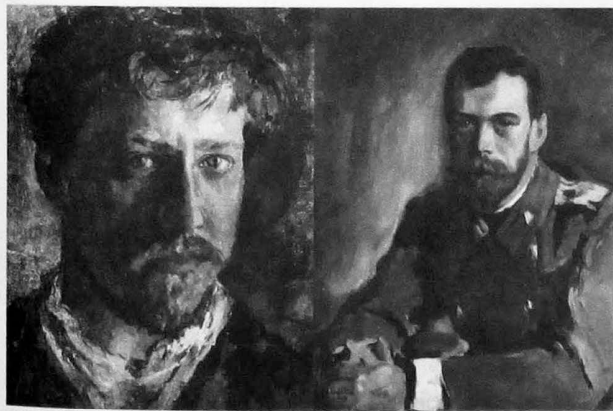
В.Серов, «Похищение Европы»

Меняются названия, но память остается... Сохранению этой памяти посвящена эта работа

С уважением автор:
Сергачев Сергей Николаевич

В поисках «Финляндского дворика» и «Похищенной Европы»

Поиски дома Серова – «Финляндского дворика», где написана картина «Похищение Европы», начнем собственно с форта Ино, на территории которого до его строительства, как и на всем побережье восточной части Финского залива на стыке веков, XIX и XX, появилось множество дачных участков жителей Санкт-Петербурга и куда в 1899 году впервые приехал к своему другу, «милейшему» Василию Васильевичу Матэ – академику и граверу – Валентин Серов с семьей. Форт Ино имел и официальное название - «Николаевский», в честь императора России Николая

В.Серов, «Автопортрет» и «Портрет Николая II»

II, замечательный портрет которого был написан Валентином Серовым в 1900 году.

Судьба этой картины печальна: в 1917 году при штурме Зимнего дворца революционные матросы искололи его штывками. К счастью, Серов, опасавшийся, что оригинальный портрет перепишут по велению императрицы Александры Федоровны, сделал авторский повтор, который сохранился до наших дней и экспонируется в Третьяковской галерее. Именно здесь, в Ино, на веранде дачи

Матэ были написаны его сыновья – Саша и Юра. После этой поездки Валентин Александрович решил купить себе участок недалеко от дачи своего друга.

По сведениям 1909 года о дачных земельных участках на территории будущего строительства форта Ино с финскими подворьями всего упоминается о 28 земельных участках. Среди финских владельцев встречаются фамилии А. Контенена, М. Монтонена, М. Суси, Д. Туртиайнена.

Кроме финских крестьянских подворий, располагались участки следующих владельцев (перечень составлен от западных к восточным границам форта, от Койвисто (Приморска) к Териокам (Зеленогорску): Завьялов, Марков Константин Валентинович, Невзоров, Матэ Василий Васильевич, (там, где лестница, возможно, была дача жены генерала от инфантерии Куропаткина А.Н. или К.-Л.М. Соколовского), Иванов, Барышников Ал. Ал., Введенский, Лебедев, архитектор Бобров Виктор Никанорович (1864-1935), на участке которого на средства Виктора Никаноровича была построена Церковь в Ино, Шорохов Вас. Серг. и снова Шорохов. У речки Ино (Инойоки) участки Волковых М.В. и В.И. Кстати сказать, Волков М.В. – владелец участка и подрядчик работ на форте Ино – Волков Михаил В., вероятней всего, одно и то же лицо. Но его земельный участок был выкуплен уже 1917 году.

Большая и малая дачи В.В. Матэ находились на западном фланге форта Ино, в районе будущих 12-дюймовых батарей, недалеко которой располагалась дача генерал-лейтенанта в отставке С.Н. Чечурина. Поместье Матэ включало в себя следующие строения: большая дача, малая дача, экипажный и дровяной сарай под общей крышей, баня при даче, прачечная, ледник, сарай, сарай для дров и сарай для двигателя и динамо-машины прожектора у дачи Матэ.

На территории форта были дачи и других известных петербуржцев: дача жены члена Государственной Думы П.С. Милюкова - А.С.Милюковой была переоборудована под контору строительства, в ней выделялись помещения для десятников и трех жандармов.

На даче Большая Завьяловка с июля 1910 года по май 1912 года, а затем на даче Михновка (от владельцев дач – Завьялова и Михнова) жил с семьей офицер - капитан Владимир Михайлович Латмазинов – первый командир 12-дм открытой батареи.

Дача генерала от инфантерии, военного министра, «героя японской войны» - А.Н. Куропаткина была приспособлена для размещения 1-ого Кронштадтского крепостного временного госпиталя. От этой дачи, расположенной в районе нынешнего 21-км (если считать от г. Зеленогорска), сохранилась до сих пор лестница, круто спускающаяся по склону к заливу, и чаша фонтана.

В новых источниках оспаривается принадлежность земельного участка и дачи Куропаткина к территории форта Ино. Полагают, что лестница лишь приписывалась имению генерала Куропаткина и потому называлась «лестницей Куропаткина». Полагают, что архивные материалы доказывают, что никакого отношения к этой лестнице генерал Куропаткин не имел, а его вилла находилась в Метсякюля (скорее в Лаутаранта – Смолячково, — С.С.) на месте, где сейчас располагается пансионат «Красная звезда».

Считается, что в непосредственной близости от места будущего (через 2 года) строительства форта Ино было имение важного (но не самого известного) деятеля военной промышленности России Казимира-Леона Михайловича Соколовского, расположенное на 7 участках за №№3-22, 3-23, 3-24, 3-25, 3-26, 3-27, 3-29. Впоследствии после революции некто Феофанов купил (?) указанные участки, так указывают финские карты межевания 30-х годов. Поэтому, если и присваивать сохранившейся до наших дней лестнице персональное имя, то Соколовского-Феофанова.

Однако на планах из архивов (ф.1342. оп.2 д.517) за 1909 год не указаны участки ни генерала А.Н. Куропаткина, ни Казимира-Леона Михайловича Соколовского: от участка В.В. Матэ до главной дороги к заливу, примыкающей с восточной стороны к участку Иванова, нет ни одного именованного участка, которые были выкуплены казной.

Земельного участка Валентина Серова на территории форта Ино также не значилось.

В письме № 233, приведенном в книге «Валентин Серов в переписке, документах и интервью», к В.В. Матэ (Среда, 4 октября 1900 г. Москва) Валентин Серов пишет:

«Любезный Василий Васильевич, очень Вам благодарен за Ваше внимание к моим просьбам. Представьте, я решил все-таки напоследок повидать, что собрано по искусству в Париже и ехать туда, заехав в Петербург и Териоки. Буду у вас в воскресенье. (8.10.1900). Семье поклон. И если Вам – помимо меня, т.е. стройки, нужно быть в Териоках – так съездим вместе. Весьма возможно, что едем с Ольгой Федоровной (Серовой)» В комментариях к письму № 233 написано: «В то время Серов по совету Матэ приобрел земельный участок на берегу Финского залива и начал там строительство дачи. Неподалеку от Ино (неправильно, нужно читать - в Ино и в Валменсуу, — С.С.) - так называлось местечко, где обосновался Серов, - находились дачи Матэ и Л.Т.Андреева (правильно Л.Н.Андреева — С.С.). Матэ, поселившийся там ранее и накопивший кое-какой опыт в хозяйственных делах, очевидно, наблюдал за строительными работами на даче Серова». В письме № 267 от Серова к В.Н. Дукшту от 31 июля (1901 г. Териоки) написано: «М(илостивый) г(осударь)! В прошлом письме я позабыл дать свой адрес: Финляндская ж.д., ст. Териоки, дача бывшая Майоровых, В.А.Серову»

По воспоминаниям же Василия Андриановича Власова – ученика И.Е. Репина, как и сам В.А. Серов: «31 июля 1901 года В.А. Серов купил участок земли (у неких Майоровых (Майори) вместе с домом) на берегу Финского залива в дачной местности Ино, неподалеку от рыбацкого места Лаутаранда (Лаутаранта), верстах в 18 от Териок и в 8 от дачи «милейшего» Матэ в Ино. С Майори он смог полностью расплатиться за дом и участок лишь в 1903 году. В нем (в доме) он провел часть лета, затем, отправив семью в Москву, прожил здесь и часть зимы. С тех пор неизменно каждый год Серовы приезжали на все летние месяцы в Ино. Вскоре, после приобретения около 3-х десятин земли с домом, сараем и баней, в 1902 году Серов затеял постройку нового дома в два этажа. Регулярно высылал деньги на имя Александра Гельстрема, который, будучи работником на даче, занимался хозяйственными делами семьи Серовых. При его участии была куплена корова, а затем лошадь и прочая живность: куры, поросенок, два кота, две собаки. Но большая часть денег направлялась на строящийся дом. Лес и строительные материалы поставлял подрядчик Галкин из Райволы, который обеспечивал также и строительство форта Ино.

Какие же приметы на картинах художника и архивных фотографиях позволяют найти место, где жил и творил художник, где росли его дети, где принимал он своих гостей – родственников, друзей и знакомых?

Известно из переписки и воспоминаний друзей художника, что в пяти-шести верстах от земельного участка Серовых в Лаутаранта располагалась на Черной Речке (Валменйоки) знаменитая «Дача «Аванс» (официальное название «Белая Дача») писателя-мистика Леонида Андреева. Действительно, найденные на территории детского оздоровительного лагеря «Северных Судоверфей» «Океан» в пос. Серово (Валменсуу) остатки фундамента некогда страшной для финских крестьян «Крепости дьявола» - Pirulinna и гостеприимного для друзей огромного дома, разбомбленного по указанию «Паука» - Троцкого, находятся в 6 км от Лаутаранты Серова.

Также в устье Черной речки на песчаной косе, выходящей далеко в Финский залив в 5-6 км находилась дача друга и приятеля Валентина Серова – Александра Бенуа (или его брата Альберта), которая располагалась недалеко от известной для современников Серова и Бенуа прогулочной тропы «Корниш», что петляет на высоком уступе над Приморским шоссе и где они встречались. «Иногда же мы встречались по предварительному уговору на полпути от Териок. Особенно любимым местом прогулки была шедшая параллельно прибрежному шоссе верхняя дорожка, откуда открывались чудесные далекие виды», так называемый «Корниш».

По воспоминаниям о «самом светлом в своем прошлом» Александра Николаевича Бенуа – одного из руководителей объединения «Мир искусства», жившего верстах в 6-7 от Рожино (Райволы) в Валменсуу на даче в устье Черной Речке (Валменйоки) на песчаной косе, далеко выходящей в Финский залив, «мы виделись с ним несколько раз в неделю, в большинстве случаев это он приходил или приезжал на чухонской таратайке.

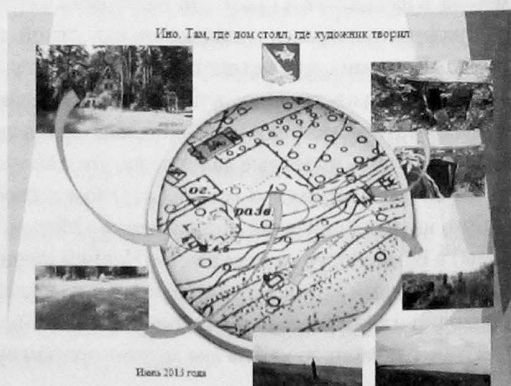
Итак, с помощью карты мы можем приблизительно определить район расположения земель-

ного участка Валентина Серова: дача находилась в 18 км от Териоки, в 12-13 км от Райволы (Рошино), в 6 км от дачи Андреева, в 5 км от Черной речки и от дачи Александра Бенуа и в 8 км от дачи Василия Васильевича Матэ.

Однако ближайшим соседом художника был знаменитый ученый, врач-психиатр и психолог Владимир Михайлович Бехтерев, земельный участок которого занимал 31,8 десятины территории. Сейчас Детский оздоровительный лагерь «Буревестник» занимает часть бывшего поместья, где рядом с сохранившейся до наших дней малой дачей ученого до сих пор рыбаки держат свое рыболовецкое хозяйство, как и прежде.

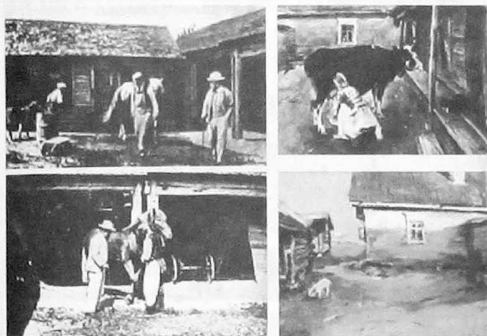
Обратимся вновь к картам современным и той поры, когда художник с семьей были счастливы на чудесных берегах реки Инойоки (Приветной) и Финского залива в Лаугаранте деревни Ино. На топографических картах 1913 года нанесены дома поместья Владимира Михайловича Бехтерева и отдельно строения там, где был земельный участок в 3 десятины

Валентина Александровича Серова. Современные карты позволяют однозначно определить положение маленькой дачи академика Бехтерева, которую восстановил его внук Андрей, а также найти развалины фундамента от дома, который расположен поблизости от земельного участка Бехтеревых.

Размеры развалин дома на картах, натурный обмер фундамента, где некогда стоял 2-х этажный дом Серовых, и площадки, где были хозяйственные постройки («Финляндский дворик»), а также размеры дома, который изображен на фотографиях, приводят нас к выводу о совпадении всех обмерных результатов.

Таким образом, поиски земельного участка художника на топографических картах позволили найти развалины в створе улицы Кордонной в п. Смольяково (бывшая Лаутаранта) рядом с земельным участком академика Бехтерева, недалеко от рыбаков, у моря и речки При-

*В.Серов, два варианта картины
«Финляндский дворик»*

*Фотография яхты,
построенной сыновьями Серова*

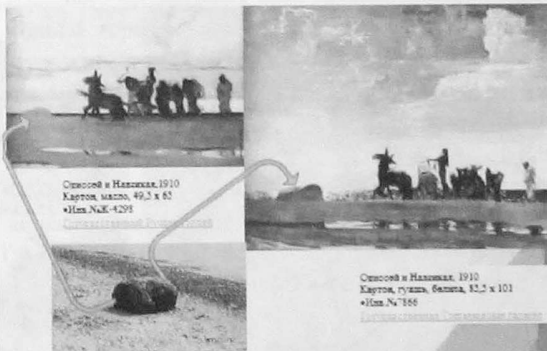
ветная (бывшая Инойоки).

Но все же, продолжим искать приметные знаки на картинах и на фотографиях той поры. Всем известна картина «Финляндский дворик» из собрания Государственной Третьяковской галереи, можно сказать визитная карточка места, в котором работница Серовых «резвушка Аннушка» доит корову Риллики, где все пространство картины ограничено хозяйственными постройками. Однако в менее популярном варианте, который хранится в музее И.И. Бродского, между постройками видно море с яхтой под белоснежным парусом. Вот он Финский залив с яхтой, которую построили сыновья Серова – Александр и Юрий.

В 2015 году куратор выставки Третьяковской галереи на Крымском валу О.Д. Атрощенко любезно предоставила автору несколько фотографий того времени, в том числе и фотогра-

Фото, А.Серов балансирует на изгороди

*В.Серов, серия работ «Одиссей и Навзикая»,
камень, изображенный на картинах*

фию с яхтой Александра. Финский залив неоднократно запечатлен и на картинах, этюдах, набросках и в переписке художника; в альбомах, выполненных на Крите, где есть ярко-синий цвет Адриатического моря, Серовым записано: «...4) Чайки белые (как везде). 5) Рифы черные. 6) Река при впадении в море зарывается в песок (как в Финляндии)». Именно на даче он упорно работал (1909-1910) над серией «Одиссей и Навзикая», там, где она была задумана еще в 1902-1903 годах, там, где река Приветная (Инойоки) впадает в море, где до сих пор камень с этюдов художника лежит на берегу Финского залива.

Скептики посмеются над этой приметой: «Ладно, река, но таких камней на берегу залива

Юра, Саша и О.Ф. Серовы в лодке

несчетное количество». Но на фотографиях и на этюдах к картине художника «Одиссей и Навзикая» при всех условностях в передаче формы приметы все равно реалистичны и узнаваемы. Особенно, когда находишь на берегу залива этот камень и видишь другие приметы: еще один камень в море из картины «Лошади на взморье». К кованному четырехгранному крюку, который вбит в камень, до сих пор привязывают местные рыбаки свои лодки, а на берегу - несколько чудом сохранившихся столбов от изгороди, что так хорошо видны на фотографиях (также предоставлены сотрудницей Третьяковской Галереи - Ольгой Дмитриевной Атрощенко), где Александр балансирует на глазах у своих родственников, где художник с семьей и знакомыми сфотографирован своим давним приятелем Львом Бакстом в лодке на берегу на фоне той же изгороди, моря и мыса Ино.

Когда ещё один из дачников вознамерился построить себе дом рядом с серовским, художник решительно предупредил его действия, купив полосу земли вдоль залива - предполагае-

В.Серов, «Мальчик на пляже»

Инокуля, Смолячково, речка Приветная

мый участок застройки. Вот эта полоска земли и была огорожена. Изгородь шла вдоль побережья, а выйти на берег можно было через калитку, от которой сохранились до сих пор три столба, как раз напротив дома художника. Сейчас там между домом и калиткой есть протока, так как речка Приветная часто меняет место выхода в Финский залив. Сейчас речка выходит ближе к пляжу пансионата «Востока-6», а совсем недавно, пару лет тому назад, она выходила почти напротив дома Серовых. Но все же и сейчас река Инойоки (Приветная) узнаваема, как и на небольшом и малоизвестном этюде из собрания музея И.И.Бродского

«Мальчик на пляже».

Интересна судьба каждого из детей художника, которые выросли на побережье Финского залива в Лаутаранте.

Всего у Валентина и Ольги Серовых было шестеро детей – Ольга, Александр, Юрий, Михаил, Антон и Наталья. Трагически типично сложилась их судьба, поколения русских интеллигентов времен первой мировой войны и революции.

Старшая дочь Ольга, как и отец, стала художницей – она всю жизнь прожила в России и умерла в 1946 году.

Юрий стал киноактером, он снимался в главных ролях во французских художественных фильмах и умер в Париже. Могила Юрия Серова находится на кладбище Пер-Лашез.

Вдали от родины жила и дочь художника Наталья. Сначала некоторое время она обитала в Париже, а потом решила поехать к старшему брату Александру в Ливан. Однако жить в этой стране она долго не смогла – жизнь там казалась ей скучной и не интересной, поэтому Наталья Серова вновь вернулась в Париж, где и прожила до конца жизни.

Еще один из детей Валентина Серова – сын Михаил, умер в Москве в 1938 году, а Антон (Тутушка) погиб во время ленинградской блокады.

Самой насыщенной оказалась жизнь Александра Серова, старшего сына великого художника, которому чаще других детей посчастливилось быть изображенным отцом – Валентином Александровичем. Он был очень одаренным человеком, которому было многое дано от природы. В юности, по книжке, написанной на шведском языке, он смог самостоятельно построить яхту, на которой потом плавал по Финскому заливу, на берегу которого семья художника поселилась незадолго до Первой мировой войны. В то время Александр учился в политехническом институте им. Петра Великого на кораблестроительном факультете и бросил учебу ради того, чтобы пойти на фронт.

Внук Серова, художник Григорий Александрович Серов в Третьяковской галерее у картины своего деда

Там он стал отличным летчиком, а после революции сначала оказался на стороне красных, а потом ушел к белым. После гражданской войны Александр на британском корабле перебрался в Грецию, а на родине у него осталась жена и сын. Только через несколько лет она узнала, что ее муж жив, и тут же, оформив паспорт, выехала к нему. К этому времени Александр Валентинович уже перебрался в Ливан, где успел поработать на строительстве дороги, а потом его перевели в земельный кадастр. В Ливане у Александра и его жены родилось еще четверо детей, в том числе и Григорий, который в 2015 году впервые побывал в Санкт-Петербурге и в Москве на выставке в

честь 150-летия Валентина Александровича Серова.

Двоюродный племянник Валентина Серова — французский микробиолог и лауреат Нобелевской премии Андре Львов.

Сын Александра Серова – архитектор, художник Григорий Александрович Серов на вы-

ставке в Третьяковской галерее в январе 2016 г. у картины своего деда – Валентина Серова – «Дети» 1899 г. (справа - Александр, слева – Юрий в Ино на даче Василия Васильевича Матэ) говорит: «... В них (сами персонажи, которых он изображал) ... – вся Россия того времени. И, конечно, его личность. Я только недавно заметил, какой же он был революционер в живописи!».

Действительно, обратившись к творчеству и биографии художника можно увидеть «всю Россию того времени» – от царей и князей до «Бабы в телеге», великих Артистов, Писателей, Художников и Друзей: Репина, Шаляпина, Горького, Лескова, Андреева, Дягилева, Врубеля, Рериха. Можно увидеть как революционно меняются взгляды Валентина Серова на власть – от верноподданного «Миропомазания Николая» и домашнего портрета царя-батюшки «Николая II в тужурке» до пронзительно кричащей картины-плаката «Солдатушки, бравы ребятушки». Где же ваша слава?» о кровавом расстреле рабочих в 1905 г. Можно видеть, как в великолепном художнике-реалисте знаменитой «Девушки с персиками» и изумительного портрета княгини Зинаиды Юсуповой постепенно вырастает художник чувств, нюансов игры света, волнений души и сердца. В «Похищении Европы» нет реализма «Купания коня». Картины, написанные в одном месте – на даче в Лаутаранте, наполнены чувствами: в одной чувствами тревоги, ожидания, переживаний юной Европы, а в другой чувствами молодости, юношеской красоты, солнечного настроения. Время перемен, время смены эпох захватило внешне спокойного, молчаливого, не щедрого в словах и на публичное проявление чувств человека, но ярко и многогранно выявившееся его творчестве.

«Какой же он был революционер в живописи!»

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Поиски «Финляндского дворика» в Лаутарантево в первую очередь посвящены Валентину Серову, его творчеству, его жизни в деревне Ино, но также и тому времени перед бурей Великой войны и революционных событий начала XX века, в которые будет вовлечена не только «вся Россия». «Похищение Европы» уже без кавычек условностей, предсказанное художником, сбудется дважды в такое короткое, по историческим меркам, время, 100 лет назад: в 1914-1917, и 75 лет назад – в 1939-1945 годы. Поиски, почему Европа – это «запад, закат»? в карельской Яурепа («Запад, закат») продолжим искать в Ино, там, где творил художник, где его дом стоял, где неподалеку развалины мощного русского форта Ино.

В этих поисках утраченного мира, возможно, отгадка и залог нашего будущего и спасение Европы.

Автор благодарит всех, кто размещал свои материалы для публикаций в открытой печати (печатные и электронные ресурсы), кто предоставил свои материалы, в том числе сотрудников Русского музея в Санкт-Петербурге и Третьяковской галереи в Москве, особенно В.А. Ляшишина и О.Д. Атрощенко, а также краеведов Курортного района Санкт-Петербурга: К.К. Михаленя, Александра Браво, Н.В. Григорьеву, Н.Н. Рогалеву и многих других, работы которых позволили более полно воссоздать период жизни художника Валентина Александровича Серова в расширенной электронной версии данной публикации. Место, где находился «Финляндский дворик» сейчас практически никому неизвестно, но, как и Репинские «Пенаты» должно быть отмечено на туристических картах России, и пос. Смолячково Курортного района Санкт-Петербурга должен быть отмечен памятным знаком и художнику, и в память о «Похищенной Европе».

ХРАМЦОВА Яна Рейновна,
главный специалист МА МО города Сестрорецка

ПАРК «ДУБКИ»

I. ПЕТРА ТВОРЕНЬЕ

*У этого парка своя, особая красота и своя тайна –
это сохранившиеся тут и там, неприметные для постороннего глаза,
но различные для посвящённого, приметы петровского времени*

О.Г. Растворова,
краевед, Почётный гражданин города Сестрорецка

Под сенью старинного парка

В сентябре 1714 года, осматривая после Гангутской виктории возвращённые России земли на северном берегу Финского залива, Пётр I побывал на побережье вблизи устья реки Сестры. Когда царь со своей командой высадился на Дубковской косе, ему очень понравилось это место: и море с трёх сторон узкого мыса, с которого видно чуть ли не все отвоёванное у шведов побережье Финского залива, и любимые с подмосковного детства дубы, которых так немного росло близ северной столицы. Недалеко отсюда была и год от года мужавшая крепость в Кронштадте, откуда с западным попутным ветром до Дубков можно было добежать по синим волнам и под белым парусом за каких-то полчаса. Пётр I задумал тогда построить здесь свою загородную резиденцию, позже названную Дальними или Сестрорецкими Дубками. Она стала самой северной на Балтийских берегах, самой «морской» из петровских резиденций и последней по времени создания. В походном журнале («Юрнале») Петра, который царь или его помощники вели ежедневно, от 20 сентября 1714 года имеется запись: «Его величество (Пётр I) поехал на Котлин остров и кушал на буерё, и был у реки Сестры, смотрел место, приехал на Котлин остров и был у Капитана-Командора Шелтенка». Эта дата и вошла в историю как день основания Сестрорецка.

Тогда, осенью 1714 года состоялось волеизъявление царя. Прошло несколько лет, прежде чем намерения Петра стали воплощаться в жизнь. В 1717 году здесь был построен небольшой попутный домик царя. В том же году начались земляные и лесопосадочные работы. Для устройства «огорода» (так в петровскую эпоху называли садово-парковые ансамбли) была привезена плодородная земля, саженцы кустарников и деревьев. «Дубки» – уменьшительно-ласково называл Пётр свою новую усадьбу в роще близ устья Сестры. Хотя здешняя дубрава была не столь уж мала – 50 десятин и совсем не молода: в ней встречались 200-300-летние великаны. Но по велению государя было посажено ещё две тысячи юных дубков. Зная характер царя принимать во всех своих начинаниях личное участие, сестроре-

чане не сомневаются, что многие из них посадил государь, и некоторые великаны, поныне растущие в парке «Дубки», помнят руки великого самодержца.

В феврале 1720 года Петром I было приказано построить Устьрецкую гавань при устье реки Сестры. Посредством этой гавани Сестрорецк имел дешёвое и удобное сообщение с Петербургом и Кронштадтом, откуда приходили с разными материалами военные и коммерческие суда. Река Сестра в то время была настолько глубока и обширна, что по ней из гавани доставлялись материалы на судах в Дубки, а с 1721 года – прямо на строящийся по велению императора оружейный завод. Около гавани постоянно стояли часовые при пушках – канониры, от которых селение Канонерка получила своё название. Для наблюдения канонирами за появлением чужестранных судов в ночное время при гавани находился каменный высокий маяк с фонарём, освещавшим на значительном расстоянии вход в гавань. Береговая часть пристани была укреплена двумя рядами бревенчатых свай. Их остатки и сегодня можно обнаружить на южном берегу Дубковской косы. От волн, которые возникали при сильных западных ветрах или во время ураганов, гавань была надёжно защищена каменной дамбой.

В юго-западной части Дубовского мыса на берегу залива были возведены две наблюдательные вышки. С них Пётр I любил смотреть за ходом проведения морских учений. Велось наблюдение и за приближением шведских кораблей. Можно предположить, что при появлении неприятельского флота с вышек подавался сигнал тревоги, который принимали на Тарховской косе или косе Лисьего Носа. Таким образом, за короткое время сигнал о приближении неприятеля принимали в Петербурге.

В 1720 году Пётр I принял личное участие в разметке места под «огород». К концу 1721 года были завершены обмеры местности и составление топографической основы генерального плана. К марту 1722 года чертежи и проекты будущей царской резиденции были готовы и подписаны Петром I. Генеральный план усадьбы хранится сегодня в Государственном Эрмитаже.

При закладке сада был использован известный голландский способ освоения затопляемых и мелководных побережий моря. Защитной дамбой отгораживалось осушаемое мелководье, прорезались дренажные каналы, по которым вода стекала в пруды. Исторически это место получило название Голландский сад. Сохранивший первоначальную планировку до наших дней, хотя заросший дикорастущими растениями, он и сегодня радует глаз, восхищает чёткостью и продуманностью линий. Контурсы клумб и булегинов, а также углублённых на полметра каналчиков и прудиков при скошенном травостое легко просматриваются спустя почти три века.

По другой версии сад получил название Голландского из-за регулярной прямоугольной планировки клумб и дорожек. В саду широко использовались бордюры и шпалеры из коротко подстриженных кустов и небольших деревьев. В центре квадратов с клумбами устанавливались скульптуры, вокруг высаживались небольшие деревца. В саду были высажены каштаны, яблони, ильм, грушевые и вишнёвые деревья, привезённые из Швеции. В центре квадратов с клумбами установили скульптуры, окружённые небольшими деревцами. Позади сада высилась дубовая роща.

Главные каналы сада имели ширину более 6 метров и были судоходными для небольших лодок. Мосты отсутствовали. Передвижение допускалось только речным (морским) транспортом, что было свойственно Петру I. Планировка Голландского сада была очень чёткой: квадратная сетка невысоких насыпей, по которым шли дорожки, разделяла ровные площадки партеров. В центре партеров были устроены четыре пруда: два круглых на северном острове сада и два, ближе к дворцу, – фигурной, барочной формы. Вокруг каждого пруда партер образовывал подобие кольца одной высоты с дорожками, а дальше к углам квадрата лежали чуть «утопленные» секторы газонов (так называемые буленгрины). В юго-западном

и юго-восточном углах сада вместо прудов были углубления такой же фигурной формы, – своего рода «сухие пруды», выложенные дёрном.

По проекту на всех четырёх прудах планировалось устроить фонтаны, даже завезли трубы для подведения воды, но этот замысел Петра не был осуществлён – прежде всего, потому что уровень воды в молодом озере над заводской плотиной ещё не мог обеспечить достаточного напора воды.

К 1724 году обустройство Голландского сада было практически завершено. На сравнительно небольшой площади (чуть более 3 гектаров) создателю проекта – палатному мастеру и рисовальщику фламандцу Франсуа де Ваалу удалось достигнуть большого разнообразия в оформлении сада и, в то же время, продемонстрировать пластичность, продиктованную инженерными решениями, а также пожеланиями державного заказчика.

Особенно красивый вид открывался с полукруглой возвышенной площадки перед северным фасадом дворца, оттуда можно было одновременно видеть: прямо перед собой – перспективу осевой аллеи с угадывающимися пересечениями двух каналов, замыкаемую высокими деревьями рощи, а справа и слева через оставленные в шпалерах просветы – цветники.

Царская резиденция

Строительство новой резиденции на совершенно плоском берегу давало Петру I и повод, и возможность воплотить в ансамбле ещё не до конца реализованную любовь к голландской архитектуре и вообще к голландскому стилю жизни. И неслучайно в ноябре 1720 года на русскую службу был принят молодой и никому не знакомый голландский архитектор Стефан ван Звитен. Сделано это было послом России в Голландии Б.И. Куракиным по просьбе самого Петра, которую он изложил в своём письме ещё в 1718 году.

Пётр поручил С. ван Звитену составить проект каменного дворца в мае 1722 года, а уже в январе 1723 года проект им был принят и собственноручно подписан. На выполненном в 1722 году генеральном плане усадьбы Пётр определил место своей будущей резиденции. В своём письменном указании руководителю строительства капитану Ивану Семёновичу Алмазову он написал строить так, «чтоб галереи встали на даму», то есть по дамбе, по кромке насыпной террасы.

Весной 1723 года работа по возведению дворца закипела. Весной того же года был готов фундамент, началось возведение кирпичных стен. Примерно на рубеже 1723 и 1724 годов И.С. Алмазовым был представлен развёрнутый рапорт о проделанной работе. Были закончены гавань, дамбу которой укрепили и подняли в высоту на три венца, «хоромы» (дворец), пристань, новая большая галерея, цветники, бассейны, аллеи в Голландском саду. Продолжались работы по достройке последней защитной дамбы, облицовка камнем каналов и бассейнов. На мелководье Финского залива, напротив дворца была устроена «сажелка на камне». Возможно, так называли беседку в море. Точное место беседки сегодня выяснить сложно. Однако, внимательное изучение прибрежных камней, сохранившихся с петровских времён в заливе, позволяет предположить, что была она установлена на большом камне, что находится примерно в 400 метрах от современной береговой линии (со временем под действием ветров и наводнений береговая линия претерпела значительные изменения). На камне и сегодня можно увидеть отверстия, залитые свинцом. Возможно, именно это и есть места креплений стоек знаменитой «сажелки на камне» – ещё одной задумки Петра. К августу 1724 года строительство дворцово-паркового ансамбля в Дубках было практически завершено.

Дворец представлял собой протяжённое (около 180 метров вместе с деревянными галереями) двухэтажное кирпичное здание на высоком каменном фундаменте, вытянувшееся

вдоль южной стороны Дубовского мыса, укреплённое деревом и камнем. Три десятка больших окон раскрывались на «голландский манер» – верхняя половинка рамы откидывалась вовнутрь.

Крышу здания венчала восьмигранная башня со шпилем, который вздымал императорский штандарт на 100-футовую высоту (около 30 метров). С башни Дубковского дворца можно было видеть широкую панораму Финского залива, ограниченную с юга выступом Лисьего Носа, а на западе – стрелкой Дубковской косы. Виден тогда был и Кронштадт, не заслоняемый построенным спустя почти два века фортом Тотлебен.

Общая площадь дворца составляла около 1000 квадратных метров. В нём были и дворцовая церковь, и ассамблейные, и пиршественные залы, парадные гостиные и спальни, кабинет, библиотека и другие помещения. Комнаты дворца сообщались друг с другом, образуя две анфиладные оси вдоль всей длины здания, все они были отапливаемыми печами или каминами. Отапливались и все четыре комнаты в павильонах-люстгаузах на концах галерей.

Внутреннее убранство дворца так же отвечало всем требованиям царских покоев. В церковь, устроенную при дворце сразу по его освящению, из Троицкого собора, что стоял на Петроградской стороне, Пётр I перенёс образ Николая Чудотворца. Помещения дворца украсили резным деревом, изразцовыми печами, зеркалами и драпировками. С большой вероятностью можно утверждать, что художественная отделка стен и потолков была выполнена с участием известного штукатурных и лепных дел мастера Антонио Кварди.

28 августа 1724 года состоялись торжества по случаю завершения строительства каменного дворца в Дубках. Петровская ассамблея прошла при большом количестве прибывших гостей, в том числе и «знаменитейших вельмож иностранных». Камер-юнкер Фридрих Вильгельм фон Берхольц, состоявший в свите герцога Голштинского – жениха цесаревны Анны Петровны, записал 29 августа в своём дневнике: «Общество было довольно как угощением, так и всем виденным». Участники поездки признавались, что «представляли себе эти дворцы совсем не такими, какими нашли их на самом деле». Состоялся в тот августовский вечер и фейерверк, и вся акватория вокруг Дубовского мыса была «пальбой тяжёлой далеко потрясена».

Но, к сожалению, недолог был срок расцвета Дубковского дворца. Дальнейшая судьба дворцово-паркового ансамбля Дальних Дубков была драматичной. Последняя царская резиденция окажется не нужной последующим правителям России и скоро будет предана волнам залива и забвению.

28 января 1725 года великий преобразователь России император Пётр I ушёл из жизни. Каменный дворец и парк остались без хозяина. Осиротевшая усадьба два года оберегалась заботами Екатерины I, которая 24 мая 1725 года официально подтвердила принадлежность резиденции царскому ведомству и повелела поддерживать там такой же порядок, как в Петергофе и Стрельне. При Екатерине временная крыша из гонта была заменена долговечными железными кровельными досками. Под руководством знаменитого ванн Болеса, возводившего для Трезини «шпиц» Петропавловской крепости, были переделаны купола во «флюгерах» (флигелях) дворца, а из Петергофа в Дубки были направлены четыре плотника «к делу галерей, лестниц и шпица». Осенью 1725 года приезжал сюда князь А.Д. Меншиков, отдав необходимые распоряжения по благоустройству усадьбы.

6 мая 1727 года не стало и Екатерины I. Меньше чем через месяц после её кончины, 30 мая 1727 года, А.Д. Меншиковым – регентом при новом малолетнем императоре Петре II, – был составлен ордер, содержащий указ об утрате Дальними Дубками статуса царской резиденции и о вывозе всего ценного из дворца и сада. 1 июля того же года Канцелярия от строевых прислала специальную бригаду из шестнадцати рабочих людей и матросов «на трех больших шерботах» для изъятия из дворца полов, панелей, дверей, оконниц, печей, мебели, драпировки, а из сада – деревьев ценных пород (их тогда только переписали и оставили до

осени, до сезона пересадок) и «машины, что на пруду стояла». Машину и деревья предписывалось передать в Петергоф. А всё остальное – в строящийся дворец Петра II. Вскоре зеркала, драпировки и мебель передали в Гофтинтендантскую контору, а иконостас и все церковные принадлежности были пожертвованы в Петропавловскую крепость при Сестрорецком заводе.

В царствование Анны Иоанновны её именным указом в июле 1735 года дворец вместе с рощей, покосами и другими угодьями был передан от Адмиралтейской коллегии в ведение Главной артиллерийской канцелярии (Оружейной конторы). Её возглавлял тогда генерал-лейтенант Виллим де Геннин, начальник Сестрорецкого оружейного завода. Дворец стал для завода подсобной постройкой и был приспособлен под склад.

В 1740-х годах, во времена царствования Елизаветы Петровны, был составлен новый генеральный план усадьбы Дальние Дубки («План ситуации Дальних дубков»), который хранится в Российском государственном историческом архиве. Кроме каменного дворца на нём обозначены и другие сохранившиеся к тому времени памятники петровской поры: гавань, старый деревянный дворец, камень, на котором стояла беседка, и контур Голландского сада. То, что сад обозначен на плане как «место, где был сад», означает, что за три десятилетия он настолько зарос и заболотился, что уже не представлял для современников ценности.

Есть на плане 1740-х годов и любопытные детали, позволяющие судить о жизни Дальних Дубков той поры, когда они уже утратили статус царской резиденции, и быте их обитателей – караульной команды, охранявшей ветшающий дворец, ставший «складочным магазином» для грузов, привозимых на Сестрорецкий завод через Дубковскую гавань. Так, на плане помечены «часовня и один погреб старый», а так же сделана приписка другими чернилами, вероятно более поздняя: «два погреба вновь построить» и «изба для караульной вновь построить».

Печально знаменитое наводнение 1752 года стало роковым для Петровских Дубков: «в ноябре 1752 года бурный морской прилив докончил разрушение дворца. Были смыты набережные галереи с железными решётками, служившие любимым местом для гуляния перед дворцом, разрушены до основания гавань, дворец и оранжереи, которые с этого времени перестали функционировать».

В 1763 году полуразвалившееся дворцовое здание было сколь возможно исправлено. Сохранились выписки из прошений и протоколов, связанных с тяжбами разных лиц и учреждений, в ведении которых в разное время находилась усадьба. «По великости» его крыши Оружейная контора, к которой принадлежал Сестрорецкий оружейный завод, не могла выполнить ремонт за свой счёт и обращалась за помощью в бывшую Канцелярию от строений, в чьём ведении когда-то находились Дубки. Оттуда поступали отписки, а дворец продолжал разрушаться, и уже не был нужен заводу даже под склад.

В 1779 году из Канцелярии Главной артиллерии и фортификаций было направлено письмо Григорию Орлову с изложением всей истории и предложением разобрать дворец на кирпичи, используя их в других заводских строениях. Разрешение было получено, в 1781 году здание разобрали, а кирпич в 1782 году использован частью для заводских зданий, частью – для постройки церкви во имя Петра и Павла.

Так печально сложилась судьба последней петровой «обновки», его Дубковского Монплезира, так много значившего для великого самодержца.

II. СОХРАНЯЯ И РАЗВИВАЯ ТРАДИЦИИ

Обязанный своему появлению Петру I, парк «Дубки» всегда был излюбленным местом отдыха, а также центром культурной и спортивной жизни Сестрорецка. В «Дубках» не только бережно сохраняется история (парк с голландским садом, гидротехническими сооружениями, оборонительным валом и другими объектами), но и постоянно развиваются спортивно-досуговые традиции и связанная с ними инфраструктура.

Первые официальные упоминания о парке как о месте отдыха петербуржцев и гостей города можно отнести к началу XX века. В мае 1904 года крестьянин Коломенского уезда Московской губернии Иван Алексеевич Маринин возбудил ходатайство о разрешении открыть ему семейно-увеселительный сад «Дубки». В компаньонах с ним выступала вдова, крестьянка Ржевского уезда Тверской губернии Татьяна Егоровна Михайлова. Они заключили соглашение о том, что И.А. Маринину будет сдана в аренду на три года часть земли, доставшейся ей от мужа в количестве 3000 кв. сажен с постройками, приспособленными для сада, в которую входили здания для сцены, буфета, музыкантов, ларька для торговли и кассы с двумя отделениями, а также уборных и погребов. Маринин обязан был наблюдать за чистотой и опрятностью сада, соблюдением порядка и тишины. На летний сезон 1904 года пригласили артистов и служащих петербургских театров. В программе были такие драматические спектакли как «Лес», «Ревизор», «Вражья сила», «На дне», «Две сиротки», «Каширская старина», «Разбойники», «На бойком месте», «Борис Годунов», «За монастырской стеной», «Коварство и любовь», а также водевили и комедии «Под душистой веткой сирени», «Жилец с тромбоном», «Комета в уездном городе», «Виц-мундир», «Жена напрокат». По праздникам проходили детские гуляния с играми, фокусниками, клоунами, жонглёрами, гимнастами и хором гармонистов. Примечательно, что Михайлова оставила за собой право беспрепятственно гулять по саду с утра до шести часов вечера и на бесплатный билет для четырёх персон на вечерние гуляния, а также в театр на два первых места на скамейке.

После Октябрьской революции парк наряду с садом отдыха у Дома командира завода стал местом проведения досуга рабочих Сестрорецкого оружейного (инструментального) завода, других предприятий и учреждений города. На его площадках выступали самодеятельные творческие коллективы заводчан, заложившие традиции проведения массовых народных гуляний.

Расположенный, как и весь Сестрорецк, в прифронтовой зоне, парк сильно пострадал в годы Великой Отечественной войны. Начало работ по восстановлению «Дубков» было положено в 1948-1950-х годах архитектором В.Д. Кирхоглани. Официальное решение об организации в городе парка культуры и отдыха «Дубки» исполком Ленгорсовета принял в мае 1960 года.

Вот как писал о Сестрорецке и парке 60-х годов корреспондент «Ленинградской правды»: «Город утопает в зелени, с улиц открываются прекрасные виды на сверкающие глади водоёмов, окружённых густыми зарослями. Ядро города – современный городской центр, застроенный различными по функции и образной характеристике зданиями. Так, наверное, должны были бы выглядеть знаменитые города-сады, многие из которых, к сожалению, так и остались на бумаге...

Наиболее примечательный объект, возраст которого более 200 лет – парк «Дубки», историческая гордость Сестрорецка. Парк, задуманный как регулярный, ныне больше напоминает почти естественную среду, прорезанную осью центральной регулярной аллеи».

Новый виток в развитии парка пришёлся на последние десятилетия. В 2002 году там был построен новый конный спортивный центр с ипподромом, где ежегодно проводятся соревнования по конкуру и выездке. В 2007 году построен футбольный стадион, поле которого имеет современное искусственное покрытие. На нём проходят не только районные и региональные, но даже международные турниры. В спортивно-концертном комплексе парка проводятся многочисленные соревнования и культурно-массовые мероприятия.

В парке работают прокат спортивного инвентаря, лодочная станция, фитнес-зал. «Дубки» являются базовой площадкой Специального Олимпийского Комитета Санкт-Петербурга, там постоянно проводятся соревнования и фестивали для людей с ограниченными возможностями. Проходят мероприятия, посвящённые праздничным и памятным датам. Для любителей тихого семейного отдыха есть «Поляна сказок».

В 2010 году в парке построены два новых теннисных корта, площадки для игры в городки и шары, смотровая площадка на Дубовском мысе, на берегу Финского залива. Обновлён ДОТ, сооружённый в конце 30-х годов XX века. На месте демонтированных старых аттракционов построена современная детская площадка. По старинным эскизам отремонтирован переход с тумбами

и цепями через оборонительный вал, благоустроены пешеходные дорожки. Запланированы работы по восстановлению Голландского сада.

Особую страницу в истории парка занимают его духовные традиции. Со времён крещения Руси в каждом строящемся селении обязательно возводился храм. Так было и в Сестрорецке. Когда в Дальних Дубках для Петра I начали строить резиденцию, неподалёку был устроен «лагерь работных людей», и там же построили часовню. В самом дворце была устроена домовая церковь святых апостолов Петра и Павла. В ней до 1727 года хранилась икона Николая Чудотворца, которую митрополит Феофан преподнёс Петру I при освящении дворца. Впоследствии она была перенесена в храм Петра и Павла. От Петропавловского храма совершались крестный ход на воду (на Иордань) и особый «петровский» крестный ход в память отражения обстрела Сестрорецка англо-французской эскадрой в 1865 году во время Крымской войны. Он проходил в ближайший к 14 июня воскресный день и после литургии направлялся к часовне в «Дубках». Каменная часовня в «Дубках» была построена в 1859 году по инициативе настоятеля храма Петра и Павла Петра Михайловича Лабеецкого. Стояла она на том месте, где во время обстрела осколком разорвавшейся вражеской гранаты был ранен юнкер сестрорецкой дружины. По инициативе главы администрации Курортного района Алексея Васильевича Куимова разрушенную в 1920-х годах часовню восстановили к 300-летию основания Сестрорецка. Часовня во имя святых Петра и Павла и святителя Николая Чудотворца была воссоздана по мотивам сохранившихся фотографий и освящена 6 сентября 2014 года. Её украшают иконы, написанные известным сестрорецким иконописцем Владимиром Цыбиным: апостолы Пётр и Павел, икона сестрорецких святых – священномученик Николай, епископ Великоустюжский и Сестрорецкий, священномученик Григорий, пресвитер Сестрорецкий, а также Богородица «Всех Скорбящих Радость». На иконе апостолов Петра и Павла изображён современный храм Петра и Павла в Сестрорецке. В руках священномучеников Николая и Григория – старый собор Петра и Павла, разрушенный в 1933 году. В связи с тем, что в часовне не предусмотрено отопление, иконы привозят в неё только в дни, когда она открыта для совершения молебнов.

С 2015 года сестроречане проходят крестным ходом от храма Петра и Павла, освященного Патриархом Московским и Всея Руси Кириллом в 2009 году, ко вновь возведенной часовне во время празднования одного из главных православных праздников – Троицы.

В юбилейный год в парке «Дубки» был установлен памятник основателю Сестрорецка Петру I – по мотивам скульптуры, когда-то украшавшей территорию санатория «Сестрорецкий курорт» и разрушенной наводнением 1924 года. В 2010 году по инициативе протоиерея Михаила Петропавловского родилась новая постоянная традиция – проводить в сестрорецком парке праздники в память святых благоверных Петра и Февронии – покровителей семейного счастья, любви и верности, а с 2015 года – и народный праздник «Троица».

В парке «Дубки» проходит множество других праздников и фестивалей. Самыми крупными из них являются мероприятия, посвящённые Дню основания Сестрорецка, Масленице, фестивалю народного творчества «Сестрорецкое подворье», празднику ингерманландских финнов «Юханнус», молодёжным акциям и многие другие.

Нельзя не отметить спортивные традиции, которые поддерживаются и постоянно развиваются в «Дубках». Ежегодно на стадионе и спортивных площадках парка проходит более двухсот соревнований по самым разным видам спорта. Это и шахматы с шашками, волейбол, городки, бочча, баскетбол, настольный и большой теннис, вольная борьба и дзюдо, набирающий популярность флорбол, хоккей и, конечно, наиболее популярный в нашем городе футбол. Общее количество одних только детских и взрослых футбольных команд превышает два десятка. Более десяти лет на стадионе парка проходит турнир среди любительских команд «Sestrik CUP». Любят проводить футбольные турниры в сестрорецком парке и гости города. Под патронажем Федерации футбола Санкт-Петербурга здесь неоднократно проводились Фестиваль детского футбола на Кубок Сестрорецка, Международные соревнования среди воспитанников детских домов. Стало тради-

ционным проведение таких дружеских состязаний как Турнир по мини-футболу, посвящённый памяти Владислава Гусева, Турнир по футболу среди сотрудников консульств, аккредитованных в Санкт-Петербурге, набирает обороты детский турнир по футболу имени Всеволода Боброва, проводятся многие другие соревнования.

До 300-летия парка, которое будет отмечаться в 2019 году, осталось несколько лет. Парк вместе со всеми горожанами готовится к этому значительному событию. Несмотря на свой солидный возраст, он молодеет и расцветает с каждым годом всё больше и больше. Ведь парк не может состариться, пока в Сестрорецке живут люди, которые его любят. Он хорошеет и расцветает с каждым днём и всегда рад встрече с новыми друзьями!

ВАЖНЫЕ ДАТЫ И СОБЫТИЯ В ИСТОРИИ ПАРКА «ДУБКИ»

XVIII век

1714, сентябрь 20 – первое посещение Петром I местности у реки Сестры.

1714 – распоряжение Петра I о постройке летней резиденции.

До 1717 – постройка первоначального (попутного) дома.

1717 – начало земляных и лесопосадочных работ (привоз «чёрной земли», саженцев деревьев, высадка 2000 деревьев, в том числе 200 самим Петром I).

Не позднее 1719 – постройка деревянного дворца. Устройство первоначальной гавани в Дубках (достроенной впоследствии в 1722-1724 годах).

1719 – начало строительства заводской плотины (Сестрорецкий Разлив).

1720 – разметка Петром I места под «огород».

Не позднее конца 1720 – постройка зимнего (тёплого) дома (ночёвки Петра I в Дальних Дубках в январе-мае 1720 года).

Не позднее конца 1721 – подготовка к составлению генерального плана усадьбы (обмеры на местности, составление топографической основы).

Не позднее марта 1722 – составление проекта, оформление чертежа, снятие копии, подписание Петром I.

1722, май – задание Стефану ван Звигену на проектирование каменного дворца в Дальних Дубках.

1722 – постройка деревянного дома из 12 покоев близ заводской плотины.

Не ранее весны 1722 – начало работ по генплану 1722 года.

1722 – переброска Петром I большей части рабочих из Стрельны в Дальние Дубки.

1722 – поступление в Дальние Дубки строительных материалов (камень, известь, цемент, свинец, доски, железо), инструментов для сада (садовые ножницы) и работ в роще (топоры); посадочного материала (яблони, груши, ильм и буксбом для шпалер), удобрений.

1722 – «пункты Петра I» с планом работ на 1723 год. Задание на постройку новой дамбы, указание о новом месте постройки дворца (непосредственно у опорной стенки, в отличие от генплана 1722 года). Поручение отделать в 1723 году палаты хотя бы наполовину («чтобы жить можно было») и доделать галереи.

1723, январь – подписание Петром I проекта каменного дворца (архитектор С. ван Звиген).

1723, март – поручение Канцелярией от строений капитану И. Алмазову закладывать фундамент каменного дворца (по проекту С. ван Звигена). Требование И. Алмазова о присылке архитектора.

Не ранее весны 1723 – закладка фундамента каменного дворца.

1723 – бутка фундамента камнем, возведение кирпичных стен, дополнительный расход кирпича сверх запланированного количества (172 тыс. шт.). Основной объём работ по строительству дворца.

1723 – выполнение штукатурных работ и отделка дубом по указаниям А. Квадри.

1723 – заявки И. Алмазова и Ф. де Вааля на присылку материалов (для цветников, бассейнов, работ в оранжерее) и каменщиков.

1723 – отправка (Канцелярией от строений) в Дальние Дубки архитектора С. ван Звитена.

1723 – отчёт мастеров о выполнении штукатурных работ «по показанию мастера Антона Квадри».

1723 или 1724 – «Большой рапорт» И. Алмазова Петру I. Закончены: гавань (отделана, камнем нагружена, поднята на 3 венца высоты); «хоромы» (дворец); пристань; «сажелка на камне» беседка на камне в море; новая большая галерея; цветники, бассейны (в Голландском саду); аллеи и шпалеры в Голландском саду (275 лип и каштанов, шпалерные ильмы); облицовка камнем половины бассейнов и каналов. Продолжаются работы: достройка последней защитной дамбы и сада; облицовка камнем оставшейся части каналов и бассейнов; «повёрстка песком» и засыпка землёй пустых мест между бассейнами.

1724, январь 21 – Пётр I в своём Указе велит отыскать находившиеся в Дубках шведского садовника и поручить ему выписать из Швеции яблоневые и прочие деревья для украшения своей летней резиденции в Дальних Дубках.

1724, март – приёмка штукатурных работ в 8 больших и 8 малых палатах дворца.

1724 – окончание штукатурных работ по рисункам А. Квадри, окончание работ в бассейнах и цветниках.

1724, август 28 – визит иностранных гостей Петра I в новую резиденцию в Дальних Дубках (посещение дворца, сада и «тамошних фабрик»). Высокая оценка всех осмотренных резиденций, в том числе и Дальнедубковской.

1724 лето – сдача дворца в эксплуатацию.

1724, ноябрь 2 – последнее посещение резиденции Петром I.

1725, май 24 – подтверждение Екатериной I статуса резиденции к дворцовому ведомству (Канцелярия от строений) и её воли сохранить там такой же порядок, как в Петергофе или в Стрельне.

1725, сентябрь 28 – столярные и плотничьи работы в галереях, замена временной крыши из гонта железными кровельными досками.

1725, ноябрь 12 – приезд А.Д. Менишкова, сделавшего распоряжения по благоустройству резиденции.

1726, февраль – отправка из Петергофа четырёх плотников «к делу галерей, лестниц и шпича».

1726, апрель 27 – переделка куполов во «флюгерах» (флигелях) дворца под руководством шпичного и кровельного мастера Г. ванн Болеса.

1727, май 30 – ордер князя А.Д. Менишкова, содержащий указ Петра II об утрате Дубковской усадьбой статуса царской резиденции и передаче её в ведение Адмиралтейской коллегии. Приказ о демонтаже интерьеров, об описи и подготовке к вывозу деревьев ценных пород.

1727, июль 1 – посылка канцелярией от строений в Дальние Дубки бригады из печников, 16 рабочих людей и матросов на двух больших «шхерботах» для вывоза из дворца полов, панелей дверей, печей, оконниц и проч. С передачей в новостроящийся дворец Петра II, а инструментов из оранжерей и «машины, что на пруду стояла» в Петергоф.

1727 – передача зеркал, драпировок, мебели в Гофиндендантскую контору. Пожертвование иконостаса и всех церковных принадлежностей в Петропавловскую церковь при Сестрорецком заводе.

1735, июль – именной указ Анны Иоанновны о передаче Дальних Дубков от Адмиралтейской коллегии в ведение управляющего Главной артиллерийской канцелярией В. де Геннина.

1740-1743 – устройство маяков (сигнального телеграфа) по берегу залива от Дубковской гавани до устья р. Сестры. Устройство фортификационных валов для защиты от возможного шведского десанта.

1740-е – составление генерального плана усадьбы Дальние Дубки (с фиксационным планом дворца).

1741-1743 – сооружение земляных укреплений в ходе русско-шведской войны.

1743, январь – разрушение Устьрецейской гавани наводнением с навалом льда. Дубковская гавань остаётся единственной.

1745, осень – сильная буря и наводнение. Разрушение Дубковской гавани.

1746 – передача места под дворцом и Дубковской пристани Сестрорецкому оружейному заводу.

1748 – выполнение копии чертежа и фиксационного плана дворца архитектурным учеником П. Дружининым.

1748, август 4 – посещение Елизаветой Петровной Дальних Дубков и роицы «со значительно во многих местах разрушившимся дворцом». Назначение караула и садовника для сбора орехов, а также плодов в оранжереях и бригады рыбаков для ловли рыбы к столу императрицы.

1752, ноябрь – разрушение волнами набережных галерей с железными решётками перед дворцом. Прекращение надзора за оранжереями. Разрушение дворца.

1756 – ремонтные работы в Дубковской гавани (после разрушения волнами в 1740-х годах).

1762 – «полуразвалившееся от времени дворцовое здание в Дубках по распоряжению Правительства было сколь возможно исправлено, перекрыто и до совершенного разрушения служило вместо складочного магазина для заводского провианта, выгружаемого у Дубковской пристани». Дубковская лесная дача стала собственностью оружейного завода, туда никого не пускали, там косили сено для заводских и офицерских лошадей – и так продолжалось очень долго.

До 1782 – постройка близ гавани башины для помещения команды, охранявшей дворец до полного его разрушения.

1781-1782 – разборка Дубковского дворца на кирпич, который использован для постройки церкви Петра и Павла в Сестрорецке.

1788 – устройство земляного вала, отделяющего Дубковскую роицу от Сестрорецка, а также насыпей в роице близ гавани – для защиты от возможного нападения войск шведского короля Густава III.

1792, июль – посещение А.В.Суворовым Дубковской роицы с развалинами дворца.

XIX век

1805, июль 12 – посещение Дубковской роицы Александром I.

1847 – постройка конно-железной дороги через дубовую роицу от пристани к заводу.

1849-1852 – постройка шоссе через дубовую роицу от пристани к заводу.

1853, 21 сентября – разрушение шоссе наводнением. Гибель десятков дубов.

1855, 14 июня – обстрел Сестрорецка и дубовой роицы англо-французской эскадрой в ходе Крымской войны.

1857 – построена часовня в память событий Крымской войны. Простояла до 20-х годов XX века. У часовни церковной службой заканчивался крестный ход, который проводился в ближайший к 14 июня воскресный день – это день рождения Петра I. Крестный ход начинался у Петропавловской церкви в Сестрорецке.

1858 – постройка в Дубковской роице священником П. Лабецким каменной часовни в память Крымской войны.

1873, 2 октября – разрушение наводнением и бурей восстановленного дубковского шоссе и двух деревянных мостов в дубовой роице. Гибель десятков деревьев.

1873 – дендроинвентаризация петровских дубов. Насчитано 1056 деревьев.

1882, 20 апреля – повторная инвентаризация. Насчитано 1286 деревьев.

Конец 1880-х – передача Дубковской роицы в Министерство государственных имуществ. Территория становится общедоступной, там появляются огороды сельских обывателей.

1898, май 2 – в Сестрорецке проводят самый первый праздник лесонасаждения. На специ-

альном поезде из Санкт-Петербурга прибыли полторы тысячи учащихся, чтобы в праздничной атмосфере сделать в парке массовые посадки новых деревьев. Эти праздники стали регулярными. Рядом с парком устраивается зоологический сад и парк для увеселения с кружком балалаечников под управлением Николаева.

1889, май 22 – открытие сада отдыха «Дубки» в селении Сестрорецк. Дата основания парка культуры и отдыха «Дубки».

1893 – расчистка Голландского сада от берёзы и ольхи (704 дерева).

XX - XXI век

1904, май – устройство в парке семейно-увеселительного сада «Дубки» И.А.Маринина.

1943 – в ночь на 1 февраля личный состав ДОТа на территории парка совместно с частью береговой обороны отразил атаку финской разведгруппы

1948-1950 – восстановление и реконструкция парка по проекту архитектора Валериана Дмитриевича Кирхоглани.

1964 – в парке работает однодневная база отдыха, принимающая по понедельникам, средам, субботам до 100 человек, а в воскресенье – 300 человек, к их услугам: двухразовое питание в ресторане, кино, лодочная станция, аттракционы, настольные игры.

1970 – планируется земснарядом «ВолгоБалт» вычистить от ила и наносов в объёме 75 тыс. куб. м за полтора месяца Большой Петровский пруд и в заболоченной части парка делается котлован для лодочной станции на 100 лодок и 5 катеров, вынутые 5 тыс. куб. м грунта пойдут на подсыпку заболоченной части парка. Начинает работу конно-спортивная школа.

1973 – открылось новое кафе на 60 мест. На Дубовском мысе строители СУ-1 сделали бетонную облицовку берега и защиту мыса стенкой из металлического шпунта.

1974 – в летнем театре парка по выходным регулярно выступают Народные и Заслуженные артисты страны.

1977 – ущерб от наводнения составил 164 тыс. руб., а на укрепление берега истратили 670 тыс. руб., но дело до конца не довели, защита от волн не создана. Лесотехническая академия ведёт исследования за «черешчатым» дубом, который в этой местности «гость», не выдерживающий заболоченности, больших морозов, засухи, подвержен инфекционным грибковым и вирусным заболеваниям, страдает от вредных насекомых. В парке много дубов с сухими и гнилыми стволами, ветками, дуплами и ранами. Ведутся работы по лечению и удалению больных дубов, работают верхолазы. «Ленпроект» готовит генеральный план парка. Делаются попытки перевести парк из культпросветучреждений в музей.

2011-2012 – в парке проведены работы по восстановлению и реконструкции дренажной системы. В 2011 году были устроены открытые дренажные канавы, которые в 2012 году заменили на подземный дренаж.

2013, октябрь 24 – состоялась конференция, посвящённая году Голландии в ЦБС им. М. Зощенко. В планах развития парка предполагается строительство защитных сооружений от наводнений в виде восстановления Петровского защитного вала и строительство запорного шлюза. Это позволит восстановить Голландский сад в первоизданном виде.

2014 – для оздоровления и лечения высокоствольной растительности в парке спилены 70 старо-возрастных больных дуба.

2014 год – восстановление часовни св. Николая Угодника.

2014, сентябрь 6 – установка памятника Петру I – плотнику.

*ЧЕРДАНЦЕВА Ольга Альбертовна,
главный хранитель садов Русского музея,
руководитель проекта «Фестиваль
«Императорские сады России»*

УСАДЬБА РЕПИНСКИЕ ПЕНАТЫ НА ЕЖЕГОДНОМ МЕЖДУНАРОДНОМ ФЕСТИВАЛЕ «ИМПЕРАТОРСКИЕ САДЫ РОССИИ»

Участие в выставке-конкурсе «С чего начинается Родина...»

Фестиваль «Императорские сады России», с 2008 года ежегодно проводимый Русским музеем в Михайловском саду, в 2012 году был связан с темой юбилея российской государственности. А что с этим словом всегда ассоциируется напрямую? Символы этого государства, его история, в том числе история развития садового искусства.

Русский музей, располагая садами, расцвет которых приходился соответственно: у Летнего сада на XVIII век, у Михайловского сада на XIX век, у сада Михайловского (Инженерного) замка (включая Кленовую аллею и Инженерный сквер) на XX век, предложил для участников выставки ландшафтного дизайна темы, связанные с исторической символикой каждой эпохи. Название ландшафтной выставки «С чего начинается Родина...», раскрывалось через становление ландшафтного искусства в императорских резиденциях и его влияние на развитие дворянской усадьбы в XVIII–XIX вв., а также традиций садово-паркового озеленения XX века и возрождение дворянской усадьбы в XXI веке.

В Михайловском саду участники выполнили композиции, посвященные императорским резиденциям, дворянским усадьбам, садам Серебряного века и др. Были представлены цветочные гербы императорской семьи. Проекты российских загородных усадеб - Архангельского, Кусково, Монрепо, Приютино, Марьино... Ротонды, беседки, прогулочные тропинки, раскидистые цветущие кустарники, оранжереи, огороды, плодовые сады и «гуляющие» между ними владельцы и их сиятельные гости воссоздавали дух эпохи. Так же в фестивале приняли участие французские, итальянские, английские, немецкие и голландские дизайнеры, представившие загородную садовую культуру своих стран.

Одной из номинаций выставки-конкурса 2012 года стала тема:

«Усадьбы старые разбросаны по всей таинственной Руси ...»

Целый пласт садового ландшафтного искусства связан с российской усадьбой.

В этой теме было предложено вспомнить имена владельцев – знаменитых дворянских родов и простых помещиков. Задуматься о судьбе прекрасных некогда загородных дворцов и парков, вдохновлявших поэтов и художников того времени, произведения которых вошли в золотой фонд российской культуры.

Ныне они лежат в руинах, и только некоторым посчастливилось найти новых владельцев, или попасть под защиту государства. В проектах раскрывался дух усадебной жизни XVIII–XIX века.

Музей-усадьба И.Е. Репина «Пенаты»

Именно в этой номинации создал свою экспозицию музей-усадьба им. И.Е. Репина «Пенаты»

Пенаты - это название усадьбы художника И.Е. Репина, которая располагается на берегу Финского залива, в местечке, ныне называемом Репино (бывш. Куоккала), к северо-западу от Санкт-Петербурга. Усадьба невелика по сравнению с другими известными музеями. В ней нет пафоса и

Отреставрированные деревянные ворота в усадьбу

*Фрагменты экспозиции на фестивале
«Императорские сады России» с воротами и прудом*

Музей-усадьба И.Е. Репина
«ПЕНАТЫ»

**«ПЕНАТЫ» – МУЗЕЙ-УСАДЬБА И.Е. РЕПИНА»
«ILYA REPIN'S MEMORIAL HOME "PENATES"»**

УЧАСТИК
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ ХУДОЖЕСТВ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБЩЕСТВЕННОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
НАУЧНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ «НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ МУЗЕЙ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ ХУДОЖЕСТВ (САДЫ ИЛИ ПАРК)»
Россия, 197824, Санкт-Петербург,
Исаакиевская наб., 17
Тел./факс: (812) 323-41-44
e-mail: sekretar@penates.ru
8803042

МУЗЕЙ-УСАДЬБА И.Е. РЕПИНА «ПЕНАТЫ»
Россия, 197739, Санкт-Петербург,
Промышлен микр. 4/11
Тел./факс: (812) 432-89-29
Тел.: (812) 432-87-34
e-mail: penates.muz@yandex.ru
www.penates.ru

ВАУКЕТ
КОЛЛЕКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
Россия, Санкт-Петербург,
Васильевский пр., 43, кв. 2/1
Тел.: +7 (812) 329-14-78
Тел./факс: +7 (812) 438-12-34
sales@vauket.ru
www.vauket.ru

«Пенаты» – у древних римлян, боги хранители домашнего очага.
В переносном смысле «пенаты» – родной дом. Но «Пенаты» были не только домом художника,
а культурным центром, где больше всего занимались искусством.
Участие в проекте архитектора – художника, работавшего на пелесере представляет собой
индустриальную дуэю творчества, столь характерного для этого места.
Доминантой проекта является баннер с изображением дома, со стороны пруда «Каменный пруд»
башня воссоздана в трехмерном виде. К пруду ведет тропинка, флюидирующая живыми березами
в наряде, напоминающая главную аллею парка. На берегу стоит ретроспективное семейное
защитное различие баннера с информацией о «Пенатах» и фотографии,
сделанными в свое время Карлом Буллой и Натальей Нордиан.

*Информационный стенд о композиции
участника на фестивале
«Императорские сады России»*

блеска, однако ветв уютом и открыто-
стью. Название «Пенаты» дано в честь
римских богов домашнего очага. Усадьба
окружена небольшим парком, где можно
отдохнуть в беседках. Именно здесь жил
и творил величайший русский художник

Илья Ефимович Репин. Он же самолично занимался созданием парка вокруг своей усадьбы. Как и его искусство стало во многом предтечей современных стилей, так и разбитый им парк стал прообразом современных экопарков, экофестивалей, таких как «Ахстояние» в Никола-Ленивце Калужской области.

Все со школы знают картины знаменитого художника, такие как «Бурлаки на Волге», «Иван Грозный», «Запорожцы пишут письмо турецкому султану» и т.д., но меньшее число почитателей его творчества знает, что свою усадьбу он приобрел в 1899 году в уединенном, по тем временам, месте. Усадьба находится не очень далеко от Петербурга, что позволило совмещать его творческую деятельность с работой в Академии художеств. Здесь в 44 км от Петербурга, знаменитый русский художник Илья Репин прожил последние 30 лет своей жизни.

В книге Е.В. Первушиной «Усадьбы и дачи петербургской интеллигенции XVIII — начала XX века» мы можем прочесть об устройстве парка вокруг усадьбы: «Усадьба названа «Пенаты» в честь римских богов-хранителей домашнего очага. Изображение этих божков, пенатов, можно видеть на расписных деревянных воротах усадьбы, созданных по рисунку Репина. Гора за усадьбой названа «Чугуевской» в честь малой родины художника. Возле дома рабочими-латышами пробурен артезианский колодец названный «абиссинским». У колодца «Скамья великого гнева», где Репин критиковал молодых художников. С деревянным садовым театром-беседкой «Храм Осириса и Изиды» и расположенной перед нею площадью Гомера связана общественная жизнь Репина. Здесь летом по воскресеньям устраивались собрания жителей Куоккалы, проходили лекции и танцы под гармонику и балалайку... Площадь Гомера

была украшена гранитными глыбами и вывороченными корнями деревьев, покрытых Репиным смолой. В глубине сада расположена смотровая башня «Беседка Шахерезады». В конце жизни Репин изъявил желание навсегда остаться в «Пенатах» и быть похороненным в своём саду без гроба, с посадкою дерева»¹.

История усадьбы связана не только с жизнью Репина, но и с историей русской культуры, с историей страны.

Участие музея-усадьбы им. И.Е. Репина «Пенаты» в фестивале «Императорские сады России» состоялось благодаря энтузиазму директора музея Л.И. Кондратенко и научного сотрудника Андрущенко Л.И. Проект вызвал большой интерес широкой публики и специалистов. (Рис.4,5,6) Поскольку фестиваль посещает большое количество гостей города и иностранных туристов, участие в таком масштабном международном фестивале дало возможность широко прорекламировать усадьбу И.Е. Репина «Пенаты», привлечь внимание к этому всемирно известному памятнику русской культуры конца XIX — начала XX века, единственному художественно-мемориальному музею на Карельском перешейке.

Участие в проекте аниматора-«художника», работающего на пленере, стало олицетворением духа творчества, столь характерного для этого места.

1. Первушина Е.В. «Усадьбы и дачи петербургской интеллигенции XVIII — начала XX века». СПб. 2008, с. 312—331.

СБЕРЕЧЬ КУРОРТНОЕ НАСЛЕДИЕ

В качестве послесловия...

Историко-культурный фестиваль «Смоляной Путь» в 2016 году проходит и под патронажем депутата Законодательного Собрания Санкт-Петербурга А.И. Кушака, и во взаимодействии с администрацией Курортного района Санкт-Петербурга, и в сотрудничестве с Комитетом по культуре Санкт-Петербурга.

Общественной организацией, взявшей на себя хлопоты организационного характера, стал Межрегиональный общественный культурный фонд им. Валерия Сулова, одним из соучредителей которого, в своё время, выступил Народный артист России И.И. Краско. Это и символично. Валерий Сулов – театральный режиссёр «золотого века» развития советского театра и ленинградской театральной школы. И для И.И. Краско, и для многих других известных отечественных актёров он стал надёжным соратником, человеком близким, профессионалом, давшим возмож-

ность раскрыться таланту каждого из сотрудничавших с ним актёров. Поэтому у идеологов фестиваля есть надежда, что его структура окончательно кристаллизуется в изначально задуманную:

1. Краеведческие и профессиональные исторические чтения, как презентации новых открытий, связанных с историей побережья Финского залива Карельского перешейка на территории г. Санкт-Петербурга и Ленинградской области.
2. Презентация новых вариантов историко-культурных туристических маршрутов в Курортном, Кронштадтском, Приморском районах Санкт-Петербурга и Выборгском районе Ленинградской области.
3. Премьеры реконструкций театральных постановок, история которых связана с побережьем Финского залива Карельского перешейка, при обязательном условии соучастия зрительской аудитории, как реконструкторов гражданского костюма и парадного мундира эпохи театральной постановки.
4. Премьеры документальных фильмов и телевизионных передач, посвящённых истории, событиям и людям побережья Финского залива Карельского перешейка. Круглые столы с участием авторов и, по возможности, героев этих проектов. Думается, что эта структурная составляющая фестиваля в ближайшей перспективе могла бы трансформироваться в самостоятельный фестиваль краеведческой кинодокументалистики.

Собственно, сама организация и проведение историко-культурного фестиваля «Смоляной

Путь» - это часть более масштабной идеи мероприятий по сохранению и развитию курортного наследия Санкт-Петербурга.

Эта тема, несомненно, требует собственной научно-практической конференции, в которой смогли бы принять участие историки, владеющие информацией и результатами исследования становления и развития курортного дела в России, непосредственно специалисты в области организации курортов, санаториев и оздоровительных кластеров, специализирующиеся на этой тематике юристы, экономисты и футурологи развития городских территорий. «Политика оздоровления: история, теория и практика санаторно-курортного дела на Северо-Западе России» - таково могло бы быть название этой конференции. Вне всякого сомнения, ей следует быть международной. Очевидным представляется интерес к такой конференции со стороны стран Прибалтики, Скандинавии и, собственно, Балтийского региона в целом.

На минувших конференциях в рамках историко-культурного фестиваля «Смоляной Путь», историки и краеведы говорили о «Сестрорецком курорте», основанном в 1898г. по идее П.А. Авенариуса в целях увеличения доходов Общества Приморской Санкт-Петербургско - Сестрорецкой железной дороги, поддержанной специалистом по минеральным водам России, доктором Л.Б. Бертенсоном, профессором геологии С. Войславом и министром государственного имущества и земледелия А.С. Ермоловым.

Очевидно, что сама история открытия и деятельности «Сестрорецкого курорта» подсказывает аспекты, необходимые для обсуждения специалистами на современной конференции, где могут рассматриваться перспективы сохранения и развития курортного наследия Санкт-Петербурга. Это конкурентоспособные экономические модели развития, это идеи врачей - специалистов по оздоровлению и санаторно-курортному делу, расчёты и соображения специалистов в области географических и геологических наук, правовые и государственно-управленческие аспекты реализации политики санаторно-курортного строительства в рамках стратегий оздоровления населения.

Учитывая, что достаточно важной составляющей конкурентоспособности санаторно-курортного строительства на Северо-западе России является историко-культурная привлекательность территории, где располагается оздоровительный кластер, совершенно актуальными представляются усилия депутатов и чиновников Санкт-Петербурга по созданию условий для организации на территории Курортного района таких объектов как «Экологическая тропа» в Комарово, летний пляж для маломобильных групп населения на пляже «Ласковый» в Солнечном. И, несомненно, всемерная поддержка уже действующих историко-культурных объектов - Музея - усадьбы И.Е. Репина «Пенаты», Историко-культурного музейного комплекса в Разливе, востребованного в рамках формирующего туристического «красного маршрута». Важной представляется и поддержка, а иной раз и инициирование новых привлекательных историко-культурных объектов, таких, как обсуждаемая теоретиками уже несколько лет, «неолитическая тропа», трансформирующаяся в перспективе в международный студенческий археологический лагерь.

Курортный район Санкт-Петербурга - это своеобразная территория - малая энциклопедия людей, событий и феноменов в рамках большой энциклопедии «Санкт-Петербург - Северная, Культурная и Морская столица России».

СОДЕРЖАНИЕ

<i>КУЩАК А.И., депутат Законодательного Собрания Санкт-Петербурга</i>	3
<i>КУИМОВ А.В., глава администрации Курортного района Санкт-Петербурга</i>	4
<i>ШКАРОВСКИЙ М.В.</i> СВЯТО-ТРОИЦКИЙ ЛИНТУЛЬСКИЙ МОНАСТЫРЬ – ОБЩАЯ СВЯТЫНЯ РОССИИ И ФИНЛЯНДИИ	6
<i>КОЛОСКОВ Е.А.</i> ФЕСТИВАЛИ ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ НА КАРЕЛЬСКОМ ПЕРЕШЕЙКЕ КАК ЭЛЕМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ	10
<i>ПОДОЙНИКОВ С.И.</i> ПАМЯТНИКИ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ, НАХОДЯЩИЕСЯ ПОД ОХРАНОЙ ГОСУДАРСТВА И ИХ СОСТОЯНИЕ НА ТЕРРИТОРИИ КУРОРТНОГО РАЙОНА САНКТ-ПЕТЕРБУРГА	12
<i>УШАКОВА О.Б.</i> МЕЖВУЗОВСКИЙ ИНИЦИАТИВНЫЙ ПРОЕКТ «УХОДЯЩАЯ НАТУРА» - ВКЛАД В ИЗУЧЕНИЕ И СОХРАНЕНИЕ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ КУРОРТНОГО РАЙОНА	18
<i>РАССАХАТСКАЯ Н.А.</i> «ОССИАНИЧЕСКИЙ» ПАРК МОНРЕПО	24
<i>АМИРХАНОВ Л.И.</i> ИСТОРИЯ КУРОРТНОГО РАЙОНА В АРХИВАХ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА	30
<i>БАЛАЦЕНКО Ю.Д.</i> ИСТИННЫЙ ЕВРОПЕЕЦ» НА КАРТИНЕ И.Е.РЕПИНА	40
<i>ВИЗИРЯКО Т.Н.</i> ЗАБЫТЫЕ ИМЕНА. ЗНОСКО-БОРОВСКИЙ	50
<i>ГАНУСИНЕЦ О.В., ФЕДОРОВ В.М.</i> «КАЗАЧЬЯ ВОЛЬНИЦА НА РАЗЛИВЕ»	56
<i>ГАРАЕВА Р.Н.</i> ДАЧНИКИ В СЕСТРОРЕЦКЕ	62
<i>ГРИГОРЬЕВА Н.В.</i> ЕЛЕНА ГУРО	71
<i>ШНЕЕРСОН Ефим</i> СОН О ГУРО	76

ЕВГЛЕВСКИЙ Я.Н.	78
ОСКАР ГРУЗЕНБЕРГ – ОДИН ИЗ СТОЛПОВ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ АДВОКАТУРЫ	
<i>ЕРШОВ М.Л.</i>	84
ПРЕДВОЕННАЯ ЖИЗНЬ НА ОЗЕРЕ РАЗЛИВ (ПЕРВАЯ ТРЕТЬ ХХ СТОЛЕТИЯ)	
<i>КАРПОВА Е.В.</i>	90
ПУТЬ ГРИГОРИЯ ЗИНОВЬЕВА К РАЗЛИВУ	
<i>КОЛОТОВА И.Н.</i>	99
РЫБАЦКИЙ ПОСЕЛОК БЪЕРКЕ-КОЙВИСТО (КОНЕЦ XIX - НАЧАЛО ХХ ВВ.)	
<i>ЛАПИЦКАЯ Е.О., ДРУЖИНИНА А.Г.</i>	107
НАСТОЯЩЕЕ ПРОШЛОЕ	
<i>РОГАЛЕВА Н.Н.</i>	110
НАГОРНЫЙ БУЛЬВАР КОРНИШ И БЕРЕГОВОЙ УСТУП СЕРОВО	
<i>СЕРГАЧЕВ С.Н.</i>	116
В ПОИСКАХ «ФИНЛЯНДСКОГО ДВОРИКА» И «ПОХИЩЕННОЙ ЕВРОПЫ»	
<i>ХРАМЦОВА Я.Р.</i>	125
ПАРК «ДУБКИ	
<i>ЧЕРДАНЦЕВА О.А.</i>	136
УСАДЬБА РЕПИНСКИЕ «ПЕНАТЫ» НА ЕЖЕГОДНОМ МЕЖДУНАРОДНОМ ФЕСТИВАЛЕ «ИМПЕРАТОРСКИЕ САДЫ РОССИИ»	
<i>КАРПОВ Е.В.</i>	140
ПОСЛЕСЛОВИЕ	

Историко-культурный альманах

СМОЛЯНОЙ ПУТЬ

Выпуск 3

Редактор - *Карпова Елена Витальевна*

Компьютерная верстка и оформление обложки - *У.Р. Овчаренко*

Научный консультант - *к.и.н., доцент СПбГАУ Е.В. Карпов*

Подписано в печать 18.08.2016. Формат 70x100 1/6. Печать офсетная.

Гарнитура Minion Pro. Усл. печ. листов 12,25 (в т. ч. 1, 29 вклейка)

Заказ 1660. Тираж 1000 экз. Изд. №482.

Группа издательских проектов «Остров Слов»

WWW.GENNIN.RU

e-mail: t812tt@yandex.ru

СПб: Межрегиональный общественный культурный фонд им. Валерия Сулова

Адрес для писем:

199034, Санкт-Петербург, 5-я линия В.О., 10

Юридический адрес:

198332, Санкт-Петербург, Ленинский пр., 81, корп. 1, кв. 15Н литер А

Тел./Факс: (812)328 0901

e-mail: kulturniyfond@mail.ru

Грот Медузы

Церковь в Дибунах

Дача Глазовых. С 1916 г. - дача Шереметева А.Д. Откр. из коллекции А. Старкова

ISBN 978-5-9908492-2-8

